

**Записки по дидактике
священномученик Фаддей (Успенский),
архиепископ Тверской**

Общая дидактика

О задаче начальной школы

Об обязанности учителя не только учить, но и воспитывать детей

Первый и наиболее важный вопрос для учителя начальной школы есть вопрос о задаче начальной школы. Ответ на этот вопрос, повидимому, сам собою ясен: задача учителя состоит в том, чтобы научить детей читать, писать, считать, вообще дать детям первоначальное образование. И многие учителя действительно останавливаются на подобном решении вопроса без какого-либо дальнейшего размышления. Однако неправильно было бы думать, что на обязанности учителя лежит лишь первоначальное научение чтению, письму и счету и что, исполнив эту обязанность, он может быть спокойным. Учимся мы, как говорит известная всем поговорка, не для школ, а для жизни (*Non scholae, sed vitae discimus*). Быть может, для некоторых людей, ученых по призванию, и следует заниматься только наукою, но нельзя одним учением ограничиться в начальной школе. Способности дитяти только еще начинают развиваться, и если бы во время школьного учения все заботы воспитателя направить только на изучение наук, развитие душевных способностей дитяти было бы односторонним, – даже более, развитие одного ума могло бы вредно отразиться на развитии сердца и воли. А между тем развитие добрых качеств сердца и правильное развитие воли не только не менее, но даже более важно, чем развитие ума. Мы ценим человека не столько за его ум, сколько за его доброе сердце или твердую волю и характер. И пусть не говорят, что воспитание дитяти получает уже ранее в семье, школьное же время назначается для учения. Воспитание продолжается всю жизнь и никогда не оканчивается, тогда как учение может прекратиться в определенное время.

Самая жизнь с ее различными переменами, радостями и горестями не есть ли своего рода постоянная воспитательная школа, в которой Верховным Воспитателем является Сам Бог? Недаром по этому поводу говорят: «Такой-то человек прошел трудную школу жизни». Если воспитание должно продолжаться постоянно, то понятно, что тем более не должно оно прекращаться в школе. Напротив, учитель, постоянно обращаясь с детьми и пользуясь особенною восприимчивостью детского возраста, тем, что в дитяти сильно не укрепились еще различные дурные навыки, которые впоследствии полагают иногда непреодолимое препятствие к исправлению, прямо обязан не только учить детей, но и

воспитывать их. Нередко с поступлением в школу дети удаляются изпод постоянного надзора родителей, и место их должна заступить в таком случае школа. Мало того, не потому ли и вверяют многие родители детей своих школе, что считают собственные силы недостаточными для того, чтобы дать детям вполне правильное воспитание? Они ожидают, что школа научит детей умуразуму, и если школа не заботится о воспитании, упрекают за различные проступки детей своих самую школу, говоря: «Чему же вас в школе учили? Значит, толку от этой учебы никакого нет». Наконец, следует заметить, что без воспитания не имело бы успеха и самое обучение. Так, для успешности обучения необходимо приучить дитя к вниманию. Всем вообще детям свойственна рассеянность, они увлекаются всяким новым впечатлением и благодаря этому не могут усвоить многого из того, что говорит учитель: одного они не слышали, другое не постарались запомнить. Ученье может идти успешно только тогда, когда дитя научится сосредоточиваться или быть внимательным к словам учителя. А все это требует не только работы ума, но и напряжения воли, следовательно, к чисто умственным занятиям является необходимость присоединить и воспитание воли. Затем, мы долгие помним то, что для нас интересно, что живо затрагивает наше чувство и волю. Впечатления детства долго помнятся именно потому, что в детстве человек более живет сердцем, чем умом: всякая игра, всякая деятельность непосредственно увлекает дитя, потому что не подвергается еще постоянному действию строгого и подвергается еще постоянному действию строгого и холодного соображения. Так и при занятиях в школе: даже то, что кажется трудным для умственного соображения, перестает казаться трудным, когда умственная работа привела в движение известные чувства. Все это свидетельствует о том, насколько необходимо учителю быть вместе с тем и воспитателем.

Заклучим нашу речь о необходимости воспитания в школе прекрасными словами святителя Иоанна Златоуста. «Не безрассудно ли учить детей искусствам, посылать их в училища, ничего не жалеть для такого их образования, а о воспитании их в наказании и учении Господнем не заботиться? За то-то сами мы и пожинаем плоды такого воспитания детей своих, видя их дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными. Мы не щадим ни трудов, ни издержек на то, чтоб обучить детей светским наукам, чтобы выучить хорошо служить властям земным. Безразлично для нас одно знание святой веры, одно служение Царю Небесному. Мы позволяем им посещать зрелища; а чтобы они не убежали Церкви, чтобы не стояли в ней не благоговейно, о том мало заботимся. Мы

заставляем их давать отчет в том, что они выучили в своих светских училищах; почему же не требовать от них отчета в том, что они слышали в доме Господнем? Не говори: «Это слушание Писаний – дело монахов; ужели мне сделать дитя монахом?» Сделай его христианином. Ибо и мирянам весьма нужно внимать учению, заключающемуся в Писании. Как при снаряжении корабля нужен бывает кормчий и полное число пловцов не тому, кто всегда стоит на пристани, но тому, кто постоянно занимается мореходством, точно то же должно сказать и относительно монаха и мирского человека. Первый, как бы находясь в необуреваемой пристани, проходит жизнь неозабоченную и устраненную от всякого волнения; а последний постоянно обуревается и плывет среди моря, сражаясь с множеством треволнений. Но для чего, скажешь, нашим детям нужно любомудрие и строгое поведение? Вот это-то самое и сгубило все – дело, самое необходимое и служащее опорой нашей жизни, считается излишним и ненужным. Так что же, скажешь, – станем мы все любомудрствовать, а житейское все погибнет? Нет, почтеннейшие, не любомудрие, а уклонение от него погубило и расстроило все. Ибо кто, скажи мне, расстраивает настоящее положение дел – те ли, которые живут воздержно и скромно, или те, которые изобретают новые и незаконные способы наслаждения? Те ли, которые стараются захватить себе все чужое, или те, которые довольствуются своим? Первые – не то же ли в обществе человеческом, что опухоли на теле и бурные ветры на море? А последние – не так ли, как яркие светила среди глубокого мрака, призывают бедствующих среди моря к своей безопасности? Так они (т.е. первые) низвращают порядок общественный и губят общее благо, они-то причиняют бесчисленные бедствия и другим. Для них-то судилища, и законы, и взыскания, и различные виды наказаний».

Понятие о воспитании, виды воспитания

Но если воспитание необходимо, то возникает другой вопрос, что же такое воспитание? Дело в том, что слово «воспитание» употребляется в весьма различных значениях. Вообще, воспитание есть развитие сил воспитанника, но, по различию сил воспитанника и вследствие неодинакового понимания цели воспитания, оно имеет значение весьма разностороннее. Так, есть воспитание физическое или телесное, которое имеет целью укрепить тело, сделать его здоровым, крепким, выносливым, легким в движениях. Затем, есть воспитание духовное, которое имеет также несколько видов. Именно: воспитание умственное, когда

воспитатель заботится утвердить в уме воспитанника здравые понятия и взгляды на вещи, развивает в нем наблюдательность, внимательность, сообразительность и т.д.; затем – воспитание сердца, когда воспитатель хочет сделать сердце воспитанника искренним, доверчивым, мягким, благожелательным и т.п.; воспитание воли – когда воспитатель старается сделать волю воспитанника твердую, последовательную, настойчивую и т.д. Кроме того, слово «воспитание» получает различные значения и в зависимости от того, какой стороны жизни оно касается. Один воспитатель более всего надежд возлагает на воспитательное значение наук, другой заботится о так называемом художественном, или эстетическом, воспитании, приписывая великую воспитывающую, облагораживающую силу разным искусствам – музыке, пению, живописи и т.д. Особенно часто под воспитанием подразумевают нравственное, т.е. воспитание в дитяти различных добрых чувств и привычек, вообще склонности к добродетели, и воспитание религиозное.

Различные взгляды на воспитание, происходящие от различия природных сил человека и от неодинакового понимания основной задачи воспитания. Их недостатки

При столь разнообразном понимании воспитания одни педагоги обращали главное внимание на одну сторону, другие – на другую. Мы не будем останавливаться на таком взгляде на воспитание, по которому главной целью его поставляют, например, приучение к так называемым хорошим манерам, умение держать себя в обществе, вообще так называемую светскую благовоспитанность. Остановимся на некоторых более известных взглядах на воспитание древнего и особенно нового времени. Так, в древнее время некоторые народы, особенно греки, персы, придавали очень много значения телесному воспитанию, различным гимнастическим и военным упражнениям. Да и в новейшее время мысль о значении физического воспитания развивалась иногда преувеличенно (например, у Локка), – это выразилось в том, что известному положению: «*in corpore sano mens sana* («в здоровом теле здоровый дух») – придавалось значение очень преувеличенное. Или некоторые педагоги во главе всего поставляли образование ума, которое само собою будто бы ведет за собою воспитание сердца и воли. Так, Спенсер думает, что «знание естественных причин и следствий» есть главное средство и нравственного воспитания, вообще возлагает большие надежды на науки, особенно естественные. И у нас в России в 60х и 70х годах, в период усиленных забот о «просвещении», преувеличивалось значение умственного образования. Напротив, религиозное воспитание у многих новейших педагогов остается

почти в стороне. Спенсер, например, говорит о Боге только как о какойто неведомой Силе, лежащей за мировыми явлениями. Бэн говорит («Воспитание как предмет науки», с. 360), что на школу почти не следует возлагать надежд относительно религиозного воспитания, более имеют значения родители, Церковь, окружающие лица, дух века. И в книжке «Новая школа» (изд. К. П. Победоносцева), представляющей идеал современного западноевропейского воспитания, почти ничего не говорится о религиозном воспитании, а в приведенной здесь программе учебных предметов и совсем нет Закона Божия; в этой книжке говорится о том, что воспитание должно более иметь в виду действительные потребности жизни, особенно развитие «знания и интереса в области занятий промышленных» (с.107), о поднятии воспитания физического, о сближении воспитания с воспитанниками, о лучшей постановке преподавания разных наук, например истории, географии, естествознания, о более живой постановке преподавания древних и новых языков, о художественных и общественных развлечениях, которые должны сделать из воспитанника «светского человека», и т.п. До религии же в школе как будто нет дела, как будто религия может «проникать всего человека, направлять все его действия» (с. 113), хотя бы школа оставила развитие религиозной жизни на произвол судьбы.

О счастье и пользе воспитанника как основной цели воспитания

Что касается главной цели или основной задачи воспитания, то и она понималась и понимается не одинаково. Отсюда новые различия во взглядах на воспитание. Так, нередко в древнее и новое время этою целью ставилось и ставится счастье или польза воспитанника (эвдемонизм и утилитаризм). Но ведь счастье для каждого человека различно; в чем один находит счастье, к тому другой относится равнодушно или испытывает муку. Один находит счастье только в удовольствиях, а другой в трудовой жизни, нередко лишенной приятности. Главное же то, что человек никогда не может быть счастлив, если он неспокоен совестью. Поэтому-то уже в древности люди приходили к мысли, что счастье, полагаемое в пользовании земными благами, недостижимо. Языческие философы – стоики относились к земным благам с презрением и более счастливым считали того, кто приучил себя к лишению их и стремится к добродетели. Тем более счастье недостижимо, когда в основу его полагается прирожденное самолюбие, или эгоизм. Равным образом и польза,

понимаемая в смысле умения приспособиться, благодаря воспитанию, к окружающему миру (Спенсер), никак не может быть признана последнею целью воспитания. Кроме того, что стремление к пользе имеет эгоистический характер и ведет к отчужденности людей друг от друга, оно и по самому существу дела есть недостижимое стремление. Ибо может ли приспособиться к окружающим обстоятельствам тот человек, у которого расстройство внутри, в самой душе, в самом средоточении его жизни?

О природосообразности воспитания

По мнению других педагогов, также весьма известному и в существе дела правильному, воспитание должно стремиться к сообразности с природою воспитанника или к природосообразности. Много писал о природосообразности воспитания и обучения знаменитый славянский педагог (родом чех) Ян Амос Коменский, применял же этот метод особенно широко знаменитый немецкий педагог Песталоцци, затем Дистервег и др. Но если Я. А. Коменский, развивая мысли о необходимости природосообразного воспитания, стоял еще на довольно правильном пути, то многие другие педагоги далеко уклонились с надлежащего пути. Вот, например, как рассуждал о природосообразности воспитания прославленный французский педагог Руссо. «Все хорошо, – говорит он, – выходя из рук Творца, все вырождается в руках человека». Поэтому, по мнению Руссо, у дикарей, ведущих жизнь более близкую к природе, более чистая и неиспорченная природа, чем у цивилизованных просвещенных народов Европы. «Пусть люди будут предоставлены самим себе, и тогда наступит золотой век всеобщего довольства и счастья». Просвещение и цивилизация, удаляя от природы, портят воспитанника, – как будто европейское просвещение и общественная жизнь создавались совершенно иными, а отнюдь не теми же естественными потребностями человека.

Затем, во имя природосообразности, Руссо требует, чтобы религиозное обучение отдалялось до полного развития рассудка. Следует до 12 лет сохранить ребенка здоровым и сильным в такой непосредственности, чтобы он не умел отличить правой руки от левой. До 15 лет Эмиль – главное лицо педагогического романа, в котором Руссо развил свои мысли о воспитании, – не знает еще, есть ли у него душа. О Боге же он узнает – и то как-то случайно – лишь накануне совершеннолетия. Точно так же и по мнению Песталоцци: чтобы воспитывать сообразно с природою, до старшего класса не следует

преподавать в школе Закон Божий. Дитя сначала чувствует любовь, доверие и благодарность к матери, которая о нем заботится; она только потом может внушить дитяти такие же чувства и в отношении к Богу; она только и может учить дитя религии, а не священник или кто другой. Кроме так называемого естественного обучения религии не признавалось никакого другого. «Долой священников. Чему нужно, могут научить и светские лица», – говорил другой немецкий педагог Дистервег, требуя вполне самостоятельного развития человеческой природы: «В самой человеческой природе, а не в догматах Церкви коренится добродетель». При таком мнении выходит, что христианство не свойственно детской природе, тогда как Сам Спаситель сказал: «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10, 14). Мнение Руссо и др., будто религиозное обучение должно быть отложено до полного развития рассудка, следует признать весьма странным. Рассудок только направляет на надлежащий путь влечения, вложенные в природу человека, развиваются же они сами по себе, не дожидаясь, пока рассудок сознает их необходимость. Человек, например, научается есть, одеваться, совершать целесообразные движения, говорить, усваивает разные правила приличия и обращения с людьми, хотя во многом из этого не отдает еще себе полного отчета. Почему же развитие одного религиозного чувства откладывать до полного раскрытия способности понимания? Не значило ли бы это заглушить главнейшую потребность природы человека и как подобное воспитание назвать природосообразным? Если бы необходимо было бы уже для дитяти сознательное усвоение всех догматов веры, тогда, конечно, нельзя было бы учить религии в детском возрасте; но ведь от него требуется лишь развитие его же природного влечения к Божеству, которое только постепенно из полусознательного должно переходить в сознательное. Догматы же веры остаются не вполне постижимыми даже для вполне развитого рассудка и должны быть принимаемы на веру.

Главная же ошибка всех этих педагогов состояла в том, что они забывали и не принимали во внимание испорченности человеческой природы после грехопадения, вследствие которой она не может быть чистою, многое в ней следует исправлять, искоренять из нее зло и расстройство, произведенное грехом, а не следовать во всем этой испорченной природе.

Та же самая ошибка обыкновенно соединяется и с тем в сущности одинаковым с вышеозначенным мнением, по которому воспитание должно вести к всестороннему и гармоническому развитию всех природных сил

воспитанника. Этот взгляд был бы правильным, если бы правильно понималась человеческая природа, а без этого всегда останется неясным, какая же сторона жизни или какая сила души должна быть преимущественно воспитываема, что должно считать главным и что менее важным в деле воспитания, важнее ли всего, например, умственное образование или наравне с ним по важности следует ставить воспитание тела и т.п.

О гуманности воспитания

Особенно, повидимому, близкое к истине мнение о воспитании то, что воспитание должно быть гуманным, что воспитание должно сделать воспитанника прежде всего человеком. Но и гуманность также понимается неодинаково. Одни говорят, что быть гуманным – значит снисходить и прощать все другому, потому что ничто человеческое и нам не чуждо. Такой взгляд легко ведет к излишней снисходительности, при которой ничего не взыскивается с воспитанника даже за пороки. Во имя гуманности педагоги из школ филантропинистов (например, Базедов) требовали, чтобы первоначальное обучение по возможности менее соединялось с трудностями для детей, но всячески было облегчаемо. Все обучение, например, грамоте, должно быть превращаемо в ряд игр – в буквы, в слоги и т.д.; за преодоления разных трудностей азбуки детям даются буквы, приготовленные из сдобного теста вместо завтрака. Период детства, говорит Базедов, должен быть временем радости и счастья. Поэтому из обучения, например, религии должно быть выкинуто все, что может возбуждать в детях чувство страха и уныния. Бог есть любовь, – пусть же в детской душе слагаются чувства, вызываемые только этим представлением о Боге. Но так могло бы и должно было бы быть в таком только случае, если бы природа человеческая была совершенна, если бы она не требовала постоянного обуздания, каким и служит чувство страха. Впрочем, следует заметить, что хотя страх Божий есть «начало премудрости», это не исключает, а, напротив, предполагает развитие в сердцах детей чувства любви к Богу. Самый страх должен возникать из любви к Богу, проистекать из боязни оскорбить Бога, как любящего Отца. «Совершенная любовь, – по словам апостола Иоанна Богослова, – изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (1Ин. 4, 18). Но любовь вполне чужда страха разве только на высших ступенях совершенства. Неизбежная греховность само собою возбуждает страх, и в этом отношении страх Божий действует на душу весьма

благотворно, освежающим и очищающим образом. Без страха Божия и самая любовь не могла бы достигнуть чистоты и совершенства.

Или быть гуманным, по мнению других, значит уважать во всяком другом человеке его человеческое достоинство, свойственное всем людям, к какому бы народу или вере он ни принадлежал, развивать в воспитаннике только свойства человеческой природы, общие всем людям. – Уважать следует, конечно, всякого человека, но нельзя думать, будто бы только так называемые общечеловеческие свойства должны быть развиваемы в воспитаннике, что, например, не следует поэтому особенно заботиться о развитии в нем любви к своей Церкви и отечеству. Воспитывать дитя так, как будто бы оно было какой-то гражданин всего мира, не обращая внимания на то, что оно есть сын именно русского, например, отечества, сын православной Церкви, значило бы то же, что посадить дерево вообще, между тем как в действительности растут только определенные деревья: яблони, березы, липы, дуб, клен и т.п.

Мысль, что воспитание прежде всего должно сделать из воспитанника человека, нередко развивалась и нашими русскими педагогами, начиная в особенности с Пирогова в 60х годах¹, и у некоторых педагогов получила одностороннее развитие. Они слишком останавливались на свойствах самой природы, забывая об ее несовершенстве, благодаря которому нельзя на них одних построить все здание воспитания. Так, Белинский говорит: «Назначение человека – развить лежащее в его натуре зерно духовных средств» («Учитель» за 1861 г., «Белинский как педагог», с. 202). Подобными же мыслями проникнута книга Е. Водовозовой «Умственное и нравственное развитие детей». В ней говорится исключительно почти о развитии так называемых естественных способностей человека и почти ни слова о христианском воспитании, которое должно было бы давать этому развитию новое, ему лишь свойственное направление.

Следствия отрешения воспитания от религии

Вообще же, во взглядах многих современных западноевропейских педагогов и русских их последователей замечается то крайне опасное заблуждение, что воспитание должно состоять в развитии только природных сил человека и может идти независимо от религии, даже христианской. Но к чему приводит подобное воспитание, отрешенное от христианской религии, наглядно показывает самая действительность. По словам французского писателя Альфреда Фулье, во Франции, которая более всех заботилась об удалении Закона Божия из школ, число

преступлений детей необыкновенно увеличилось, именно со времени введения обязательного обучения в 1881 г., и преобладающее число преступлений падает на учившихся в школах светских, а не церковных². И сам Фулье причину этого видит в том, что слишком много заботятся о развитии ума, мало обращая внимания на образование сердца и воли. Прекрасно изображены последствия безрелигиозного воспитания в повести английской писательницы Марии Корелли «История детской души» (изданной на русском языке К. П. Победоносцевым). Безрелигиозное воспитание называется в этой книге преступлением, худшим детоубийства. Какие тяжелые мучения испытывал мальчик Лионель, которому никогда не говорили о Боге или говорили о Нем только в отрицательном смысле, видно из следующего молитвенного обращения его к Неведомому им Богу пред совершением самоубийства: «Всемогущий Атом! – тихо начал он. – Я хочу молиться, хотя я еще никогда не молился и не знаю, как молятся другие... Может быть, ты не можешь слышать меня. А если бы и мог, то не захотел бы, – но все же я ведь чувствую, что есть кто-то, кому я должен высказать себя... О, милый Атом! Если же в конце концов откроется, что ты вовсе не Атом, а Бог, Бог живой, добрый, любящий, сострадательный ко всем бедным людям, которых Он сотворил, ты и меня пожалеешь... ты поймешь, отчего я иду искать тебя... ведь я не виновен в том, что мне жить здесь так страшно, что я так хочу знать, есть ли что лучше этого мира, в котором мы никогда не можем сберечь себе то, что мы любим, где все подлежит смерти и забвению... О, если ты Бог, я знаю, тебе будет жаль меня! Я всегда так хотел верить в тебя как в Бога, и так бы любил тебя – если бы они не запрещали!.. Они не хотели, чтобы я видел в Тебе Бога, я чувствую Тебя, но не знаю, могу ли верить своему чувству. И вот, это я узнать хочу – и другого пути нет... Кто бы Ты ни был, Ты, Который создал небо, и звезды, и солнце, и море. И цветы, и всю красоту – иду к Тебе! Если ничто созданное Тобою не погибает, и мне Ты не дашь погибнуть... Ты взыщешь меня – и я найду Тебя... Жить так страшно... а к Тебе идти мне не страшно, Господи!..»

Или вот еще слова его из письма, написанного им пред смертью к своему профессору: «Дорогой профессор! Я надеюсь, что вы не слишком строго меня осудите за то, что не могу дальше так жить... Ведь пришлось бы мне учиться долгие, долгие годы, пока я научился бы всему тому, что нужно знать ученому, – и я чувствую, что учиться, не зная, для чего учишься, это меня только бы измучило... Понятно, что каждому важнее всего узнать хоть что-нибудь о Боге, – но даже вы ничего мне объяснить не могли... Если бы это было объяснено, была бы цель стараться быть умным

и добрым, а так, право, трудиться не стоит – выходит лишь напрасная трата времени... я обо всем этом думал, и вот теперь, когда ушла от меня моя мама, когда умерла милая маленькая Жесмина, мне стало еще как-то страшнее постоянно слышать, что есть только Атом, которому до всего все равно... Я не хочу этому верить... и я хочу теперь пойти к Богу – Он объяснит мне все то, что здесь никто мне объяснить не хочет. Меня не удивит, если я нынче же найду Его, потому что, вот в эту самую минуту, я так чувствую Его близость... Итак, прощайте, милый, дорогой профессор. Если будете опять учить маленьких мальчиков, мне кажется, что всего лучше было бы вам научить их верить в Бога – в Бога, Который все создал и всех любит... тогда насколько радостнее жилось бы им!.. Ради меня, не забудьте это, когда начнете учить другого мальчика, – пусть не будет он такой несчастный, как я!» (с. 219 и далее; 231 и далее).

О воспитании христианском как единственно правильном и сообразном с природою человека

Только христианство указывает для воспитания цель самую правильную, высокую и наиболее соответствующую природе человека, так как душа «по природе христианка», по выражению Тертуллиана. Главная цель самого христианства состоит именно в том, чтобы перевоспитать человека. Поэтому некоторые Отцы Церкви Самого Божественного Основателя христианства называли Божественным Педагогом. Христианское воспитание соединяет в себе все то, к чему стремятся педагоги, и только оно вполне достигает тех целей, какие педагоги ставят для воспитания. Так, если говорят, что воспитание должно вести к счастью воспитанника, то только христианство и может дать истинное счастье человеку. Не отвергая (как языческие философы-стоики) земных радостей, оно запрещает только неумеренную привязанность к ним и указывает человеку на истинную радость, которая состоит в молитвенном общении с Богом, в служении ближним в духе любви. Но научить человека находить именно в этом радость и счастье, поддержать его среди видимых скорбей и страданий жизни не может ни одно учение, ни одна философия или религия, кроме христианской. Если говорят, что воспитание должно быть природосообразно, то что сообразнее с природой человека: давать ли возрасти в душе дитяти различным страстям и привычкам (Руссо), потому что будто бы они свойственны природе человека, или подавлять их в самом начале, когда они еще не укрепились и легко могут быть искоренены? Что сообразнее с природой человека: с самого ли начала

развивать и воспитывать в дитяти прирожденное душе человека стремление к Богу или оставлять это влечение на произвол судьбы, лишая чрез то всякого смысла и все прочие высшие стремления души? Если говорят, что воспитание должно обнимать все стороны жизни человека, то более всего это достигается чрез христианское воспитание, которое обнимает все силы души и тела человека. Так, например, хотя религия христианская духовная, но она не запрещает заботиться о теле, напротив, заповедует человеку труд. Чтобы укреплять тело, предохранять дух от праздности, заповедует быть воздержным, чтобы не расстроить здоровья тела и т.д. При этом заповедует, чтобы тело было не только здоровым и крепким, но и служило самым послушным орудием духа. Церковь не отвергает и искусства: в самом богослужении христианском, например, соединены многие искусства – пение, живопись, архитектура, священная поэзия. Быть может, иной из крестьянских детей почти только в Церкви и может получить художественное воспитание известного рода. Не будем уже говорить, что христианство не отвергает здравого образования ума, давая ему надлежащее плодотворное направление, и одно только может дать средства воспитать волю. Если многие педагоги утверждают, что воспитание должно быть гуманным, то кто может быть гуманнее христианина, который исполнен любви ко всем людям, как братии во Христе, – не говоря уже о том, что лишь христианство может научить истинной любви ко всем людям, не исключая врагов?

Приведем здесь прекрасные мысли о христианском воспитании преосвященного Феофана из его книги «Путь ко спасению».

Мысли преосвященного Феофана о христианском воспитании

Прежде всего пробуждаются в человеке и потом постоянно состоят в живой деятельности до самой смерти потребности тела. Тем необходимее поставить их в должные пределы...

Источное для телесной жизни отправление есть питание. В нравственном отношении важно, чтобы, развивая жизнь тела, доставляя ему крепость и здоровье, не разжечь в душе плотоугодия. Не должно смотреть, что дитя мало, – надобно с первых лет начинать остепенять преклонную к грубому веществу плоть и приучать дитя к обладанию над нею... От детского питания многое зависит в последующем. Незаметно можно развить сластолюбие и неумеренность в пище – два вида чревоугодия, эти губительные для тела и души склонности,

прививающиеся к питанию. Потому даже врачи и педагоги советуют: 1) избирать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемого... 2) подчинять употребление ее известным правилам, в коих бы определялось время, количество и способ питания, и 3) потом от установленного таким образом порядка не отступать... Здесь первые опыты упражнения в отказывании себе в своих желаниях. Где кормят дитя всякий раз, когда оно заплачет... оно привыкает к своенравию, оттого что успеваешь выпрашивать или выплакивать все желаемое. Той же мере должно подчинить и сон, и теплоту с холодом, и другие удобства, естественные и необходимые в деле питания, имея неопустительно в виду не разжечь страсти к чувственным наслаждениям и приучать отказываться себе. Это должно соблюдать во все время воспитания... до тех пор, пока воспитываемый, утвердившись, возьмет сам себя в руки.

Второе отправление тела есть движение... Мерное, благоразумное развитие этого отправления, сообщая телу возбужденность и живость, приучает к трудам и образует степенность. Напротив, развитие превратное, оставленное на произвол, в одних развивает непомерную резвость и рассеянность, в других вялость, безжизненность и леность. Первое укрепляет и обращает в закон своенравие и непокорность... последнее погружает в плоть и предаёт чувственным наслаждениям. Итак... пусть дитя резвится, но в то время, в том месте и тем родом, как ему приказано. Воля родителей должна запечатлевать всякий их шаг, разумеется, в общем. Без этого легко может покривиться нрав дитяти. Своевольно порезвившееся дитя всегда возвращается не с готовностью слушаться, даже в каких-нибудь малостях... Не гнется шея, не движется рука и нога, и глаз не хочет смотреть, как приказывают. Напротив, дитя выходит неподвижное на всякое приказание, где с самого начала не дают воли его движениям. Сверх того, нельзя лучше привыкнуть владеть своим телом, как заставляя его напрягаться по указаниям.

Третье телесное отправление лежит на нервах... В этом отношении должно поставить правилом приучить тело безболезненно переносить всякого рода влияния внешние: от воздуха, воды, перемен температуры, сырости, жара, холода, уязвления, болей и проч. Кто приобрел такой навык, тот счастливейший человек, способный на самые трудные дела, во всякое время и во всяком месте. Душа в таком человеке является полною владычицею тела, не отсрочивает, не изменяет, не оставляет дел, боясь неприятностей телесных, – напротив, с некоторым желанием обращается к тому, чем может озлобляться тело. А это очень важно... Сюда относятся медицинские советы касательно купаний, времени и места гуляний,

платья, главное – содержать тело не так, чтобы оно принимало одни только приятные впечатления, а, напротив, более содержать под впечатлениями беспокоящими. Теми разнеживается тело, а этими укрепляется; при том дитя всегда боится, а при этом на все готово и способно стоять в начатом терпеливо.

Такого рода обращение с телом предписывается педагогикой. Здесь показывается, как эти советы пригодны и к развитию христианской жизни... не должно оставлять непроизвол развитие тела дитяти, а надо держать его под строгую дисциплиною с самого начала, чтобы потом передать его в руки воспитываемого уже приспособленным к жизни христианской, а не враждебным ей. Истинно любящие детей родители-христиане не должны жалеть ничего, ни даже своего родительского сердца, чтобы доставить сие благо детям. Ибо иначе все последующие дела их любви и попечения будут или малоплодны, или совсем бесплодны.

Вместе с обнаружением телесных потребностей и в душе не замедляют высказаться низшие способности в естественной их последовательности. Вот дитя начинает останавливать свой взор на том или другом предмете, и на одном больше, на другом меньше, как будто один ему нравится более, а другой менее. Это первые начатки употребления чувств, за коим следует пробуждение деятельности воображения и памяти... Судя по важности, какую они имеют в настоящее время в нашей жизни, как хорошо и спасительно первые начатки их освятить предметами из области веры! Первые впечатления глубоко остаются памятными. Помнить надобно, что душа является в мир голою силою... первый материал, первую пищу для образования своего она получает извне от чувств чрез воображение. Очевидно само собою, какого характера должны быть первые предметы чувств и воображения, чтобы не только не препятствовать, а еще более способствовать образуемой христианской жизни... Пусть чувства чаще получают первые впечатления от предметов священных: икона и свет лампы для глаз, священные песни для слуха и проч. Дитя не понимает еще ничего из того, что у него пред глазами, но его глаз и слух привыкают к сим предметам, и они, предзанимая сердце, тем самым ставят вдали другие предметы... Итак, пусть ограждают дитя священными предметами всех видов, все же могущее развратить в примерах, изображениях, вещах – удаляют... Известно, как сильно действуют на душу растленные образы, в каком бы виде они ни касались ее! Как несчастно дитя, которое, закрыв глаза или оставшись одно и углубившись в себя, бывает подавлено множеством непотребных образов, суетных, соблазнительных, дышащих страстями!

Это то же для души, что чад для головы.

Не должно также опускаться из виду и образа деятельности этих сил. Дело чувств – видеть, слышать, осязать, вообще испытывать, пытаться... Не употреблять чувств нельзя: ибо не иначе как через них и познаются вещи, кои знать должно, ради славы Божией и блага нашего. Но при этом неизбежна и пытливость, которая есть неудержимая склонность без цели видеть и слышать, что где делается и как бывает... Итак, следует при упражнении чувств соблюдать меру и порядок и обращать их на одно нужное и по сознанию нужды... Такой род занятий избавит дитя от настроения развлекаться даже среди дозволенного, приучит владеть чувствами, а через них и воображением. И оно не будет перебегать от одного к другому без нужды, следовательно, мечтать и развлекаться образами и тем не давать покоя душе.

Если будет строго соблюдаем предписанный порядок действия на тело и низшие способности, то душа получит прекрасное приготовление к истинно доброму настроению; однако же только приготовление, – самое же настроение надобно созидать положительным действием на все его силы: ум, волю и сердце...

На ум. У детей скоро обнаруживается смысленность. Она современна говорению и растет вместе с усовершенствованием последнего. Поэтому начать образование ума нужно вместе со словом.

Главное, что должно иметь в виду, это здоровые понятия и суждения по началам христианским о всем встречающемся или подлежащем вниманию дитяти: что добро и зло, что хорошо и худо. Это сделать очень легко посредством обыкновенных разговоров и расспросов. Родители сами говорят между собою, дети прислушиваются и почти всегда усвоят себе не только мысли, но даже обороты речи и манеры. Пусть же родители, когда говорят, называют вещи всегда собственными их именами. Например, что значит настоящая жизнь, чем она кончится, от кого все получается, что такое удовольствия, какое достоинство имеют те или другие обычаи и проч. Пусть говорят с детьми и толкуют им или прямо, или, всего лучше, посредством рассказов: хорошо ли, например, наряжаться, счастье ли это, когда получишь похвалу, и проч. Или пусть спрашивают детей, как они думают о том и другом, и поправляют их ошибки. В непродолжительном времени этим простым средством можно передать здоровые начала для суждений о вещах, кои потом не изгладятся надолго, если не на всю жизнь... Далее, стоит только не давать детям книг с растленными понятиями, и ум их сохранится целым, во здравости святой и Божественной. Напрасно не заботятся таким образом упражнять дитя, в

том предположении, что оно еще мало. Истина доступна всякому. Что малое христианское дитя премудрее философов, показал опыт. Он и теперь повторяется, но прежде он был повсюду. Например, во время мученичества малые дети рассуждали о Христе Спасителе, о безумии идолопоклонства, о будущей жизни и проч.; это оттого, что мать или отец натолковали им о том в простой беседе. Истины эти сроднились с сердцем, которое стало дорожить ими до готовности идти на смерть за них.

На волю. Дитя многожелательно: все его занимает, все влечет к себе и рождает желания. Не умея различать доброго от злого, оно всего желает и все, что желает, готово выполнить. Дитя, предоставленное самому себе, делается неукротимо своевольным. Потому родителям строго должно блюсти эту отрасль душевной деятельности. Самое простое средство к заключению ее в должные пределы состоит в том, чтобы расположить детей ничего не делать без позволения. Пусть со всяким желанием прибегают к родителям и спрашивают: можно ли сделать то или другое? Убедить их опытами собственными и чужими в том, что им опасно, не спросясь, исполнять свои желания, настроить их так, чтобы они даже боялись своей воли. Это расположение будет самое счастливое, но вместе оно и самое легкое для впечатления, ибо дети и так большею частью обращаются с расспросами к взрослым, сознавая свое неведение и слабость; стоит только возвысить это дело и поставить его им в закон непрременный... Отучая дитя от своей воли, надо приучать дитя делать добро. Для этого родители пусть сами представят истинный пример доброй жизни и знакомят детей с теми, у коих главные заботы не о наслаждениях и отличиях, а о спасении души. Дети любопытны. Как рано они умеют копировать мать или отца!.. Вместе с тем и самих детей надо вызывать на добрые дела, и сначала приказывать им делать их, а потом наводить, чтобы сами делали. Самые обыкновенные при этом дела суть: милостыня, сострадание, уступчивость и терпение. Все этому весьма нетрудно приучить. Случаи поминутны, стоит взяться.

На сердце. Сердце – способность вкушать и чувствовать насыщение. Когда человек был в союзе с Богом, находил вкус в вещах Божественных и освященных благодатию Божию. По падении он потерял этот вкус и жаждет чувственного. Благодать крещения отрешила от сего, но чувственность готова снова наполнить сердце. Не должно допустить до этого, должно оградить сердце. Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в которой неисходно должны быть содержимы воспитываемые дети, в которой сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди его, ради

тишины и теплоты, отречение от блестящего и привлекательного к мирской суете лучше всего напечатлеваются в сердце. Церковь, духовное пение, иконы – первые изящнейшие предметы, по содержанию и по силе. Надобно помнить, что по вкусу сердца будет назначаться и будущая вечная обитель, а вкус у сердца там будет такой, каким образуют его здесь. Очевидно, что театры, балаганы и тому подобное негодны для христиан.

Современно этим способностям возникают у дитяти страсти и начинают тревожить его с раннего времени. Дитя еще не говорит, не ходит, только что приучился брать игрушки, но уже серчает, завидует, присвоит себе, особится и проч., вообще являет действие страстей... потому должно противодействовать ему с первых проявлений. Как это сделать, определить трудно. Все дело зависит от благоразумия родителей. Можно, впрочем, постановить следующее: 1) предупреждать всячески их возникновение; 2) потом, если проявилась какая страсть, надобно спешить погасить ее придуманными и испытанными средствами. Этим предотвратится укоренение их, предрасположение к ним. Страсть, чаще других обнаруживающуюся, врачевать должно с особым вниманием, потому что она может быть господствующею распорядительницею жизни. Благонадежнейший способ врачевания страстей – употребление благодатных средств. К ним с верою должно обращаться... молить Господа, да совершит Свое дело. Дальнейшим в этом руководителем для ревностного отца, или матери, или няньки будет опыт.

Усмиренная и организованная таким образом душа не будет свойственною ей беспорядочностью препятствовать развитию духа... К нему относятся: страх Божий... совесть... и молитва... Страх Божий рождает молитву и просвежает совесть. Не должно смущать, что все это обращается к иному, невидимому миру. У детей есть к тому предрасположение, и они скоро усваивают себе эти чувства. Особенно молитва прививается очень легко и действует не языком, а сердцем. Оттого они охотно и без усталости участвуют в домашних молитвах и церковном богослужении и рады этому. Потому не должно лишать их этой части образования, а мало-помалу вводить их в сие святилище нашего существа. Чем раньше напечатлеется страх Божий и возбудится молитва, тем прочнее будет благочестие во все последующее время... Ближайшего, впрочем, руководства требует совесть... должно образовать настроение к совестливости и сознательности. Сознательность есть дело чрезвычайной важности в жизни; но как легко ее образовать, так и легко и заглушить в детях. Воля родителей для малых детей есть закон совести и Божий. Сколько есть у родителей благоразумия, пусть так распоряжаются своими

повелениями, чтобы не поставлять детей в необходимость быть преступниками их воли; а если уж сделались такими, – сколько можно, располагать их к раскаянию. Что мороз для цветов, то и отступление от родительской власти для дитяти; оно не смеет смотреть в глаза, не желает пользоваться ласками, хочет убежать и быть одно, а между тем душа грубеет, дитя начинает дичать. Как хорошо предварительно расположить его к раскаянию, сделать, чтобы без боязни, с доверием и со слезами пришло и сказало: «Вот я то и то сделал худо». Само собою, что все это будет касаться одних обыкновенных предметов; но хорошо и то, что здесь положится основание будущему постоянному истиннорелигиозному характеру – тотчас восставать по падении, образуется умение скорого покаяния и очищения себя или обновления слезами...

Если вести в таком порядке воспитание человека с первых лет, то мало-помалу будет разоблачаться пред ним характер, какой должна иметь его жизнь... В естественном ходе развития сил каждый естественно доходит до сознания, что он человек. Но если к естеству его привито новое начало благодатнохристианское, в самый первый момент пробуждения его сил и их движения (в крещении), и если потом во всех точках развития сих сил это новое начало не только не уступало первенства, а, напротив, всегда преобладало, давало как бы форму всему, то, приходя к сознанию, человек вместе с тем найдет себя действующим по началам христианским, найдет себя христианином. А это и есть главная цель христианского воспитания, чтобы человек вследствие того сказал себе, что он христианин. Если же, пришедши в полное сознание себя самого, он скажет: я христианин, обязанный от Спасителя и Бога жить так и так, с тем чтобы удостоиться блаженного общения с Ним и избранными Его в жизни будущей, то... он поставит для себя первым существенным делом самостоятельно хранить и возгревать дух благочестия, в котором ходил прежде по чужому руководству.

Соответствие «учения» в древнерусской школе идеалу христианского воспитания

Если, таким образом, задача начальной школы, кроме обучения, должна состоять в том, чтобы дать детям воспитание в истинно христианском духе, то тем более это должно быть задачей школы церковно-приходской.

Так сказать, первообразом церковно-приходской школы в первые времена христианства были училища при церкви, в которых оглашенные,

т.е. готовящиеся ко Святому Крещению, были наставляемы в главных истинах веры и жизни христианской, по заповеди Спасителя: «Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам» (Мф. 28, 19–20). Такое училище было устроено, например, в городе Александрии, и уже впоследствии в этом училище стали не только наставлять оглашенных, но и преподавать богословские науки, даже некоторые светские, например философию, риторику, грамматику и др. В древней Руси школы возникли также прежде всего потому, что только через школьное учение новопросвещенный русский народ мог утвердиться в истинах святой веры христианской. Поэтому в школах, по свидетельству летописей, должны были учиться «учению Божественному, а также благонравию и страху Божию»; учили в этих школах главным образом священники с причетниками, иногда школы устраивались при монастырях. Начинали учить грамоте с Часослова и Псалтири. И по выходе из школы не оставляли Псалтирь, многие выучивали ее наизусть, читали ее постоянно, не оставляли ее даже в путешествиях. Почему же книга Псалтирь, в которой многое по видимости непонятно и которую теперь в церквях разве немногие слушают со вниманием, обыкновенно же этим чтением тяготятся, пользовалась в древней Руси таким уважением? Без сомнения, потому, что считали ее книгою весьма назидательною и душеспасительною. И в самом деле, ни одна книга Священного Писания, не исключая Евангелия, не представляет таких удобств для выражения самых разнообразных состояний души, как поэтическая и вместе с тем учительная книга Псалтирь. Там мы встретим самую живую, чисто детскую веру в Бога. Чтение ее водворяет в душе, удручаемой скорбями жизни, мир и отрадное спокойствие. Если кто погружен в шум и суету, в псалмах он встречает напоминание о жизни в Боге, о живом стремлении пребывать в Его храме и искании Его с раннего утра. Если кто испытывает радость и не имеет собственных слов для того, чтобы выразить ее, вдохновенные и лучшие всякой поэзии слова Псалмов сейчас же научат его славить Господа так, как наиболее в этом случае прилично. Вот слова некоторых из святых отцов о Псалтири:

«Все, что есть полезного во всех книгах Священного Писания, – говорит святитель Василий Великий, – заключает в себе книга псалмов. Она пророчествует о будущем, представляет правила жизни; там есть совершенное богословие, есть пророчества о пришествии Христовом во плоти... Псалтирь врачует и застарелые язвы душевные, и тому, кто получил свежую рану, подает скорое исцеление; она доставляет спокойствие душе, производит мир, укрощает бурные и мятежные

помыслы. Хочешь ли ты каяться и исповедоваться в грехах, желаешь ли хвалить, благодарить, славословить Господа? – в божественных псалмах найдешь все это» (Василий Великий. 1я беседа на 1-й псалом).

«Хотя все Священное Писание учит нас добродетели, но Псалтирь, – пишет святитель Афанасий Великий (О толковании псалмов), – представляет еще для всех самый образец жизни. Кто читает другие книги – произносит написанное в них не как свои собственные слова, но как слова святых мужей или тех, о ком они говорят. Но – удивительное дело! – кто читает псалмы, тот все написанное в них произносит, как собственные слова».

«Ничто столько не способно, – говорит святой Златоуст, – восторгать и окрылять душу, освободить ее от уз плоти и возбуждать к любомудрию, как божественные песни псаломские. В Псалтири ты найдешь бесчисленные блага...

Ты впал в искушение? – найдешь в ней наилучшее утешение. Впал в грехи? – найдешь бесчисленные врачевства. Впал в бедность или в другое несчастье? – увидишь много пристаней. Если ты праведник, приобретешь оттуда самое надежное подкрепление, если грешник – самое действенное средство к исправлению. Если тебя надмевают добрые дела твои, там научишься смирению. Если грехи повергают в отчаяние, там найдешь себе великое ободрение. Если ты богат и славен, псалмопевец убедит тебя, что на земле нет ничего великого. Если поражен скорбью, услышишь утешение. Видишь ли, что некоторые наслаждаются здесь недостойно счастьем, научишься не завидовать им. Видишь ли, что праведные терпят бедствия наравне с грешными, получишь объяснение этого. Каждое слово там заключает в себе беспредельное море мыслей» (Беседа XXVIII на посл. к Рим.)

Возвращение к этому направлению в школе церковно-приходской

И вот эту-то книгу, которую наши предки так любили, образованные или мнимобразованные потомки начали не только оставлять, но даже начали осмеивать и издеваться над старинным обучением по Псалтири, находя его несовременным и несообразным с новейшею педагогией. Все заботы этих потомков, стремившихся к такому просвещению, какое они видели в Западной Европе и какое считали единственно разумным и потому не допускающим никаких пререканий, обратились на развитие ума и на обогащение его сведениями об окружающем мире или полезными для

практической жизни. Так было особенно в 60х и следующих годах. Понятно, что назидательная для души книга Псалтирь в их глазах потеряла всякую цену; ведь славянский язык непонятен для дитяти, а современная педагогика требует, чтобы ничего непонятного никогда не допускалось в школу. Более понятны для дитяти сказки, басни, шутки, легкие рассказы и т.п. А потому-то непонятные псалмы и начали заменяться баснями и сказками. Но ведь вместе с тем школа утратила прежний строго церковный характер и перестала воспитывать в духе благочестия – ослабела живая непосредственная вера, ослабела и прежняя строгость жизни и нравов³. Только в недавнее время – с царствования покойного Государя Александра III дело начало несколько изменяться. И это совпало с тысячелетием со дня смерти святого Мефодия, просветителя славян. Чтение Псалтири опять вводится в школе.

Сочувствие этому направлению некоторых русских педагогов и писателей

Из современных нам педагогов, посвятивших себя просвещению народа, особенно С. А. Рачинский считает необходимым по примеру древней русской школы возможно более читать в ней Псалтирь (см. соч. «Сельская Школа», статью в «Русск. Обзор.» и выдержки из нее в «Церк. Прих. Школе» за март 1897 г.) С. А. Рачинский считает неосновательным то мнение, будто удобнее в школе оставить Псалтирь с славянским непонятным текстом и заменить ее Евангелием, которое более доступно разумению детей; будто удобнее ознакомить детей только с особенностями славянского языка и упражнять в славянском чтении по Евангелию, Псалтирь же изучать не по славянскому, а по более понятному русскому переводу. По словам Рачинского, ни одна книга, не исключая даже Евангелия, не положила такой неизгладимой печати на христианское чувство и сознание, как Псалтирь. Поэтому-то она продолжает жить и составлять насущный хлеб как для темных масс народа, так даже и для стоящих на вершине знания. Хотя церковнославянский перевод Псалтири совсем непонятен детям, но он красотой своею затмевает все другие переводы, и потому нужно читать Псалтирь в школе на языке церковнославянском. Притом чтение Псалтири может быть постоянно сопровождаемо объяснениями темных для детей мест в псалмах. Многие псалмы понятны и без объяснений. Сочувственно отзываясь о направлении древней русской школы не один Рачинский, но и другие педагоги и писатели. Приведем, например, слова Глеба Успенского⁴.

Но если, быть может, наша школа и не вернется к такому обучению по Псалтири, какое было в древней Руси, то, во всяком случае, она должна заботиться о воспитании в духе христианского благочестия. Никогда не следует забывать, что грамота без христианского просвещения бесполезна, потому что грамота без страха Божия, как говорит свт. Тихон Задонский, безумному меч, так как может быть употреблена во зло. По словам знаменитого русского педагога К. Д. Ушинского, вся современная педагогика «выросла на христианской почве, не христианская педагогика есть вещь немыслимая – безголовый урод и деятельность без цели... Величайшие двигатели дела народного воспитания: Франке, Песталоцци, Арнольд именно в христианстве почерпали силы для своей плодотворной деятельности, пересоздавшей воспитание Европы... Можно ли себе представить, например, сколько-нибудь сносного учителя грамотности даже, который бы не коснулся религиозных истин, если только он не занимается одним механизмом чтения, убийственным для детской головы?.. Воспитателем в народной школе вообще не может быть такой человек, который незнаком с христианской религиею... Дело народного воспитания должно быть освящено Церковью, а школа должна быть преддверием Церкви, вводить народ в таинственный смысл ее догматов и в нравственный храм христианства» (Собрание педагог. сочинений, «О нравственном элементе в русском воспитании», с. 242–247).

Поэтому-то недаром говорил митрополит Московский Иннокентий одному священнику: «Поверьте, что за них (т.е. за церковные школы) возьмутся, – без них ничего не поделают». Он не побоялся идти против общего увлечения современными педагогическими идеями (шестидесятых годов), при котором обогащение ума знаниями считалось главной задачей школ, и в письме оберпрокурору графу Протасову писал: «Цель воспитания и просвещения простого народа должна быть единственно та, чтобы они были хорошие христиане, хорошие граждане, хорошие супруги, хорошие отцы семейств, хорошие хозяева, хорошие члены общества и верные сыны отечества, верные своему Государю, как истинному отцу отечества». Учить в школах нужно прежде всего благочестию, нравственности – в форме бесед, затем, если кто пожелает, и грамоте. Мысли эти осуществились отчасти в царствование Александра III, когда воззвана к бытию церковная школа (Нар. Обр. за 1897 г., август. Мысли Иннокентия, митрополита Московского о народном образовании. Ф III).

Обязанность учителя школы воспитывать детей

в духе христианского благочестия

Но, быть может, опять у многих явится вопрос: неужели учитель школы должен заботиться о таком воспитании, как оно изображено у преосвященного Феофана? не дело ли это пастырей Церкви? по силам ли ему такие обязанности? Но разве всякий христианин не обязан воспитывать своих детей в христианском духе? Почему же школа могла бы сложить с себя такую обязанность? Впрочем, ведь на учителе не лежит обязанность взять всецело на себя одно дело христианского воспитания. Начало и главную часть этого дела совершает Церковь. Благодатное воздействие ее таинств, богослужения и других учреждений имеет такую силу, какой лишены все человеческие средства. Быть может, весьма многие из нас помнят, с каким сознанием священной важности и благоговением они в детстве приступали в первый раз к таинству исповеди и причащению Святых Таин. Многие еще в детстве начали прислушиваться к тому, что в Церкви поется и читается, и для этого старались быть внимательными, отгонять до окончания службы все сторонние мысли, например об играх, предстоящих удовольствиях, домашних вкусных яствах и т.п. Не представляло ли все это прекрасного средства приучить себя к вниманию, к терпению, даже к борьбе с различными мыслями и склонностями, которые без того легко могли бы перейти в страсти? Или посты церковные не приучали ли каждого, кто их соблюдал, лучше всяких других средств к воздержанию, умеренности и самообладанию? «Всякий, получивший чисто русское воспитание, непременно отыщет в душе своей глубокие, неизгладимые впечатления от множества церковных песен и священнодействий, службы Великого поста и Страстной седмицы, встречи Светлого праздника Рождества, Крещения и всех тех годовых церковных торжеств и служб, которые составляют эпохи в годовой жизни каждого чисто русского семейства... Мы сохраняем отрадную уверенность, что многие из нас и теперь не могут без глубочайшего душевного удовольствия вспоминать о тех мирных, сияющих торжествах, о тех то грустных, то торжественных мотивах, которые православная Церковь вносила в нашу родимую семью, и мы желали бы, чтобы ни одно русское дитя не было лишено святого, отрадного, воспитательного влияния православной Церкви» (слова К. Д. Ушинского, собрание педагог. соч. 267–269.)

Но на помощь Церкви и ее пастырям должна прийти школа. Священник не так часто имеет пред собою детей, как учитель, и потому менее может за ними наблюдать. Благодаря школе истины веры Христовой

и нравственности могли бы быть усвоены гораздо прочнее, чем при обучении в церкви или при посещении домов священником, потому что школьное обучение имеет много удобств.

Учитель в школе может постоянно проверять, насколько каждый ученик выучил урок, заставить выучить или повторить нетвердо выученное; в школе обучение идет последовательно, дети обучаются вместе, а известно, что дитя охотнее учится, если его учат с другими, а не в отдельности. Затем, в школе имеются классные пособия для обучения, установлены известные порядки и т.д. Поэтому-то пастыри Церкви, особенно ревностные к церковному учительству, самый храм превращали как бы в школу, чтобы слушающие их удобнее и тверже могли усвоить преподаваемое учение. Так поступал, например, святитель Иоанн Златоуст, который заставлял своих слушателей заранее прочитывать те места из Священного Писания, какие намеревался объяснять. И святитель Иннокентий советует учить детей в церкви, как бы в школе, по воскресным и праздничным дням (воскресные школы), поместив там скамьи, на которых сидели бы дети, устроив в церквах отопление.

Соответствие вышеуказанной задаче воспитания программы церковно-приходской школы

Самый выбор предметов в церковно-приходской школе благоприятствует выполнению главной ее задачи – воспитать детей в христианском духе. Главный ее предмет – Закон Божий. Но каждый из нас, вероятно, помнит, как много отрадных воспоминаний связано было с изучением Закона Божия в детстве. Затем – Церковное пение. Благотворное действие его на душу, без сомнения, известно всякому. Оно смягчает, изглаживает душевные печали, отгоняет страсти; вспомним миф об Орфее, который своим пением укрощал диких зверей. Оно само собою назидает и настраивает душу к молитве, если только относиться к нему не как к простому искусству услаждать звуками, а вместе с приятностью звуков возносить и ум к тому, о чем говорят слова песнопений. Церковнославянское чтение изучается не для того, конечно, чтобы развивать лишь ум, подобно тому как греческий и латинский языки, а для того, чтобы дети с большим пониманием, а потому и интересом, могли присутствовать за церковным богослужением. Да кроме того, самое чтение псалмов и евангельских повествований на славянском языке не может не остаться совершенно бесплодным для души. В предисловии к

Часослову (на что указывает и объяснительная записка к программе по церковнославянскому чтению) сказано: «Юже книгу и вы, чада христоименитая, радостно приемлюще, тщитесь чести и разумети напечатанная, да и чтуще молитесь и молящесь чтете». Затем даже и в книге для русского чтения признается полезным вместе со сказками, баснями, песнями, стихотворениями, описаниями природы помещать статьи назидательные. В букварях поэтому помещены между прочим и разные рассказы из Священной Истории, рассказы о жизни святых людей, описания святых мест. Уроки по грамматике, арифметике, письму и проч., конечно, не имеют близкого и прямого отношения к христианскому воспитанию. Но ведь и христианская религия не запрещает занятий, полезных для земной жизни. Люди по слабости своей не могут постоянно заниматься одними предметами духовными, поэтому-то изучение наук, не относящихся прямо к вере, и занятия разными искусствами, ремеслами полезны бывают для поддержания бодрости самого духа. Это хорошо понимали и христианские подвижники и потому советовали, когда ослабевает ум, заниматься чтением или рукоделием. Это занятие предохраняет от праздности и потому также не лишено некоторого полезного значения в деле воспитания.

Итак, задача начальной школы, тем более церковно-приходской школы, состоит как в том, чтобы дать начальное образование, так и в том в особенности, чтобы воспитать детей в христианском духе.

Сравнительное значение в достижении этой задачи трудов учителя и учительницы

Каждый и учитель и учительница могут проявить в этом деле одинаково полезную деятельность. Если учителю более свойственно прямо и непосредственно, силою слова и собственного авторитета воздействовать на ум и волю воспитанников, внушить им правильные понятия и помочь образованию добрых навыков, то учительница, по свойственной женской природе чувствительности и склонности к самоотвержению, более способна смягчить сердце, через сердце же воздействовать на склад ума и характера. И ее деятельность в деле воспитания может быть не менее благотворна, чем деятельность учителя, потому что «сердце – исходище живота», т.е. главный источник жизни (а не ум и воля). Впрочем, постоянное наблюдение за собою и обращение с детьми, требующее нередко большого терпения, даст возможность и учителю достигнуть столь же безграничной любви к детям, какая более

свойственна женщине по самой ее природе. (Наглядный пример самоотвержения женщины представляет любовь матери к своим детям или, например, уход за больными сестер милосердия.) «О Христе Иисусе несть мужеский пол, ни женский», а потому деятельность как учителя, так и учительницы может быть одинаково благотворной.

Примечание. О преимуществах учительницы пред учителем вот что писал в январской книжке «Женского Образования» (за 1891 г., с. 22–23) известный педагог покойный В. В. Сиповский: «Если читателю приводилось быть в среде учительниц и присутствовать на их уроках, вообще приглядываться к их педагогической деятельности, то он согласится с нами, что сразу бросятся в глаза две отличительные черты, выгодно отличающие учительниц от учителей: это большая добросовестность в отношении к своим обязанностям и большая сердечность в отношении к учащимся – два качества, в педагогическом деле весьма ценные. Учительницы гораздо реже манкируют, чем учителя, редко опаздывают на уроки, не оставляют неисправленными ученических работ и проч. Дети малоуспешные или почему-либо отставшие от товарищей вызывают у учительниц гораздо более, чем у учителей, искреннего участия, более желания помочь им, хотя бы это стоило и большого труда и значительной затраты времени! Сухой формализм и холодная официальность, характеризующие учителя, чужды женской натуре. Напротив того, среди учительниц вы встретите на каждом шагу занимающихся с увлечением своим делом. Учительницы со временем, когда научное образование их повысится до одного уровня с мужским образованием, наверно, вследствие указанные выше их свойств, заменят учителей не только в женских гимназиях, но даже в низших классах мужских заведений. На низшей степени, т.е. в элементарных школах городских и сельских, учительница давно завоевала себе почетное место. В этих школах мы нередко встречаем лиц, увлекающихся своими обязанностями даже до самопожертвования. Нам, по крайней мере, доводилось просто любоваться тем горячим увлечением, которое звучало в голосе, блистало в глазах учительниц, когда говорили они о своих школах, заветных мечтах, какие думали осуществить. Да, думалось нам при этом, такие работницы могут многое сделать, потому что в них таится великая педагогическая сила, – это живая душа, которая вся переходит в их дело, и потому-то оно у них живое...»

О качествах учителя начальной школы

Доселе мы говорили о задаче начальной народной школы, т.е. о том, что должен делать учитель в школе и в каком духе и направлении. Теперь мы должны ответить на другой вопрос: каков же должен быть учитель, чтобы исполнить эту задачу, об его качествах умственных и нравственных.

О необходимости подготовки к учительству путем практическим и теоретическим

Конечно, он прежде всего должен подготовиться к учительству, изучая учебновоспитательное дело теоретически и практически. Многие учителя приступают к учительству без всякой теоретической подготовки, думая, что «опыт научит», как вести дело в школе, – опыт, понимаемый в смысле или собственной деятельности – в школе, или в смысле наблюдения за тем, как ведется дело в школах, хорошо поставленных. Действительно, занимаясь в школе, учитель может замечать разные недостатки и промахи, которые были им допущены, вырабатывать те или иные приемы преподавания. Для подобного наблюдения некоторые учителя и учительницы ведут дневник. Дневник может быть весьма полезен, потому что приучает к сосредоточенному размышлению и основательному обсуждению разных вопросов, касающихся воспитания и обучения⁵. Впрочем, дневник приносит пользу только в том случае, если учитель действительно беспристрастно обсуждает причины успеха или неуспешности дела в своей школе.

Но как бы, казалось, ни опытен был учитель, он не должен полагаться на одну эту опытность. Его наблюдения, хотя бы даже и многолетние, все же не полны, выработанные им приемы преподавания иногда могут быть неправильны. Поэтому необходимо изучать дело воспитания и обучения не только практически, но и теоретически – путем чтения педагогических сочинений или бесед с людьми опытными и знающими. Посредством чтения учитель может познакомиться с опытами, которые применяли в деле воспитания и обучения в течение многих веков, с мнениями знаменитых педагогов, основанными на всестороннем изучении человеческой природы. Благодаря практике у учителя часто устанавливаются определенные, слишком однообразные приемы преподавания, а это легко может сделать преподавание его безжизненным. Читая же книги разных лиц, трудившихся в учебновоспитательном деле,

учитель встречает новые для себя мысли, знакомится с новыми приемами преподавания. Да и вообще чтение при однообразной учебной деятельности может освежающим образом действовать на душу.

Что читать учителю

В частности, польза знакомства не только с отдельными приемами преподавания по тем или другим предметам, но и с общими вопросами, касающимися учебновоспитательного дела, открывается из следующего: посредством своего опыта и изучения приемов преподавания учитель, конечно, усваивает так называемые приемы преподавания, т.е. он знает, как учить; но ведь нужно и отдавать себе отчет в том, почему именно так следует учить, – например, знать, почему учить следует наглядно, почему учить по звуковому, а не буквосочетательному методу, т.е. знать те законы души, по которым именно так нужно учить. Знать только приемы преподавания и не знать общих оснований для них, какие указываются в науке, то же, что знать отдельные дома на известных улицах города или разные предметы в известной местности, по которым можно найти дорогу, и не иметь общего представления о городе или о всей местности, а в таком случае стоит несколько изменить приметы, и пути нельзя будет найти (так бывает с дикарями – по Спенсеру). Поэтому изучение законов душевной жизни и знакомство с общими вопросами, например о цели воспитания, о том, каков должен быть учитель, и др., весьма полезно: оно осветит, так сказать, учителю весь путь, ведущий к цели, тогда как знакомство с частными приемами преподавания освещает только небольшое пространство, находящееся пред его ногами.

Ближайшим образом учителю, конечно, следует читать сочинения и руководства по педагогике и дидактике с методикою, а также по истории педагогики, т.е. наукам, которые непосредственно касаются дела воспитания и обучения. Из русских педагогов замечательны К. Д. Ушинский, С. А. Рачинский, Н. И. Ильминский, известны своими сочинениями по психологии Миропольский, Каптерев, барон Корф, преосвященный Феофан, высокопреосвященный Амвросий Харьковский и др.; заслуживают затем полного внимания учителей школ: сборник Анастасиева «Народная школа» и издания К. П. Победоносцева «Ученье и учитель», «История детской души», «Новая школа» и др. Толстой высказал немало своеобразных взглядов на воспитание, но односторонних. Есть у нас особые педагогические журналы, например «Церковноприходская школа», «Народное образование», «Вестник воспитания», «Женское

образование», «Педагогический листок» и др. Что касается иностранных педагогов, то следует быть осторожным при выборе чтения из их сочинений, потому что, читая их, нужно суметь разобраться во взглядах, нередко односторонних, неправильных или неприменимых к нашей русской школе. Из иностранных педагогов нельзя оставить без упоминания Яна Амоса Коменского, Песталоцци и др. Что касается педагогических сочинений таких лиц, как Руссо, Спенсер, Бэн и т.п., то без ущерба для дела можно и не братья за них учителю нашей школы. Лежащие в основе их педагогических взглядов философские воззрения сообщают им характер, совершенно не соответствующий здравым христианским взглядам на воспитание и обучение. Полезно познакомиться и с разными сочинениями по психологии. Психология изучает законы душевной жизни, а воспитание и обучение основывается на этих именно законах. Даже воспитатели и учителя, которые вообще незнакомы с психологией по книгам, в действительности постоянно прибегают к ней: они изучают детскую душу, наблюдают за тем, как развиваются способности детей, как вырастают в душе их разные склонности и т.д. Чтение книг по психологии, конечно, могло бы помочь в этих наблюдениях, а иногда исправить их или дополнить. В частности, для изучающего дело воспитания весьма полезно обратиться к так называемым аскетическим писаниям. Христианские подвижники, постоянно наблюдая за собою и всю жизнь занимаясь самовоспитанием, в своих сочинениях высказывают несравненно более глубокие взгляды на внутреннюю жизнь души, особенно на борьбу со страстями, чем все научные сочинения по психологии, и в этом отношении их сочинения незаменимы. Важно и полезно для учителя также приобрести сведения по гигиене, которая учит, как хранить тело в здоровье, и по медицине, потому что при недостатке врачей крестьянин всегда может обратиться к учителю с вопросом, как помочь в известной болезни; в иных местностях – по пчеловодству, сельскому хозяйству и т.д. Впрочем, не столько нужно заботиться о том, чтобы много прочитать, чтобы быть, как говорят, начитанным, или «образованным». Едва ли можно назвать образованным того, кто только читал много книг, но никаких прочных и основательных знаний не приобрел. Поэтому более заботы следует прилагать к тому, чтобы из прочитанного вынести пользу. А польза от чтения будет в том случае, если думать над прочитанным, если чтение возбудит собственные мысли и наведет на самостоятельное размышление. Полезно во многих случаях делать выписки из прочитанного, чтобы сознательнее усвоить прочитанное, дать в нем отчет, а также и затем, чтобы после делать

справки при представившемся случае, – но опятьтаки с осторожностью, чтобы не потратить времени на выписывание того, что потом окажется ненужным.

О необходимости для учителя наблюдательности и умения применяться к личным особенностям воспитанников

Учитель имеет дело не с мертвыми машинами, которые, будучи однажды заведены, однообразно и правильно совершают свою деятельность, и не с явлениями природы, которые без труда подводятся под общие неизменные законы, но с духовной природой детей, с самой человеческой душой, жизнь которой не может быть подчинена строго неизменным законам, – вследствие присущей ей свободы в ней постоянно происходит нечто новое и она способна к постоянному усовершенствованию. Поэтому усвоенные учителем приемы преподавания нередко должны быть видоизменяемы применительно к данному состоянию ученика, а знакомство с душевной жизнью детей, приобретенное из книг, должно быть дополняемо изучением ее в живой непосредственной действительности. Другими словами, учитель должен обладать наблюдательностью и умением применяться к личным особенностям ученика. Наблюдательность учителя должна проистекать не из пустого любопытства или бесцельного желания знать, что где говорится и делается, – она предполагает в учителе способность снизойти до детских мыслей и чувств, поставить себя на место детей. Она помогает учителю говорить понятным для детей языком и давать вопросы, всегда соответствующие степени их понимания. Такой способности не создает одна научная любознательность и научное знакомство с психологией, педагогикой и дидактикой. Истинное знание детской души дает только любовь к детям, потому что только она способна ко всему снизойти и все претерпеть. О подобном именно знании, происходящем из любви, сказал Спаситель: «Я... знаю Моих, и Мои знают Меня» (Ин. 10, 14).

О темпераментах

Изучить детскую природу дело весьма нелегкое. Поэтому бесполезно учителю знать хотя бы главные особенности, по которым одни дети отличаются от других. Еще в древности указывали на четыре темперамента, или четыре главных природных расположения, которые

значительно различаются между собою и которые, однако, с теми или другими видоизменениями свойственны всем людям. Эти темпераменты называются: сангвинический, меланхолический, холерический и флегматический. Главные особенности каждого из них можно представить в следующем виде. Сангвиник отличается от других людей тем, что он легко и быстро воспринимает, особенно все доступное внешним чувствам или наглядному наблюдению. Он все замечает и быстро соображает, если ему объяснено что-либо наглядно. Он отличается любознательностью и предприимчивостью. В отношении к товарищам обнаруживает искренность и доверчивость, склонность к дружбе. Но зато он как скоро увлекается, так же скоро и охладевает. Он воспринимает скоро, но нередко и охладевает, он легкомыслен и непостоянен. Любознательность его скоро прекращается, и он начинает чувствовать скуку, если нет все новых и новых впечатлений; в классе он прежде других принимается за шалости, если урок ему не кажется интересным. Поэтому сангвиника следует не только заинтересовать, но и постоянно давать ему какое-либо дело, его интересующее. Чтобы он не нарушал дисциплины в классе, хорошо почаще его спрашивать. А главное, учителю следует позаботиться о том, чтобы научить его терпению и расположить к тому, чтобы он продолжал интересоваться предметом не в настоящую только минуту, когда предмет для него занимателен, но и тогда, когда первое увлечение пройдет.

Насколько сангвиник жив и отдается весь внешним впечатлениям, настолько меланхолик медленно восприимчив и углублен в самого себя. Его как будто почти не занимает то, что происходит вокруг него. Он часто остается один и как будто удаляется от товарищей. В нем нередко развивается недоверие, подозрительность к людям и даже ненависть. Но зато что он воспринимает, то воспринимает глубоко. Он охотно занимается размышлением над тем, что слышал или прочитал, и потому может заниматься серьезнее других детей. Что затронуло его, то затронуло самые внутренние движения его души, и потому добрые впечатления, если они подействовали на него, могут в нем сделаться самыми прочными. В обращении с такого рода детьми учитель должен быть весьма осторожен. Он не должен скоро произносить своих суждений об их неразвитости, если они не отвечают на его вопросы. Нередко не отвечают они потому только, что очень застенчивы, или не умеют, как следует, выразить свою мысль, или, наконец, потому что развитие их вообще совершается медленнее. Учитель должен с такими детьми обращаться особенно мягко и приветливым обращением внушать им большее доверие и любовь ко всем вообще. А чтобы постоянное углубление в себя или уединение не вело к

мечтательности и другим дурным качествам, учитель должен чаще обращать их внимание на действительность, заставлять, например, выразить свою мысль яснее, как следует, представить пример из действительности, почаще быть и говорить с товарищами и т.п.

Холерик, как и сангвиник, легко все воспринимает, но не отдается всем впечатлениям, а только тем, которые главным образом и постоянно его интересуют. Притом воспринимает он не поверхностно, а основательно, обдуманно. Он отличается настойчивостью и деловым характером. Но в то же время он особенно легко впадает в преувеличенное мнение о своих силах и упрямство. Поэтому его хорошо смирить, действуя твердо и авторитетно, но в то же время и осторожно, не осуждая прямо его действий, чтобы еще более не раздражать его самолюбия, но действуя на него незаметно для него самого. Ему хорошо, например, показать, что он еще не все понимает так, как он будет понимать со временем; что можно знать что-либо еще лучше, чем он знает; что он поступил в известном случае на вид хорошо, но, может быть, внутри у него таились в то же время какие-нибудь мелкие, даже предосудительные мысли и чувства.

Наконец, флегматик отличается медленной и слабою восприимчивостью. Он кажется вялым, ленивым, равнодушным ко всему, даже эгоистом, потому что заботится как будто более всего о собственном спокойствии, а до всего остального ему совсем нет дела. Но при всех этих видимых недостатках и флегматический темперамент имеет важное преимущество. Это его уравновешенность. Флегматик медленно воспринимает, но зато то, что воспринял, хранит долго и постоянно. Он не поддается скоро добрым влияниям и чувствам, но если они запали в его душу, то сохраняет их неизменно и в таком случае на него всегда можно положиться. Учителю следует возбуждать в нем больший интерес и живость, а вместе с тем бороться и с его склонностью к лени, равнодушию и эгоистическому спокойствию. Живое и подвижное общество прочих его товарищей легко может помочь в данном случае учителю.

Вообще же ни один темперамент нельзя назвать лучшим или худшим другого – каждый имеет достоинства и недостатки. Темперамент есть только природное расположение души и тела; развитие свободы и самостоятельного характера в детях постепенно может сгладить или по крайней мере ослабить дурные стороны темперамента. И дело учителя воспользоваться хорошими сторонами темперамента, не давая дурным развиваться и окрепнуть.

О значении личности учителя и его нравственных качеств в учебновоспитательном деле

Мы говорили доселе об умственных по преимуществу качествах учителя, сказали и то, что учительство не есть просто лишь мастерство, которое можно изучить теоретически и практически. Учитель имеет дело с душой детей. А чтобы воздействовать на душу, нужно учителю самому иметь такие качества, какие он желает воспитать в детях. Поэтому громадное значение имеет в учебновоспитательном деле личность учителя. Если взрослые подвергаются сильному влиянию со стороны других людей, если, внимательно всмотревшись в собственные слова и дела, мы нередко заметили бы, что наши мысли, которые мы называем самостоятельными, суть в действительности слышанные или вычитанные нами из книг мысли других, а многие действия наши суть подражание действиям людей, которых особенно мы уважаем, то тем более все это имеет место в детском возрасте при свойственной детям подражательности. Дети не привыкли еще к самостоятельному образу действий и потому заимствуют у взрослых сначала слова и действия, а потом вместе с тем и самое настроение последних. Будучи естественным и необходимым в детстве, подражание значительно облегчает доброе воздействие на детей. «Длинен и мало полезен путь наставлений, краток и действителен путь примера», – говорит философ Сенека. Итак, мы должны указать, кроме умственных, еще и нравственные качества учителя, необходимые для успешного ведения учебновоспитательного дела, начертав нравственный идеал личности учителя.

О призвании учителя

Учительство, как и всякое другое дело, требует прежде всего призвания к нему. Едва ли успешно может вести это дело тот, кто принимается за него по каким-либо сторонним побуждениям, например потому только, что, как говорят обыкновенно, иначе некуда деваться. Призвание обнаруживается обыкновенно еще до вступления в должность учителя в том расположении и интересе, какой находит будущий учитель в обращении с детьми, в наблюдении за их склонностями, играми и вообще за всеми проявлениями детской природы, в охоте, с какою он читает или слушает все, касающееся воспитания и обучения детей, или, наконец, в умении, с каким он сам обучает своих братьев и других детей.

Впрочем, иногда призвание бывает нелегко определить. Юношеские планы нередко впоследствии расстраиваются и изменяются, так как под влиянием товарищей или каких-либо обстоятельств жизни юноша долго не может определить действительного своего призвания.

Но если некоторые ошибаются в своем действительном призвании, то некоторые люди, каких, может быть, большинство, как будто совсем не чувствуют в себе призвания ни к какой общественной деятельности. Большею частью в этом виновны они сами. Призвание к чему-либо есть и у них, но у них нет решимости отдаться своему призванию, так как призвание необходимо требует известного самоотвержения. Ибо «много званных, но мало избранных». Такие люди могут с пользою заниматься учительством лишь в том случае, если постараются приобрести к этому делу интерес и готовы будут ради него к самопожертвованию.

О добросовестности учителя

Первое качество, отличающее учителя по призванию, это есть его добросовестность. Учитель добросовестный не только ревностно исполняет свои обязанности, но, не считая себя совершенным, постоянно старается совершенствоваться в деле учительства, при этом старается не потому лишь, что учительство есть его обязанность, которую нести он должен по внешней необходимости, но и потому, что учительство для него долг, к исполнению которого побуждает сама совесть. Добросовестно относящийся к делу учитель считает нужным тщательно готовиться к каждому уроку. Конечно, чтобы учить детей, не необходимо иметь огромный запас всякого рода знаний по разным наукам; подготовка учителя состоит не в приобретении каких-либо все новых научных сведений, а в том, чтобы как можно более обдумать предстоящий урок, обдумать затем, как сделать его более понятным ученикам и доступным для их усвоения. Добросовестный учитель никогда не будет требовать от ученика ответа, если не даст сначала сам надлежащего разъяснения. Тем более он не допустит того, чтобы спрашивать у ученика знания таких предметов, какими не овладел достаточно сам; не будет (что, однако, допускают некоторые учителя) заставлять ученика говорить наизусть или рассказывать урок, сам пользуясь при спрашивании учебником. Затем, учитель добросовестный постоянно помнит, что он имеет дело с детьми, которые от природы живы и от напряженного внимания скоро утомляются, и потому старается, чтобы его уроки не были однообразными, скучным из года в год повторением заученных мыслей, но представляли

бы нечто новое, завлекательное и интересное. Уже то самое, что он сам обдумывает урок, прежде чем дать его, делает преподавание более оживленным. Тем более он найдет способ сделать урок интересным, если постоянно будет, так сказать, входить в душу детей и применяться к их пониманию и интересам. Учитель, относящийся к делу просто по обязанности (формально), конечно, не будет заботиться об этом. Но учитель добросовестный и притом любящий детей будет считать всегда главным то, чтобы урок занял и заинтересовал детей, не допуская лишь забивать голову их сведениями, которые совсем не могут дать пищи живому их чувству и самостоятельному размышлению⁶.

О любви к детям

Но главное качество учителя по призванию – это есть любовь к детям. С самого же начала своей деятельности он заботится не о том только, чтобы объяснить детям урок и сообщить более сведений, но и о том, чтобы возможно более сблизиться с детьми. Он постоянно наблюдает за ними, хорошо узнает каждого из детей, старается сделаться для детей не чужим лицом, а близким человеком, с которым бы дети могли охотно и искренно говорить. Он не только не тяготится быть с детьми, но это для него составляет такое же счастье, как и быть среди наиболее любимых людей. Приведем здесь слова одного педагога по призванию – Песталоцци, из которых видно, какими чувствами он был исполнен в отношении к детям. «Я был один с ними, и хотя, с одной стороны, такое беспомощное положение обходилось мне очень дорого, но с другой – оно было полезно для моей цели. С утра до ночи дети встречали меня одного в своей среде. Все доброе и для их тела, и для души исходило от меня одного. Я помогал им, я учил их, я говорил с ними; их глаза смотрели в мои, их руки хватались за мою, когда встречалась какая бы то ни было надобность в поддержке. Мои слезы сливались с их слезами, когда они плакали; моя улыбка встречала их смех, когда им было весело. Они были отрешены от мира, даже от Станца. Они были только со мною, и я был с ними. У меня не было ничего – ни хозяйства, ни слуг, ни друзей, – у меня были только они. Были они здоровы – я находился в их среде; заболел кто-нибудь – я сидел у кровати. Я спал также с ними; ложился, когда последний из них засыпал, и вставал, когда еще никто не просыпался. Мы молились вместе, а пока они засыпали, мои рассказы или развлекали, или учили их: это было их собственное желание. Я ухаживал за ними, стараясь устранить последствия неопрятности, столь понятной при нищете, и дети скоро

приучились ценить все, что я для них делал. Лучшими защитниками, когда меня бранили, были именно эти бедные, брошенные дети. Они чувствовали как будто всю несправедливость, с которой относились ко мне, и привязывались еще более. Я не знал системы, метода, приемов, кроме тех, которые основывались на любви детей ко мне, и не хотел знать. Я верил в то, что убеждение в моей искренней сердечной любви к ним изменит к лучшему моих детей так же скоро, как изменяет весеннее солнце поверхность почвы, застывшей в холодную, неприветливую зиму». Действительно, любовь – великая побеждающая сила. «Всякая власть, всякая сила в любви», – говорит Белинский (журн. «Учитель» за 1861 г, с. 201).

О недостаточности одной природной симпатии

Но эта любовь к детям должна основываться не на одной только природной доброте сердца или расположении, не на каких бы то ни было, хотя бы идеальных, но природных влечениях. Можно найти много людей, имеющих от природы доброе сердце, однако никто из язычников, которым была известна только эта естественная любовь, не мог и не может быть хорошим воспитателем детей. Природные влечения, природная доброта сердца и даже юношеская идеальность сами по себе не могут быть вполне прочны и надежны: будучи вначале весьма живы, они со временем постепенно ослабевают. Поэтому многие учителя и воспитатели с самого же начала охлаждаются: не имея терпения, они начинают думать, что дети испорчены и что никакое доброе воздействие на них невозможно, что сколько бы ни стараться, нельзя найти с их стороны доверие и любовь, – мало того, они начинают злоупотреблять добротой учителя. Если же природная доброта и вначале оказывается столь недостаточной, то тем менее можно на нее полагаться после, когда учителю придется исправлять разные пороки, когда дети не имеют или ни в чем не проявляют к учителю какого-либо расположения и уважения. Часто такое природное расположение к детям основывается на том, что они чем-либо понравились учителю. Но ведь ему приходится иметь дело не только с теми детьми, которые ему милы и приятны, потому, например, что понравились ему красотой своего лица, своим умом или тем, что сами сильно привязались к учителю, но и с теми, которые с виду кажутся безобразными уродами, дикими и грубыми, своевольными, не желающими знать учителя и совсем не понимающими его доброго сердца.

О христианской любви и ее отличительных качествах: постоянстве, терпении, самоотвержении

Истинная любовь не может основываться на влечениях испорченной грехом природы человеческой, хотя бы даже на идеальных высших ее влечениях, на которых склонны главным образом остановиться педагоги вроде Белинского, но может найти свою основу лишь в новой духовной природе, воссозданной благодатию Святого Духа в христианстве. Таковую любовь ставил Сам Господь отличительным признаком Своих последователей. «Посему узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою». Вот как изображает свойства этой любви апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает» (1Кор. 13, 4–8). Итак, любовь христианская, прежде всего, не есть какое-либо минутное влечение сердца, но постоянное настроение. Она проявляется более всего в постоянной благожелательности, в терпении, отсутствии всякого эгоизма, доходящем до полного самоотвержения. Она долготерпит, не смущается детским непостоянством и слабостью воли, она милосердствует, т.е. во всем снисходит и все переносит, чем, наконец, смягчает самые огрубелые сердца. Она не ищет своего, т.е. заботится только о благе других, не прекращается в учителе даже в тех случаях, когда ученики за расположение и любовь учителя отплачивают неблагодарностью, нисколько не ценят и даже злоупотребляют любовью учителя. Она не раздражается, потому что слово, произносимое спокойно, без тени гнева и раздражения, всегда действует успешнее. Она не превозносится, не гордится и не мыслит зла, проникнутая истинным смирением, охотнее винит не ученика, а себя – отыскивает причину недостатков ученика в себе самой: в недостаточно кротком обращении с учеником, в неумении высказать ему вину так, чтобы подействовать на его сердце, в собственной непредусмотрительности, по которой ученик не был предупрежден. Она всему верит, всего надеется, т.е. не теряет надежды на исправление детей, которых считают даже неисправимыми, потому что верит, что и в них сохранилась какая-либо искра добра, которая может воспламениться.

Будучи необходимым в деле воспитания, такое терпение и самоотвержение не менее важное значение имеет и в деле обучения.

Нетерпеливый учитель спешит, например, подсказывать ученикам и через то нередко не дает надлежащего места их самостоятельности. Ему постоянно придется сдерживать резвость детей, возбуждать их внимание и выводить их из рассеянности, придется часто повторять одно и то же, пока ученики поймут и запомнят. Если он будет постоянно выходить из себя и гневаться на свойственную всем детям резвость или на непонятливость и забывчивость учеников, то не только ничего не достигнет, но всегда будет лишь вредить себе: гнев свидетельствует не о силе его, а о слабости. Гневом он наведет на учеников страх, и через это некоторые из них растеряются, станут в тупик и не будут ничего говорить или же будут говорить невпопад, еще более раздражая учителя. Другое дело, если они видят, что учитель терпеливо ожидает, пока они сообразят; тогда, видя терпеливое спокойствие и любовь к ним учителя, они сами усиленно стараются постигнуть непонятный урок. Вообще, всегда пусть лучше вместо гнева учитель поразмыслит, не сам ли он был виноват, что ученики его не понимают, – например, неясно высказал свою мысль, не сумел применить к способности детского понимания и т.п.

О справедливости

Другое качество учителя, неотделимое от любви, – это справедливость. Без справедливости любовь не может быть истинною и превратится в потворство слабостям детей. Некоторые от природы обладают добрым сердцем, но они не имеют в себе мужества сделать ученикам строгое замечание или при случае наказать их каким-либо образом. Но ведь если бы дурным склонностям дать свободу возрастая, то они легко могли бы препятствовать развитию и добрых задатков в душе. Нужно только с великою осторожностью искоренять их, более стараться побеждать зло любовью, чем гневом. Истинно христианская любовь безразлично ко всему относится – она сорадуется только истине и не мирится с неправдою, хотя и долго снисходит. Еще труднее, руководясь одной природной склонностью, соблюсти равномерность в отношении к детям, так чтобы не было у учителя любимых детей, к которым он был бы очень снисходителен, и нелюбимых, к которым он был бы очень строг. Если сам учитель иногда совсем не замечает за собою подобной неравномерности в отношении к детям, то дети обыкновенно скоро замечают и если замечают, то ставят в укор учителю, авторитет его в глазах их падает.

О последовательности характера, об авторитете учителя

Терпение и полная справедливость во всем уже сами собою сообщают характеру учителя твердость и последовательность – качества, которые тоже весьма необходимы для учителя. Учителю, твердому характером, не приходится тратить время на убеждение учеников в том, что они должны слушаться, или повторять своих приказаний. Но если ученики видят, что учитель не настаивает строго на выполнении приказаний или изменяет их без особенной нужды, то они не стараются и выполнять их. Твердость характера учителя, впрочем, не то же, что упорство или желание поставить непременно на своем, хотя бы требования его были и мелочны (так называемый педантизм). Учитель должен иметь мужество и признать свою ошибку; он должен добиваться от детей послушания, когда видит, что это полезно, и всегда должен быть готов изменить приказание, когда видит, что оно несообразно с обстоятельствами ученика. Он не должен закрывать глаза на те причины, по которым ученик ослушивается или тяготеет исполнением приказания, и ни в каком случае не должен переставать быть снисходительным к провинившимся. Твердость характера имеет значение только в том учителе, который обладает добрым и любящим сердцем, а не в формалисте. Учитель, обладающий твердостью и последовательностью характера в соединении с любовью и справедливостью к детям, приобретает в глазах детей уважение и авторитет, которому они невольно покоряются. Впрочем, пользуясь авторитетом, учитель не должен злоупотреблять им. Авторитет должен основываться на свободном доверии и уважении к учителю, а не на подавлении личности ученика. Поэтому учитель не должен на каждом шагу проявлять свою власть над учеником и давать ему чувствовать свое превосходство. Он нередко должен предоставлять ученику свободу действовать по собственному рассуждению и избранию.

О приветливости в обращении

Затем в обращении с детьми учитель должен быть приветливым. Угрюмый вид учителя может оттолкнуть детей не только от учителя, но и от занятий; напротив, приветливый и ласковый вид обыкновенно их ободряет, и занятия идут гораздо успешнее. Конечно, приветливость не в том только состоит, чтобы чаще улыбаться и говорить с детьми постоянно с видимою ласковостью. Улыбки должны быть следствием действительной сердечной доброты учителя, а не происходить из желания только казаться добрым и снисходительным, – как это часто бывает в светском обществе. Приветливость и свобода в обращении с детьми, впрочем, не должны

переходить в так называемую фамиллярность, когда дети видят в учителе равного себе. Учитель при всей простоте своего обращения с детьми должен быть всегда образцом для детей, вызывающим полное их уважение и недоступным, по возможности, критике; с другой стороны, он должен быть всегда твердым и последовательным, не допускать потворства детским капризам и прихотям; и если он будет таким, то никогда дети не дойдут до фамиллярности в обращении с ним, как бы он ни был прост и добр.

О религиозной вере учителя

Все перечисленные качества, венцом которых служит любовь, этот, по выражению апостола, «союз совершенства», истинное, последнее свое основание и как бы корень находят в вере. Вера эта, впрочем, не в том только состоит, чтобы знать Символ веры и принимать умом христианское учение. Не состоит она также только в том, чтобы ходить в церковь по праздникам и исполнять установленные святой Церковью христианские обычаи. Конечно, всем этим может возбуждаться вера в Бога, но не в этом только она состоит. Истинная, живая вера свидетельствуется живым общением с Богом, – она более всего проявляется, питается и поддерживается молитвою. Учитель верующий уже самое призвание свое поставляет в зависимости не от одного природного расположения или влечения к этому делу, но и от призвания Божия. Такая мысль служит для него лучшим утешением в те минуты, когда различные печальные события в школьной жизни, например грубые поступки учеников, повторяющиеся после неоднократных его увещаний, наводят на него мысль о том, что напрасно он трудился, что его труды остаются бесплодными, или когда он видит в себе многие недостатки, препятствующие успеху учительства. Мысль, что он принял учительство не сам по себе, но что оно есть то дело, к которому он призван Самим Богом, делает его более ревностным, одушевляет даже в тех случаях, когда он видит, что различные неудачи не от него зависели. Потому учитель никогда не должен оставлять случая в вере и молитве искать утешения и поддержания для своего духа. Учительство то же, что посев. Как земледелец с молитвою бросает семя в землю, потому что не знает, что с ним будет, вырастет ли оно или погибнет от холода, от червя и т.д., так и учитель, бросая семя учения в душу детей, не знает, что будет с ним: быть может, ему не даст возрасти дурное товарищество, или какие-либо укоренившиеся в дитяти привычки, или несчастные обстоятельства жизни в семье и т.п. Он должен помнить,

что он только насаждает и напояет, возрастить же доброе семя может один лишь Бог. Самая любовь к детям наиболее легко укрепляется благодаря именно вере и без нее никогда не может быть прочною, вполне чистою и самоотверженною, потому что нет более действительного средства приобрести любовь к людям, как искренняя молитва за них. Молитва легко могла бы научить даже любви к врагам или вообще к людям, почему-либо неприятным, потому что искренно желающий в молитве блага своему врагу чрез это самое уже перестает быть врагом его.

О значении внешности учителя

Следует учителю обращать внимание и на самую внешность, т.е. на то, как он держит себя, какие произносит слова, какую носит одежду. По словам и движениям судят о самом учителе и сообразно с этим относятся к нему. По пословице – «по платью встречают». А то, что «по уму провожают», бывает не всегда, а тогда лишь, когда заметят ум. Дети, особенно маленькие, как уже сказано, весьма подражательны, легко замечают и нередко перенимают все слова и движения учителя, не различая между хорошими и дурными. А вместе со словами и движениями может передаваться и самое настроение учителя. Самое главное здесь то, чтобы учитель держал себя как можно проще и естественнее. Не следует учителю много заботиться о том, в какое положение привести свое тело и его различные части – руки, ноги и т.д. Эти заботы развлекали бы и его, и учеников и отвлекали бы от преподавания. Правда, разные жесты и телодвижения придают иногда выразительность, живость и энергию преподаванию, но только тогда, когда они просты и естественны, служат как бы невольным отражением того, что происходит в душе. Поэтому, например, нервность или неестественная возбужденность учителя не ведут к успехам преподавания, потому что производят неумеренную торопливость и спутанность. Учитель, которому недостает естественной живости, потому должен заботиться не столько о быстроте движений, сколько о живости и занимательности вопросов, и через это он с не меньшим успехом может весь класс постоянно держать во внимании. Живость учителя не соединяется также непременно с веселостью. Есть занятия, во время которых веселость неуместна, и серьезность занятий, наоборот, не всегда делает их мрачными и скучными. Вообще, о внешности учителя следует сказать, что он должен избегать всякого рода крайностей, например в движениях, не быть ни слишком медленным, неповоротливым, ни вертлявым, в одежде избегать изысканности и

франтовства, а также, напротив, и неряшества. Но каких-либо определенных правил нельзя вообще здесь указать. Иногда учитель, например, говоря что-либо, смотрит на слушателей, чтобы сделать беседу занимательной, иногда, чтобы не развлекать себя и слушателей, опускает глаза вниз, и столь же успешно поддерживает внимание класса. Главная забота должна быть направлена на внутреннее состояние души, а затем уже на внешнее его проявление.

Об отношении учителя к родителям учащихся и к заведующему школою священнику

Весьма важно для учителя поставить себя в правильные отношения к родителям учащихся и к заведующему школою священнику. Поставить себя в правильные отношения к родителям детей тем важнее, что они находятся под постоянным влиянием родителей, они вынесли из семьи различные понятия, с которыми потом необходимо придется учителю считаться. Чтобы слова учителя имели должное влияние на детей, ему необходимо знать и ту среду, в которой дитя обращается. Иначе то, что созидает школа, может быть разоряемо в семье. Конечно, учитель не должен относиться свысока к крестьянским людям; пусть он лучше привлечет к себе их хотя бы своей простотой, а главное – расположит чрез то к самой школе. Не должен учитель допускать, особенно в присутствии детей, каких-либо насмешек над грубостью и непросвещенностью народа и даже самые суеверия искоренять осторожнее, постаравшись наперед хорошо разъяснить их нелепость. Правда, в русском народе есть и разные недостатки. Например, доселе он не чужд суеверий и даже двоеверия. Иногда он настолько невежествен, что не отличает Пресвятую Троицу от Богородицы. Он слишком привязан к обрядам, не понимая смысла христианской религии, главного и существенного в ней. Он считает важным соблюдение обряда во всей его неприкосновенности и легко смотрит на отступление от нравственного закона. (В качестве наглядного примера для разъяснения этой мысли указывают иногда на преступника, который укоряет товарища за нарушение среды или пятницы, хотя недавно пред тем совершил убийство.) Но зато есть в нашем народе и многие привлекательные качества. Многие интеллигентные люди, в частности учителя и учительницы, пожив среди крестьян, убеждались, что в нашем народе есть немало таких качеств, которым можно поучиться. Одни дивились его простой непосредственной вере, при которой он никогда не жалуется на свою жизнь и судьбу, как бы ни была она тяжела, видя во всем

случающемся волю Божию. Другие поражались тем смирением и тою простотою сердца, с какою только русский человек способен делать добро, отзываться на несчастье ближнего, потому что так «Бог велит» или «душа требует», – его неподкупным чувством правды, благодаря которому он не старается оправдать себя в сделанном проступке, но сознает его и корит себя за него. Пусть наш народ нередко невежествен, но, по словам Достоевского, он «просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и Его учение... в огромном большинстве православен и живет идеей православия в полноте, хотя не понимает эту идею ответчиво и научно» (М. Куплетский, «Начала религиозного воспитания», с. 34).

Затем, иные скоро замечали в народе сметливость и живую охоту и любознательность, с какой он встречает не только религиознонравственные чтения и беседы, но даже беседы по сельскому хозяйству, географии, естествознанию и по другим наукам. На все это можно было бы привести наглядные примеры из живой действительности, из статей и сообщений в некоторых журналах (хотя бы, например, в журналах «Церковно-приходские школы» или «Народное образование») или из отзывов разных писателей, как, например, Достоевского (в «Записках из мертвого дома», «Дневника писателя» и др.), Глеба Успенского, С. А. Рачинского, Л. Толстого и др. Обращаясь с народом и ближе знакомясь с ним, учитель более прямо и непосредственно, чем чрез изучение истории, например, проникся бы уважением к тем основам, на которых зиждется и благодаря которым сохраняется наше отечество, т.е. православной вере, самодержавной власти Царя, Помазанника Божия, и народности, – более проникся бы истинной любовью к своему народу, которая столь необходима для принявшего на себя учительство в народной школе.

Затем, как сказано, важно для учителя поставить себя в правильные отношения к заведующему школой священнику. Мы не будем касаться здесь прав и обязанностей заведующего в отношении к учителю. Потому что это не относится к дидактике, а коснемся этих отношений настолько, насколько от них зависит успех учебно-воспитательного дела. Хорошо было бы, если бы учитель находил в священнике такое лицо, с которым он охотно мог бы поговорить о своем учебном и воспитательном деле в школе, найти сочувствие, в иных случаях полезный и опытный совет. Священник по своему образованию обыкновенно превосходит учителя и имеет большую подготовку к учительству. Поэтому учитель ни в каком случае не должен невнимательно и с высокомерным легкомыслием относиться к тем указаниям, какие делаются ему заведующим.

Заведующий должен помнить, что право и способность учительства даны ему не только внешнею властью – он принял их с полученною им благодатью священства. Поэтому, даже при личных слабостях и недостатках, он может дать учителю совет, которого тот напрасно стал бы искать в книгах или у других людей. Напротив, разногласие учителя со священником не может не отразиться на успехах школы: если не на учебном деле ее, то на воспитательном, в котором учитель никак не может обойтись без содействия священника, как пастыря Церкви.

Об общих качествах обучения

Общее замечание о природосообразности обучения

По мнению многих знаменитых педагогов, то обучение лучше, которое более соответствует детской природе, т.е. природосообразнее. И это было бы правильно, если бы правильно определить, какое же обучение более соответствует детской природе. Природа есть великая учительница. Каким же должно быть обучение, чтобы оно соответствовало свойствам детской природы, – другими словами, какими качествами должно обладать всякое вообще обучение, чтобы сообщаемые ученикам сведения легче ими воспринимались и тверже усваивались?

О наглядности обучения

Прежде всего обучение должно отличаться наглядностью. Наглядным обучение бывает тогда, когда учитель не только разъясняет, но и показывает или вообще делает доступным внешним чувствам предмет, о котором ведет речь. Что дитя может видеть, слышать, осязать, то гораздо живее и потому легче запечатлевается в его памяти. Никакое объяснение не может дать дитяти всего того, что оно приобретает, если само видит предмет. Дитя вообще начинает приобретать свои познания с того, что оно может осмотреть или к чему может прикоснуться руками. Обучение должно следовать этому пути природы. Поэтому изучаемый предмет должен быть показываем детям, если же нельзя показать его, то употребляются нередко при объяснении картинки, в книгах делаются рисунки предметов, даже при преподавании отвлеченных предметов употребляются различные наглядные средства; например, дитя начинает учиться счету посредством пальцев или на кубиках, прутиках и т.д. – сначала даются для счета предметы и уже впоследствии дети переходят к умственному счету. Употребляются затем в качестве наглядных пособий в арифметике счеты, арифметический ящик с кубиками и т.д.

Как понимать наглядность

Впрочем, было бы неправильно думать, что только предметам внешнего, видимого мира и свойственна наглядность, что, следовательно, только об этих предметах и нужно вести речь с маленькими детьми, –

например, о том, что дитя видит в классе или на улице, в селе, в поле или видело в своем доме и других и т.д. Эта неправильная мысль легко может быть вынесена даже из чтения «Великой Дидактики» Амоса Коменского, хотя прямо и положительно там она и не высказана. «Надо учить детей, – говорит он, – черпая знания и мудрость не из книг, а из созерцания неба и земли». Но ведь не в показывании только видимых предметов состоит наглядность, и не только предметы видимой природы делают объясняемую истину наглядной для дитяти. Можно сделать наглядной и религиозную истину, и притом не прибегая непременно к наблюдению над внешней природой: дитя видело, например, многое в церкви и потому может без труда слушать беседу не только о предметах обыденной обстановки, но и о священных предметах. Главное же не следует забывать, что в умственной жизни дитяти чрезвычайно важное значение, кроме внешних чувств, имеет так называемая способность воображения, благодаря которой дитя может и не видя предмета представлять его почти так же живо, как и видя действительный предмет. Поэтому-то учитель не следовал бы, а уклонялся бы от пути природы, если бы слишком часто прибегал к наглядности, понимаемой в смысле показывания предметов. Ученик, который никаких сведений не приобретает без наглядных пособий, может потерять веру или сообразительность в отношении ко всему тому, что не может быть видимо или осязаемо (например, к истинам веры, к умственному счету и т.д.). Природа сама посредством воображения старается ограничивать неумеренное употребление внешних чувств, заменяя впечатления на чувства умственным представлением предмета. Кроме видимой наглядности, благодаря воображению, становится возможной умственная наглядность. Поэтому рассказы и описания, действующие на воображение, своим представлением обстановки или хода событий (так сказать, своею картинностью) как можно чаще должны быть употребляемы в школе, и даже отвлеченные понятия должны быть разъясняемы путем приведения примеров из действительности или рассказов же⁷. Затем следует помнить, что душевная жизнь дитяти не вся и безусловно связана с впечатлениями внешних чувств. Дитя переживает, например, много чувств и желаний, оно обладает природною способностью отличать добро от зла (совестью). Поэтому могут быть для дитяти наглядными и те мысли, чувства, подобные которым оно испытывало или переживало на собственном опыте, хотя бы отчасти. Последователи Песталоцци думали, что для дитяти всего нагляднее собственное тело и потому с изучения тела человеческого, а не души нужно начинать обучение. Но ведь и дитя живет не только телесною жизнью. А если так, то почему для него нельзя

разъяснить так же наглядно, что нехорошо поступать с людьми несправедливо, как разъяснил это пророк Нафан царю Давиду, рассказав ему всем известную притчу об единственной овечке бедного, которую заколол богатый, пожалев своих, – или разъяснить, что проводящих на земле дурную жизнь ожидают после смерти мучения, как это сделал, например, греческий проповедник пред святым князем Владимиром, показав ему картину Страшного Суда.

О возбуждении самостоятельности учащихся

Но если ученик даже и воспринял что-либо наглядно, этого еще недостаточно. Необходимо, чтобы он самостоятельно усвоил сообщенные познания. Недостаточно усвоить сообщаемые сведения на память, от подобного усвоения на память без понимания, конечно, не будет никакой пользы, потому что в таком случае ученик не будет в состоянии самостоятельно применить свои знания к делу. Да и приобретенные таким образом знания будут непрочны, так как между ними не будет внутренней связи, а лишь внешняя, основанная на законах так называемой ассоциации представлений. Ученик, например, легко может забыть всю статью, если случайно позабыл какое-либо слово, особенно начало ее; но если он понял, о чем в статье говорится, то он не остановится, хотя бы и забыл какое-либо слово. Поэтому в начальной школе вообще следует не столько заставлять учеников заучивать урок по книжке, на память, сколько стараться о том, чтобы они сами, конечно при руководстве учителя, приобретали необходимые познания. Да и вообще следует более упражнять самостоятельность. Поэтому тотчас же, как учитель что-либо показал или разъяснил, он должен задавать ученику вопросы, вызывающие на самостоятельное размышление: или задать задачу, как в арифметике, или подыскать пример на правило в грамматике, или придумать, как дать полный ответ на вопрос, чтобы упражняться в речи. Чтение, пение, письмо – все это требует от ученика постоянных упражнений, в которых проявляется его самостоятельность.

Замечание о вопросах, делаемых учителем, и ответах учеников

Но чтобы вопросы, задачи и упражнения действительно развивали в учениках самостоятельность, для этого от учителя требуется нередко большое искусство. Вопрос должен быть сделан кратко и ясно, чтобы сразу было видно, что главное в вопросе. Далее, вопрос не должен быть

очень легким для ученика или подсказывающим, так чтобы ему оставалось ответить только «да» или «нет» (например: «Как называется место, где учатся ученики? Школой или еще как-нибудь?»). Не должен быть, напротив, вопрос и неопределенным, так чтобы на него можно было дать не один ответ, а несколько (например: «Чего нам не сказано в этой задаче?», «Что нужно делать, когда учитель говорит?»). Правильный ответ на подобные вопросы будет зависеть просто от удачи, а не от соображений ученика. Затем учитель всегда должен соображаться со степенью знаний, сообщаемых ученикам, чтобы ученик, благодаря прежним знаниям, был несколько подготовлен к ответу на заданный вопрос. Не следует, напротив, задавать вопросов очень трудных, потому что ученик не знает, как к ним приступить. Кроме того, если учитель не дает ученику случая самому преодолеть разные трудности, тот легко теряет уверенность в своих силах и перестает работать. Не должен учитель слишком спешить с вопросами, не давая ученику времени сообразить, так что его вопросы походят на безотвязное понукание, которое скоро надоедает и утомляет ученика, препятствуя в то же время соображать. Очень важно затем, чтобы учитель не добивался непременно такого ответа, какой он сам для себя составил, особенно в тех же словах и выражениях. Лучше всегда одобрить самостоятельный ответ ученика, если учитель заметил в нем правильное или даже хотя бы отчасти правильное понимание, и направить на надлежащий путь собственные мысли ученика, чем стеснять его требованием ответа непременно в тех словах, какие желательны учителю.

О равномерном воздействии обучения на все познавательные силы учащихся

Однако было бы крайностью и то, если бы учитель старался добиться всех познаний от самих учеников, так чтобы до всего они доходили сами. Есть предметы, в которых нельзя обойтись без запоминания, например: названия городов, рек и т.д. в географии, события, имена лиц, исторические даты. Да и вообще, прежде чем задавать ученику вопросы, нужно сообщить ему некоторые познания. Если бы в памяти ученика не хранилось никаких познаний, то не над чем было бы упражняться и рассудку. Поэтому следует все объясненное заставлять заучивать, потому что понять что-либо рассудком не значит еще знать; только благодаря памяти приобретенные знания усвоятся прочно. А с детьми в особенности полезно чаще повторять всякое вообще объяснение, пока они не усвоят его, полезно при начале каждого нового повторять содержание

прежних уроков. Необходимо заставлять детей многое запоминать и потому еще, что память много облегчает трудную работу самостоятельного размышления. Если бы мы присмотрелись к тому, как дитя приобретает разные знания, например о разных предметах окружающего мира, то увидели бы, что память при этом имеет главное значение. Памятью всякого рода знания усвоятся весьма легко и как бы сами собою. Поэтому значило бы, что школа вовсе не хочет иметь в виду этот путь, каким идет природа, если бы она требовала от ученика доходить до всего только своим умом, вполне самостоятельно. Избегать следует не заучивания на память, а долбления или бессмысленного заучивания. Если же что-либо хорошо понято, то можно давать и заучить, хотя бы по учебнику. Многие даже необходимо учить на память, как тексты Священного Писания в катехизисе, стихотворения, некоторые грамматические правила.

Замечание об употреблении двух главных форм обучения – излагательной и вопросноответной

Равномерное развитие всех познавательных способностей (внешних чувств, воображения, памяти, рассудка) само собою выразится в равномерном применении двух главных форм обучения – излагательной, или акроаматической (рассказ, описание) и вопросноответной, которая имеет два вида: 1) катехизическая, когда учитель содержание урока разлагает на ряд последовательных вопросов и ответов, причем ответы даются самим учителем или учеником на основании главным образом уже готовых знаний, а не выводятся лишь один из другого; и 2) эвристическая, когда учитель заставляя детей доходить до всего самостоятельно, путем нескольких наводящих или целого ряда в строгой последовательности поставленных вопросов. Некоторые предметы требуют по преимуществу той или другой формы: например, Священная История, объяснение богослужения, география – акроаматической, катехизис – катехизической, арифметика – эвристической. Впрочем, ни в одном предмете нельзя ограничиться какой-либо одной формой. Например, рассказывая что-либо из Священной Истории, учитель может потребовать от детей объяснения, для которого они самостоятельно должны привести в связь с сообщаемыми знаниями прежние или одни события рассказа сопоставить с другими. (Например, когда дети рассказывают о Рождестве Христовом, учитель может спросить: как это устроилось, что Иосиф и Мария, живя в Назарете, пред временем Рождества Христова должны были отправиться в Вифлеем?

Благодаря этому вопросу ученик увидит связь между тем, что он слышал в рассказе о переписи, жизни в Назарете, путешествии в Вифлеем Иосифа и Марии, хотя ранее не сознавал связи отчетливо.) Или на уроке катехизиса после вопросноответного изложения урока должно следовать связное; на уроке арифметики после вывода нескольких правил из примеров можно заставить повторить их связно, после решения задачи при помощи наводящих вопросов учителя связно изложить ход ее решения и т.д. Вообще даже на одном и том же уроке должны обыкновенно сменяться форма излагательная и вопросноответная.

О воздействии обучения, кроме ума, и на прочие силы души

Далее необходимо, чтобы обучение воздействовало не на один только ум, но затрагивало и вообще жизнь души, чтобы оно было занимательно, интересно, возбуждало любознательность. Иногда предмет сам по себе интересен, и потому ученики охотно слушают урок. Иногда способствует оживлению преподавания умение учителя разнообразить занятия. Имеет значение также здесь природная живость учителя, а главное – любовь учителя к детям и интерес к своему делу. Искра любви в сердце учителя необходимо воспламеняет и сердца детей.

О порядке и последовательности обучения

Затем требуется, чтобы обучение шло в строгой постепенности. Так, нужно всегда соотноситься со степенью развития познаний учеников, не допускать, например, входить в отвлеченные рассуждения пред детьми, потому что их рассудок развивается лишь с годами; для них понятнее не рассуждение, а живой рассказ или наглядное описание, пример из действительности. Далее следует начинать с известного уже дитяти и стараться переходить к дальнейшему с такою последовательностью, чтобы ученик мог сам легко дойти до нового и неизвестного путем наводящих вопросов. Например, если ученик понял, что такое звук гласный на одном или нескольких примерах, то может сказать и вообще, какие звуки следует причислить к гласным и какие к согласным. Если он понял сложение, то легко поймет и умножение (сокращенное сложение), – и так далее. Если он научился писать элементы букв, то без труда будет писать и самые буквы (в этом преимущество так называемого генетического способа обучения письму). Наконец, должна быть соблюдаема постепенность и в отношении к самому предмету обучения. Преподавание истории много

облегчается, если излагать ее не отрывочно, а в хронологической последовательности. Преподавание арифметики чрезвычайно затруднилось бы, если бы учитель не умел излагать сведения из арифметики в той последовательности, при которой все вновь сообщаемые знания были бы только последовательным развитием прежде приобретенных.

О методичности обучения, о значении метода в обучении

Наконец, обучение должно совершаться по определенному методу. Методом (от греческого слова – путь, прием) обучения вообще называется определенный способ или прием какой-либо деятельности. Например, всем известны названия: звуковой, буквосочетательный метод обучения грамоте, – это приемы, состоящие в том, что в основу обучения грамоте полагается изучение или звуков, или букв. Обыкновенно говорят о методах обучения и менее – о различных методах воспитания. Это понятно: воспитание дело более живое и не может быть подчинено столь же определенным правилам, как обучение.

О значении метода в деле воспитания и обучения различными педагогами высказываются взгляды неодинаковые. Например, педагоги и учителя, которые познакомились с учительским делом главным образом на практике, бывают нередко склонны не придавать никакого значения методу, говоря, что у каждого учителя свой метод, а потому нечего и писать о разных методах и правилах обучения. Другие педагоги, особенно немецкие (отсюда «методичность немца», вошедшая в поговорку), придавали методу значение столь важное, что считали безразличным, чему учить, – только бы учить по методу. Это мы видим отчасти даже в сочинениях знаменитого педагога Песталоцци. В том и другом мнении можно заметить крайность и преувеличение. Ведь так называемые педагогипрактики, отвергающие значение всяких методов, следуют же при обучении определенному плану, порядку, употребляют более или менее определенные приемы, значит, учат по какому-либо методу. Притом же ведь более известные методы основаны на свойствах самой природы человека и потому что может препятствовать их употреблению? Поэтому нельзя сказать без всякого ограничения: «У каждого учителя свой метод». Есть установленные, определенные методы, – например, вполне основательно считается необходимым обучать грамоте по методу звуковому, потому что для чтения нужно научиться прежде всего

различать звуки посредством слуха, а без этого изучение букв и складов самое тщательное, со всеми их названиями никогда не научит читать, пока ученик не начнет вслушиваться, что звуки «б» да «а» составят «ба». Письмо без этого тоже невозможно. Итак, звуковой метод основан на законах нашей природы. Или, например, современный метод преподавания арифметики, несомненно, более соответствует природе, чем старинный, когда начинали обучение арифметике с нумерации до бесконечных размеров и с правил, тогда как теперь ученик начинает со счета видимых предметов, производит действия при счете предметов или при решении задач сам определяет, как назвать произведенное действие (приложить, отнять), выводит правила их устного и затем письменного производства. Так именно человек первоначально учился счету и изобретал арифметику. Песталоцци говорит о себе (хотя это не совсем правильно), что он не знал никакого метода, кроме любви. Но зато, как признавали и его последователи, дело обучения шло у него в школе плохо. Неудача зависела от того, что он был великим педагогом, разъяснившим общие основы обучения, но методы преподавания отдельных предметов в отношении к частностям и подробности им не были как следует разработаны.

Значение метода вообще состоит в том, что он может предохранить от ошибок в преподавании, зависящих от беспорядочности и спутанности, сообщить преподаванию учителя большую сознательность и облегчить его во многом. Ведь те, которые думают обойтись без метода, руководясь одною своею опытностью, нередко с большими трудами приходят к тому же, что, благодаря методу, делается гораздо скорее. Искусство облегчает дело природы. И если бы, как требует Толстой, все предоставить природе, то человек долго бы «ходил своими путями», без сознания цели, пока наконец не попал бы на надлежащий путь. Искусство же или метод обучения прямо ставит его на прямой путь. Но и преувеличивать значение метода не следует. Метод, если ему следовать во всем неуклонно, может стеснять свободу развития умственных сил ученика, на что справедливо указывает Толстой. Главное дело всетаки, без сомнения, состоит в том, чтобы ученик понял, сообразил, а по какому это методу случилось, следует считать делом второстепенным, иногда же совсем безразличным. Поэтому-то в приведенном выражении: «у каждого учителя свой метод», хотя вообще оно неправильно, есть всетаки доля истины: каждый учитель, хотя он следует более или менее определенному методу, в нужных случаях, когда требует того самый успех обучения, должен отступать от него и прибегать к более соответствующим данному случаю другим

приемам. Кроме того, мы уже говорили о том, какое значение имеет в деле воспитания и обучения любовь учителя к детям и своему делу. Она делает обучение занимательным и интересным, а этого нередко трудно бывает достигнуть, если неуклонно следовать однообразному методу. Кроме того, любовь именно к детям более всего способна сделать учителя наблюдательным, способным хорошо замечать степень и способы детского понимания, действовать всегда применительно к ним, чего не дает сам по себе никакой метод.

Общее замечание о благотворном влиянии на ученика самого обучения и личности учителя

Мы уже сказали, что обучение, если оно сильно увлекает ученика, не только само идет успешно, но и действует на него благотворно в нравственно-воспитательном отношении: оно предохраняет ученика от шалостей, развивает в нем любознательность и воспитывает вкус к высшему удовольствию, происходящему от чтения книг. Затем мы говорили, что весьма важное, даже наибольшее значение в учебно-воспитательном деле имеет личность учителя, его собственный пример.

О слове и надзоре

Однако пример действует большею частью бессознательно, между тем как необходимо, чтобы дитя вполне сознательно подчинялось доброму нравственному влиянию... Поэтому необходимо, кроме примера, действовать на ученика посредством слова. Как апостол Павел советовал поступать своему ученику Тимофею в отношении к своим пасомым, говоря: «Проповедуй слово, настой благовременно и безвременно, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением»; так должен поступать учитель в отношении к детям: он должен постоянно наставлять их, напоминать, делать предостережения, давать советы, даже прибегать к просьбе, смотря каждый раз по личным обстоятельствам ученика. Но к слову для более успешного его действия на учеников должен быть присоединен надзор. Надзор должен быть бдительным, но эта бдительность не то, что неотступность или непрерывность. Подобная неотступность надзора, особенно в соединении со шпионством, подсматриванием, какая господствовала и господствует в иезуитских

школах, дурно может повлиять на характер, воспитывая в нем скрытность, лицемерие, отсутствие самостоятельности и т.п. качеств.

Можно бдительно смотреть за учениками и издали, так, чтобы надзор хотя в действительности и не прекращался, но всетаки менее чувствовался. Только необходимо хорошо знать место, время, обстоятельства, особенно опасные для ученика, и сообразно с этим усиливать надзор, и наоборот – знать время, место, обстоятельства, когда ученика без опасения можно предоставить самому себе. Надзор необходим, потому что в начале воспитания нравственное чувство в воспитаннике не развито, и потому слово и пример воспитателя должны заменять для него совесть. Но потом воспитанник должен приучиться к самостоятельному образу действий, и потому его нужно по временам предоставлять самому себе. Цель воспитания состоит в том, чтобы воспитать в душе воспитанника свободную любовь к добру и свободное расположение к нравственному образу действий. А они могут явиться только тогда, когда дитя приучается действовать не под постоянным лишь надзором учителя, но и не чувствуя его над собою.

О дисциплине и других учебновоспитательных средствах

О дисциплине, понятие о ней

Но кроме этих главных средств успешности учебновоспитательного дела способствуют еще второстепенные средства, между которыми главное место занимает так называемая дисциплина. Обыкновенно под нею разумеется порядок, какой существует в школе относительно поведения учеников, места, времени их занятий и т.д., то есть чтобы ученики занимали каждый определенное место, приходили в класс, подавали письменные работы в определенное время, не забывали носить классных принадлежностей, чтобы во время урока сидели в определенном положении, не шумели, не разговаривали, не оборачивались по сторонам, не вставали не вовремя и не отвечали, когда учитель не спрашивает и т.д.

Значение дисциплины

Как важно соблюдение всех этих порядков для успешности учебного дела в школе, это само собою понятно: без соблюдения их невозможно было бы ни поддерживать внимание, ни вести последовательное обучение. Поэтому учитель, следя за ходом преподавания, должен уметь быстро осмотреть класс и тотчас остановить замеченный беспорядок, заметить, внимательно ли ученики слушают и т.д.

Но не в том только значение дисциплины, что она содействует успеху обучения. Она имеет важное значение и в воспитательном отношении. Она приучает к повиновению и отучает от своеволия, ею внушается ученикам, что в классе они не могут делать, что им угодно, но должны делать то, чего требует общая польза. Дисциплина укрепляет волю, приучает к терпению, выдержанности и т.д. Не лишено важности также то обстоятельство, что соблюдение многих правил дисциплины относительно сиденья, относительно чистоты одежды, тела, белья и т.д. имеет весьма важное значение и для сохранения здоровья, для приучения к чистоте и опрятности и т.п. Впрочем, в собственном смысле полезное воспитательное значение дисциплина имеет лишь в том случае, когда ученик подчиняется ей свободно, по сознанию ее необходимости в школе, когда внешняя дисциплина, по выражению одного из педагогических деятелей – Н. И. Полетаева (скончался в 1897 г.), истекает из внутренней,

т.е. душевной, настроенности. Всем известно, как легко нарушаются те порядки, к которым ученик был приучаем в течение нескольких лет школьной жизни, лишь только он освободится от необходимости им подчиняться. Это оттого, что такой ученик не старался сам на себя наложить дисциплину, выполнял предписания дисциплины только поневоле.

Средства ее поддержания

Однако относительно дисциплины учитель должен всегда помнить, что, при всем важном значении своем в учебновоспитательном деле, она составляет в нем лишь второстепенное средство и имеет значение не сама по себе, а лишь поскольку способствует успехам обучения. А потому он не всегда будет исправлять даже видимые отклонения от обычного школьного порядка, если видит, что дети внимательны и обучение идет оживленно: иногда неумеренная ревность неопытного учителя к выполнению всех правил дисциплины только развлекает учеников, а не способствует обучению. Да и вообще главная забота учителя должна быть о том, чтобы поддерживать в классе внимание и интерес к учению, а затем уже школьные порядки. И меры к поддержанию дисциплины должны поэтому состоять не в гневных криках учителя, а в занимательности самого обучения, так как при подобном обучении детям не остается даже времени на шалости. По мнению К. Д. Ушинского, если учитель умеет способствовать развитию природной человеку склонности к знанию, если преподавание ведется оживленно и дети не томятся от скуки и продолжительного неподвижного сиденья в классе, то не представляется нужды в дисциплине для поддержания порядка в классе. Если же внимание и интерес ослабевают, то учитель может возбудить общее внимание и поддержать порядок каким-либо вопросом, может пройтись между партами, сделать замечание и т.п. – вообще поддерживать дисциплину более положительными мерами, чем отрицательными, не говоря уже о строгих наказаниях. Особенно поступающих в школу следует с самого начала приучать к дисциплине, хотя бы для этого пришлось употребить немало терпения и тратить иногда, как кажется, без нужды время. Зато после дисциплина не будет нарушаема, и это будет весьма много содействовать успехам обучения. Хорошо, если вновь поступающие в школу дети будут уже находить в ней ранее сложившуюся привычку к порядкам школьной дисциплины.

Различные взгляды на дисциплину и их крайности

Впрочем, в различное время различными педагогами высказывались неодинаковые мнения о том, какова должна быть дисциплина в школе и какими средствами должна быть поддерживаема. Так, например, в школах древней Руси монгольского периода дисциплина была весьма строгая. Все воспитание было основано на чувстве страха и на наказаниях, хотя, впрочем, необходимыми последние считались не сами по себе, а потому, что без них невозможным казалось исправить своеволие детей. И, напротив, есть педагоги, которые слишком умаляют значение дисциплины, даже совсем не признают ее необходимости. Так, Руссо говорит, что воспитание от современной искусственности должно возвратиться к природе и развитию природных сил должна быть предоставлена полная свобода. Толстой называет четырехчасовое сиденье в классе с соблюдением правил дисциплины принуждением и говорит о своей школе, что в ней слышатся одинаково громкие крики как учителей, так и всех учеников, – в этом главное отличие его от школы немецкой, где слышится лишь голос учителя. Но если действительно было бы дикою крайностью держать учеников в классе на военной дисциплине, которая вела бы только к напрасному стеснению учеников, вместо того чтобы содействовать успешности обучения, то и допускать полную свободу относительно ее невозможно. Ведь дети по свойственной им резвости и непостоянству не способны еще сами всегда хорошо вести себя. Как молодому деревцу не дают расти свободно, а прикрепляют его к колу, чтобы оно росло прямо, так поступают и с детьми, когда их свободу подчиняют правилам дисциплины, пока они сами свободно не приучатся соблюдать их.

О других второстепенных учебновоспитательных средствах

К второстепенным учебновоспитательным средствам, кроме дисциплины, можно отнести еще такт, пересадку учеников, награды и наказания. Такт состоит в команде учителя, устанавливающей равномерность в деятельности всего класса или нескольких учеников, и может быть весьма полезен: работа, совершаемая под такт, идет живее, быстрее, энергичнее, потому что слабые и малоуспевающие ученики стараются при такте не отставать от лучших и способных. Такт может

быть с большим удобством применяем при хоровом заучивании какой-нибудь молитвы или стихотворения, при повторении какого-нибудь объясненного правила, особенно же при обучении искусствам: письму, пению и др. Но невыгода такта та, что он может вести к механической деятельности и приучать учеников теряться, когда им приходится отвечать что-либо не вместе с другими. Поэтому такт следует употреблять не часто, главным образом при занятиях механических, особенно при обучении письму, пению, при заучивании чего-либо наизусть, – притом более с учениками младшего возраста, так как для более взрослых работа под такт кажется излишним стеснением свободы.

О пересадке учеников

Некоторые учителя стараются пользоваться для более успешного обучения пересадкой учеников по степени их способностей, или сажают учеников малоуспевающих с хорошо успевающими, с тем чтобы первые учились у последних, или сажают впереди слабых зрением и слухом или учеников шаловливых, чтобы они всегда были на глазах учителя. Более следует руководиться двумя последними соображениями, отчасти вторым, например на уроках пения, когда ученики с неразвитым слухом или непривыкшие попадать в тон легко могут многому учиться от умеющих петь. Первым же соображением лучше не руководиться при рассаживании учеников, потому что хотя при этом способе рассаживания возбуждается в учащихся соревнование, но зато развивается вместе с тем самолюбие, зависть и т.п. дурные качества.

Особенно же из второстепенных средств мы должны остановиться на наградах и наказаниях.

О наградах и наказаниях

Награды нередко бывают полезны для ободрения ученика и побуждения его к более усердным занятиям или более исправному поведению. Отвергать всякое их значение нельзя, так как дитя еще не может находить награду только в удовольствии, сопровождающем труд. Для детей нужно видимое признание их со стороны взрослых. Поэтому-то в Ветхом Завете в период детства человечества Бог, воспитывая еврейский народ, назначил за исполнение закона награды, в земной еще жизни.

Но в назначении наград учитель должен быть весьма осторожен: наградами легко можно развить в воспитаннике самолюбие и неправильное о себе мнение. Поэтому не следует хвалить детей

самолюбивых, лучше похвалой ободрить старательных, хотя робких. Равным образом и при определении наказаний необходима большая осмотрительность. Учитель должен быть наблюдательным, знатоком детской души, чтобы правильно определить причины проступка и определить наказание справедливое, т.е. соответствующее вине. Соответствие это должно состоять не столько в том, чтобы за один и тот же проступок всегда одинаково наказывать, сколько в соответствии наказания с личными особенностями ученика. Одного, например, можно оставить в классе после урока, чтобы доучивал невыученное по лености; другого, не выучившего по неспособности, отпустить. Проступки некоторых полезно обличить пред всеми, а других – видя не видеть, как говорит свт. Григорий Богослов, потому что они лучше исправляются чрез безмолвное обличение. В иных же случаях учитель может и совсем оставить ученика без наказания. Он всегда должен помнить, что лучше предупредить проступок, чем наказывать, а поэтому терпеливо ожидать исправления и не наказывать, пока не увидит, что одно словесное убеждение не действует.

В наказаниях должна быть соблюдаема постепенность. Не следует прибегать к строгому наказанию, когда достаточно слова или даже взгляда, смотря по личности ученика. Если сразу применить строгое наказание и вообще часто применять строгое наказание, то нравственное чувство воспитанника притупляется и он перестает исправляться от наказаний. А исключение следует применять в самых редких случаях, особенно ввиду того, что и до сих пор необходимо по возможности привлекать крестьян к школе, чем отталкивать от нее чрез исключения. Далее, при наказании всегда нужно щадить личность ученика, не допускать того, чтобы наказанный сделался предметом насмешек со стороны товарищей; это может его озлобить, а в товарищах подавить добрые товарищеские чувства. Не следует наказывать в гневе, потому что личное раздражение иногда как бы против воли может сделать учителя несправедливым. Вообще, следует наказывать не изза гнева и личных оскорблений или вследствие недостатка терпения, а ради пользы ученика, в духе любви, по словам Писания: «Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет» (Евр. 12, 6).

Замечание о теории так называемых естественных наказаний

Существует теория так называемых естественных наказаний. Говорят:

если дитя узнает на собственном опыте, что его проступки или какие-либо действия сопровождаются дурными последствиями, то самые эти последствия удержат его от повторения действия. Например: оно поднесло руку к горячему самовару и обожглось; воспоминание об ожоге при виде самовара в следующий раз удержит уже его от прикосновения к самовару. Естественный метод, говорит Спенсер («Воспитание умственное, нравственное и физическое», с. 135, перевод с английского Сысоевой), и есть настоящий, естественная дисциплина – самая лучшая. Наказание должно естественно и необходимо вытекать из проступка: если дитя разбросало игрушки и насорило в комнате, то оно должно само собрать сор; если не согласится, ему не должно давать в следующий раз игрушек. Конечно, в этой теории Спенсера справедливо то, что наказание должно соотносываться с проступками и быть естественным их последствием, но в ней скрывается та ложная мысль, будто одного сознания пользы или вреда известного поступка достаточно для исправления. Испорченная природа не может исправить сама себя. Пьяницы, на которых указывает и Спенсер, разве не знают последствий, какие ожидают их, однако не исправляются. Тем более не исправятся и дети, при своей забывчивости, непостоянстве и слабости воли. Не польза или вред, как хочет Спенсер, а действие наказаний на совесть – вот что только и может сделать наказание действенным и полезным.

О телесных наказаниях

Что касается телесных наказаний, то их следует избегать, особенно таких, которые ведут за собою телесные повреждения; не следует, например, бить линейкой, бить по голове, давать щелчки, рвать за ухо, за нос, давать пощечины, ставить на колени.

Правда, в Ветхом Завете советовалось прибегать к телесным наказаниям и придавалось им важное значение. "Не давай сыну воли в юности, ...нагибай выю его в юности и сокрушай ребра его», чтобы «впоследствии утешаться им», говорится в книге Иисуса, сына Сирахова (Сир. 30, 10–12). Наши предки в период монгольского ига действительно следовали этим наставлениям, как видно из «Домостроя»⁸.

Воспитание было построено на страхе и наказании. Телесное наказание применялось постоянно, особенно в юго-западных школах, устроенных по образцу иезуитских. Там составлены были даже особые стихи в похвалу розги, в которых указывались все добродетели, воспитываемые будто бы розгой, говорилось, что «Святой Дух велит

розгой бить». Но это зависело от грубости нравов в период монгольского ига. В период до монгольского ига советовалось обращаться с детьми «не с гневом и жестокостью, а с ласковостью и страхом, растворенным любовью». Так внушал первый митрополит русский Михаил учителям. Но в настоящее время нет необходимости возвращаться к прежней грубости нравов. Ученики, которых жестоко наказывали, и сами не считают предосудительными жестокость и грубость. Они сами не считают за важность побить товарища, подражаться для удовольствия и т.п. Достаточно для учителя и того, если он заставит ученика стоять в классе, оставит его после уроков в классе и т.п. Телесные наказания свидетельствуют о том, что нравственные увещания учитель считает недостаточными и бессильными. Но в действительности и телесное наказание может принести пользу только тогда, когда действует на нравственное сознание. Поэтому-то ни Господь Иисус Христос, ни апостолы никогда не прибегали к внешней силе. Наказывать следует не тело, а стараться пробудить и благотворно подействовать на совесть ученика, и тогда только ученик, и притом сам, может почувствовать необходимость исправиться.

О самостоятельных работах и о наблюдении за учениками вне школы

О важности самостоятельных работ в школе

Учебновоспитательное дело не может ограничиваться только тем временем, в котором учитель занимается с детьми, но должно обнимать и то время, в которое дети предоставлены бываюи самим себе. И прежде всего должно помнить, что только 13 часть времени в школе учитель занят непосредственно с детьми, остальные же две трети они занимаются самостоятельно. Иногда высказывалось мнение, что соединение трех отделений в нашей школе есть лишь необходимое зло, с которым, хотя оно ведет к явному ущербу для школьного дела, волей или неволей приходится мириться. Другие же смотрят на дело иначе. Например, К. Д. Ушинский говорит, что «новая школа требует, чтобы дети по возможности трудились самостоятельно», чтобы учитель занимался лично с одним из этих отделов (школы) и давал другим самостоятельные упражнения. «Это самая правильная деятельность школы, и не только не хуже, но гораздо лучше той, когда сам учитель все время занимается с целым классом» («Народное образование», 1899 г., 30 января или см. «Руководство для обучения по родному слову», с. 17). Действительно, самостоятельные работы в школе могут иметь весьма важное значение. Они, прежде всего, приучают ученика работать не только под непосредственным руководством учителя, но и самостоятельно. Затем, учитель не может сделать всего в то время, пока занимается непосредственно с тем или другим отделением: многое нужно повторить, заучить, многие отделы требуют частых упражнений. Наконец, в начальной школе нет обыкновенно возможности задавать работы на дом по непривычке к ним детей и по причине неблагоприятных условий жизни крестьян.

О способе их задавания

Поэтому-то необходимо обратить как можно более серьезное внимание на самостоятельные занятия детей и позаботиться об их плодотворности. Прежде всего, не следует смотреть на самостоятельную работу как на средство занять ученика чемнибудь, только бы он не мешал заниматься другим. Работа должна помогать прочному усвоению тех знаний, которые уже сообщены на уроках, и должна быть с ними в тесной

связи. Далее, она не должна быть ни слишком трудной для детей, ни слишком легкой: в первом случае дети будут сидеть без дела, потому что не знают, как приступить к ней, во втором случае – скоро окончат. Чтобы работа не была слишком трудна, для этого необходимо, чтобы учитель на предшествующих уроках, когда он сам занимался с детьми, достаточно подготовил их к ее исполнению. Затем необходимо как следует показать ученикам, как именно они должны приступить к работе. Если на предшествующих уроках ученики подготовлены к ее исполнению, то учителю не придется надолго отвлекаться для задавания ее, и после того, как она задана, придется разве изредка смотреть, действительно ли ее исполняют, особенно ленивые или слабые ученики. Далее, необходимо заботиться и о том, чтобы работы были более или менее интересны для детей; не следует задавать одни и те же работы слишком часто.

О проверке их

Заданные работы должны быть проверены учителем. Иногда можно устроить общую проверку, например спросить какого-нибудь ученика, решена ли им задача и у всех ли так решена. Иногда можно проверить работы по окончании урока, чтобы не сокращать последнего, иногда брать тетради на дом для исправления. Если ученики видят, что работы не исправляются, то привыкают относиться к ним невнимательно, небрежно.

Замечание об одновременном занятии учителя с двумя или тремя отделениями

Так как поставить целесообразно самостоятельные работы очень трудно, то иногда можно соединять отделения, например: на уроке Закона Божия можно соединить младшее и среднее отделения при изучении молитв и Священной Истории, можно также соединять среднее и старшее при изучении катехизиса и богослужения. По другим предметам заниматься совместно с двумя или тремя отделениями неудобно и весьма трудно.

Впрочем, г. Бобровников советует, например, так заниматься по арифметике со всеми тремя отделениями. Даются задачи для умственного счета. Ученики младшего отделения должны к сумме данных чисел прибавить 8, ученики среднего – произведения тех же чисел вычесть из 100, ученики старшего отделения на произведение этих же чисел разделить 100 («Народное образование», 1898 г., 25 декабря). То же самое по русскому языку. Например, ученики старшего отделения должны

называемые учителем глаголы «возьми», «покажи» и т.д. поставить в множественном числе, а ученики младшие присоединять вслед за ними к этим глаголам существительные во множественном числе и т.п. Вообще же при неодинаковой степени развития учеников и их познаний полезнее для дела вести занятия с каждым отделением в особые часы.

О наблюдении за самостоятельным чтением учеников вне школы и за их поведением вне школы

Учебновоспитательное дело не может быть ограничено временем пребывания детей в школе. Весьма важно для учителя наблюдать и за тем, что дети делают вне школы, будучи предоставлены себе, как ученики вне школы пользуются приобретенными в ней познаниями². Время прекращения школьных занятий есть время отдыха и для учителя, и для учеников после утомительного труда. Но нужно, чтобы и отдых способствовал развитию умственных и нравственных способностей детей, которому доброе основание положила школа. Возбудив в учениках в школе жажду учения, учитель и по прекращении школьных занятий должен что-либо делать для удовлетворения этой жажды. Наиболее удобным средством может служить чтение учениками на дому данных им учителем книг для чтения. Чтобы чтение это принесло ученику более пользы и доставило ему больший интерес, учитель может спрашивать учеников о прочитанном при выдаче им новой книги или даже иногда на уроке по какому-либо поводу, может объяснить ученику что-либо ему непонятое и т.д.

Равным образом следует так или иначе наблюдать по окончании учебных занятий и за тем, как ведут себя дети и прививаются ли к ним воспитываемые в школе навыки, – как, например, дети ведут себя в церкви, на улицах, какими они занимаются играми, не мучат ли животных, не обижают ли без всякой причины кого-либо из своих товарищей, не приобретают ли привычки к словам бранным или нарушающим чувство стыдливости, к похищению чужого и т.п. Он может для этого, не ограничиваясь случайными наблюдениями при встрече с ними, даже нарочно осведомляться об их поведении или чрез взрослых, или сам лично.

О связи школы со своими бывшими учениками

Хорошо, если и ученики, окончившие курс ученья в школе, не прерывают с нею всяких отношений. Пример подобного отношения учеников к школе представляют школы Рачинского. Школа должна оставить в ученике такие добрые воспоминания, чтобы и выйдя из нее ученик считал самым привлекательным время, в ней проведенное. У учителя могут быть различные средства поддерживать такое взаимоотношение школы с ее бывшими учениками. Так, один учитель располагает к себе всех своим добрым, простым, приветливым обращением; другой сумел вселить в учеников своей школы такую охоту к ученью и просвещению, которая не может уже прекратиться и по выходе из школы и едва ли может быть удовлетворена помимо самой же школы; третий привлек своих бывших учеников к участию в церковном пении и чтении. В иных школах учитель имеет возможность устраивать чтения с «туманными картинами»¹⁰ при школе. Многих учеников привлекают к школе те занятия по садоводству, огородничеству, сельскому хозяйству, устройству пасеки, рукоделию (в женских школах), какими они могли позаимствоваться от учителя или учительницы и захотели применить к собственному хозяйству и житейскому обиходу, – или даже те сведения по медицине, благодаря которым знающий учитель может оказывать ближайшую помощь в болезнях, и т.д. Влияние школы, так поставленной, будет весьма могучим и распространится весьма далеко.

О преподавании Закона Божия

О пользе и значении знакомства с приемами преподавания Закона Божия для учителя школы

Прежде чем начать речь о приемах преподавания Закона Божия, необходимо сказать несколько слов о пользе и необходимости знать эти приемы не только для законоучителя, но и для учителя школы. Правда, преподавать Закон Божий не его прямая обязанность. Но не говоря уже о том, что учителям во многих случаях приходится заменять законоучителя, – потому ли, что его нередко отвлекают обязанности по приходу, или еще по какой другой причине, – учитель уже потому не может считать обучение Закону Божию обязанностью, совершенно стороннею для себя, что Закон Божий есть главный предмет в школе и средоточие всего школьного обучения. Затем, учитель обязан не только учить, но и воспитывать детей. Но ведь для воспитания детей в духе христианского благочестия живые беседы с детьми по Закону Божию составляют одно из наиболее действенных средств. Учитель всегда легче подействует на детей, если будет говорить им, как учил Спаситель, как жили праведные люди, о которых рассказывается в Священной Истории, и т.д.

Учить детей нравственности, не одушевив ее началами религии, значит то же, что строить здание на песке, говорит протоиерей Ветвеницкий («Руководство к преподаванию Закона Божия», с. 75). Если учитель не будет обращаться к Закону Божию, его наставления о том, что нужно исправиться, потеряют тогда для детей надлежащую силу и будут бесплодны, подобно тому, как растение не может расти, лишившись своего корня. Да и помимо этого не представляются ли в учительской деятельности постоянные поводы к тому, чтобы обращаться к наставлению в Законе Божиим? Так, он присутствует с детьми на молитве пред уроком и после урока, а в иных школах утром и вечером, и в таких случаях иное может исправить, иное разъяснить детям. Или, он ходит с детьми в церковь в дни праздничные или во дни говения на первой и на Страстной седмицах Великого Поста. И здесь как много поводов разъяснить детям многое в церковных чтениях, в песнопениях, обрядах!.. Он должен помнить, что главный предмет и средоточие обучения в церковноприходских школах есть Закон Божий, и потому его прямая обязанность всячески содействовать законоучителю.

О характере преподавания Закона Божия в

школе

Что касается характера преподавания Закона Божия в школе, то следует помнить, что он не есть лишь такой же учебный предмет, как прочие школьные предметы. Если уж обучение русскому языку, письму, счислению, истории и географии может и должно давать пищу не одному только уму, но и сердцу, так как все эти предметы заключают в себе много занимательного и интересного, если объяснительное чтение и рассказы из истории, при целесообразном выборе статей, могут иметь громадное воспитательное значение, то тем более нравственно-воспитательное значение должны иметь уроки Закона Божия. Обучение Закону Божию прямо не достигало бы цели, если бы, занимая ум, оставалось без влияния на другие силы души детей, на самую их жизнь. Поэтому-то уроки Закона Божия должны прямо переходить в живую беседу, которая более способна воздействовать на сердце и волю, чем уроки, обогащающие лишь ум различными новыми познаниями.

Как начинать обучение Закону Божию

Как же начинать и вести религиозное обучение? С самых первых времен христианства религиозное обучение начиналось с молоком матери. Мать является первою учительницею и воспитательницею своих детей. Едва появляются в дитяти первые признаки сознания, едва язык его начинает лепетать первые слова, оно слышит от матери слово «Бог». «И счастливо дитя, – говорит высокопреосвященный Амвросий (Харьковский), – которое вместе с первыми реченьями, доступными для его языка, усвоит это святое и достопоклоняемое имя! От этого простого приема происходит то, что многие христиане не запомнят времени, с которого образ Спасителя стал для них любезным». Или, например, мать часто говорит дитяти, что то или другое грех (методика Закона Божия Страхова – 12, 16). Через это дитя научается различать добро от зла и в нем постепенно раскрываются нравственные понятия. И все это вполне естественно. Стремление к Богу, Существо высочайшему, равным образом стремление к добру принадлежат к так называемым врожденным стремлениям человека. Поэтому-то истины веры и нравственности христианской не суть нечто совершенно новое для детей – они коренятся в самой природе души, которая по природе христианка, по выражению Тертуллиана. К этим-то врожденным влечениям, которые развиты были в дитяти матерью и вообще окружающими лицами, и должно примыкать школьное религиозное обучение. И напрасно говорит священник

Афанасий Соколов, что эти понятия для многих детей ограничиваются лишь двумя общими предметами: «Бог наказывает» и «Бог благодетельствует» (Методика, с. 40). Иное дитя, быть может, действительно высказывает только это, но при умении законоучитель, несомненно, обнаружил бы в нем и большие познания. Оно, например, имеет познания о святости Божией, об Его всемогуществе и т.д.

Предметы школьного обучения Закону Божию

Предметами обучения Закону Божию, собственно, в школе являются: молитва, Священная История, катехизис и богослужение. В молитве природное влечение к Богу находит свое первое и наиболее сродное ему, непосредственное выражение. Поэтому с изучения молитв и нужно начинать религиозное обучение.

О вступительных беседах по Закону Божию – их содержании, значении и характере

Чтобы возбудить в детях сознание необходимости в молитве и вообще подготовить их к урокам Закона Божия, необходимы так называемые вступительные беседы. Учитель должен различными вопросами навести детей на мысль о том, что все в мире создано Богом, что все явления в природе, грозные и благодетельные, совершаются по Его воле, что от Него поэтому зависит вся наша жизнь. В окружающей природе учитель легко может дать увидеть детям следы всемогущества Божия, Его премудрости и благости. А это само собою возбудит в сердце молитвенные чувства благоговейного страха и удивления. В особенности же должен учитель указать детям на все благодеяния Божия и чрез сравнение любви Бога к людям с любовью отца к детям возбудить в детях чувство благодарности и любви к Нему, желание иметь в уме мысль о Нем и чаще к Нему обращаться. Если мы не утомляемся и не находим никакой скуки, а, напротив, с радостью постоянно думаем о добром отце или о тех людях, которых любим, то тем более должны постоянно думать о Боге, Который любит и заботится о нас более, чем все люди. А молитва и есть, по словам митрополита Филарета, «возношение ума и сердца к Богу или благоговейное слово человека к Богу» – слово или прошения о наших нуждах, или благодарения за Его благодеяния, или славословие за Его Божественные совершенства: благость, всемогущество, святость.

Вступительные беседы необходимы и по другим причинам. Прежде чем начать обучение Закону Божию, нужно знать, какие религиозные

понятия имеют дети, и, таким образом, начинать обучение, переходя от известного к неизвестному. Помимо этого, учителю предстоит многое в понятиях детей исправить (например, разные суеверия) и дополнить, чтобы таким образом подготовить к дальнейшему обучению Закону Божию. Затем во вступительных беседах нужно уяснить детям самые основные понятия о Боге, без которых нельзя было бы ни объяснять молитвы, ни изучать Священную Историю. Так, например, необходимо дать понятие о Боге Творце Промыслителе, Которым все создано, Который о всем заботится и в руках Которого вся наша жизнь; затем понятие о Троичности Лиц в Боге, о том, что Второе Лицо Пресвятой Троицы, Господь Иисус Христос, будучи Богом, сделался человеком, сошел на землю для спасения людей и родился на земле от Пресвятой Девы Марии, Которая, как Мать Божия, называется Богородицею, что Он пострадал и умер на Кресте для нашего спасения. Сообщив подобные основные понятия во вступительных беседах, законоучитель может многие из основных истин веры сообщить постепенно при изучении молитв и Священной Истории.

Давая понятия о молитве, законоучитель должен сказать и о внешних действиях, какими молитва сопровождается, т.е. о крестном знамении, поклонах, коленопреклонениях, как и когда их употреблять, равным образом, как принимать священническое благословение. Законоучитель должен научить совершать крестное знамение или поклоны правильно, неторопливо, сознательно и со вниманием, – и в таком случае видимые знаки молитвы будут возбуждать сами собою к молитве и воспитывать благочестивое настроение души. Можно также в это время дать детям истинное понятие об иконах и зачем они употребляются при молитве. Разъяснить значение крестного знамения можно уже после того, как дети будут иметь основные понятия о Боге и Лицах Святой Троицы. Вступительные беседы не должны походить на учебный урок, но представлять живую беседу. Только живые беседы могут вполне успешно действовать на сердце и располагать к молитве. Необходимо заставлять говорить более самих детей, потому что только если дети сами будут высказывать свои познания о Боге, законоучитель будет в состоянии узнать их, исправить, уяснить и дополнить.

Об изучении молитв

Характер изучения молитв

По словам программы для церковноприходских школ, изучение молитв в школе должно носить характер более практический. Это значит, что изучение молитв не в том только должно состоять, чтобы выучить их наизусть с объяснениями, которые делают ту или другую молитву понятной для ума, но в том, главным образом, чтобы возбудить в детях соответствующие словам молитвы чувства, образовать в них навык к молитве, привить сознательную и живую потребность в ней. Какими же средствами достичь этого?

Средства практического научения молитве

Конечно, само по себе заучивание молитв, хотя бы с объяснениями, мало здесь поможет. Должно помнить, что в детском возрасте преобладает развитие не рассудка, а воображения и чувства. Поэтому целесообразно заложить в душу дитяти поболее впечатлений, питающих его религиозное чувство и воображение. Самое большее здесь имеет значение личный пример учителя и окружающая обстановка. Дети вообще, особенно в возрасте от 2 до 5 лет, склонны к подражанию. Дитя видит, например, что взрослые читают или пишут, и само берет книгу, иногда вверх ногами, и начинает что-то бормотать, – это оно читает. Или берет бумагу и начинает водить по ней карандашом, – это оно пишет. Нужно помнить, что при этом не одни только внешние действия взрослых оно перенимает, но и их настроение: оно серьезно разговаривает, волнуется, подражая действиям взрослых. Этою-то склонностью детей к подражанию и должен воспользоваться учитель: «Нужно только, чтобы божественное и религиозное чувство в ребенке возбуждалось действительным и искренним, из глубины души исходящим религиозным чувством и расположением взрослых, ибо чем глубже и сильнее эти чувства и расположения, тем явственнее выходят они в голосе, положении, лице и т.п.» (Ильминский. «Беседы о народной школе», 29). Но учитель должен в то же время разъяснить дитяти то, что оно усвоило путем бессознательного подражания, а равным образом позаботиться о том, чтобы молитвенное подражание взрослым вело не к одному лишь чисто механическому копированию их действий, но чтобы при этом и самая молитва прививалась к сердцу дитяти в виде добровольного чувства.

Впрочем, если бы даже молитва еще не всегда возбуждала в детях такие чувства, важно уже то, чтобы дети увидели в молитве свой долг, не исполнив которого они не чувствовали бы себя спокойными. А потому полезно приучить их к неопустительному ежедневному совершению молитвы. «Молитвою и непременно исполнением ее в назначенное время, – пишет митрополит Иннокентий, – детям внушается, что они не животные (вольные), но чем-то обязаны, что есть Кто-то, Кому они должны поклоняться и кланяться иначе, нежели людям». Если вначале подобное исполнение молитв детьми и будет несколько механическим, то так и должно быть. Должно, говорит преосвященный Феофан («Путь ко спасению», с. 263), «всегда начинать с молитвы деятельной (т.е. с чтения положенного правила, поклонов, стояния и т.п.); с нею должна быть умная (совершаемая с полным вниманием к каждому слову молитвы), а за ней придет и сердечная». Но это не начало, а уже «предел молитвенного воспитания».

Успешно может воспользоваться учитель для воспитания молитвенного настроения в детях и присутствием их за богослужением. Как первые наши испытатели веры, еще младенцы в вере, увидев греческое богослужение, говорили: «Не знаем, на небе ли мы были или на земле, ибо нельзя видеть на земле такой красоты, и недоумеваем, что сказать; знаем только, что там Бог с людьми пребывает», – так и дети легко могут подчиняться обаянию этой неземной красоты. Однако если означенные средства и способствуют образованию в дитяти навыка к молитве и даже по временам дают ему почувствовать обаяние молитвы (как в храме), – сами по себе не ведут еще к образованию в дитяти сознательной потребности в молитве. Поэтому детям необходимо разъяснить, что такое самая молитва и почему она нужна. Все это и достигается уже посредством вступительных и дальнейших бесед с детьми по Закону Божию.

Приемы изучения молитв; о разных взглядах на это изучение

Что касается теперь самых приемов изучения молитв, то они также употребляются различные, смотря по тому, что считается более важным при их изучении. Так, в недавнее время (в 60е особенно годы) при изучении молитв обращалось очень большое внимание на то, чтобы сделать молитву понятною для ума, чтобы дети могли осмысленно читать ее. Это потому, что ничего непонятного, по требованию педагогики, будто бы нельзя давать детям для изучения. А поэтому, прежде чем дать детям

изучать молитву по славянскому тексту, считалось необходимым рассказать детям соответствующее событие Священной Истории, вести с детьми предварительную беседу о содержании молитвы; содержание беседы должно иметь такое отношение к молитве, чтобы при обобщении мыслей беседы сам собою получился русский перевод молитвы. После того детям заявлялось, что по-славянски (по-церковному) молитва читается несколько иначе; указывалось значение непонятных для детей славянских слов, которые затем записывались и заучивались; делался перевод всей молитвы с русского языка на славянский, и затем уже молитва выучивалась по славянскому тексту на память. Итак, по этому способу славянский текст молитвы, как непонятный детям, давался лишь в самом конце изучения ее.

По другому мнению, при изучении молитв прежде всего следует стремиться к тому, чтобы детьми был выучен самый текст их, объяснение же есть дело второстепенное, потому что смысл многих молитв еще недоступен детям, да и не в том состоит главная цель изучения молитв, чтобы сделать их понятными для ума, а в том, чтобы возбудить в детях соответствующие словам молитвы религиозные чувства. Изучение начиналось поэтому с текста славянского: русский перевод иногда лишает молитву той высоты и той задушевности и величия, какими веет от текста славянского, употребляемого самой Церковью и потому священного. Иногда при этом даже высказывалось некоторыми, что различные объяснения, делающие молитву понятною для ума, особенно заучивание значения непонятных славянских слов, только препятствуют возбуждению религиозного чувства, подобно тому, как в минуты действительного молитвенного восторга, например во дни Пасхи, никому не будут приходить в голову подобные объяснения.

Сравнительная оценка этих взглядов

Относительно этих двух взглядов на изучение молитв можно сказать следующее. Совершенно справедливо, что изучаемая молитва, как утверждают последователи первого взгляда, должна быть объяснена детям, потому что если религиозное чувство может быть возбуждено словами и не совсем понятной молитвы, но зато оно как скоро возбуждается, так скоро может пройти. Чтобы поддержать его, необходимо размышление, к чему и служит объяснение смысла молитвы. Мысли и чувства, возбужденные объяснением или предварительною беседою о содержании молитвы, дают новую пищу чувству и поддерживают молитвенное

настроение. Да и как может быть назидательной молитва, в которой дети ничего не понимают? Когда ты молишься на незнакомом языке, «то стоящий на месте простолюдина как скажет «аминь» при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается» (1Кор. 14, 16–17). Как дитя может возноситься умом к Богу, когда не понимает слов молитвы? Кроме того, объяснение молитвы немало помогает и самому заучиванию ее. Поэтому тот прием изучения молитв, когда молитва прямо заучивается по славянскому тексту без объяснений, сопровождающих это изучение, безусловно, должен быть отвергнут.

Но последователи первого взгляда не обращают должного внимания на то обстоятельство, что объяснения молитвы могут быть полезны лишь в том случае, если они будут кратки и вполне понятны детям, так чтобы дети могли усвоить их не просто на память, но и умом. Затем следует помнить, что стремление сделать молитву вполне понятной для ума, как справедливо утверждают последователи второго взгляда, не должно занимать главного места при изучении молитвы. Относительно этого справедливо замечено в объяснительной записке к программам церковноприходских школ: «При заучивании (молитв) должно быть сообщено детям буквальное значение непонятных славянских слов и оборотов, встречающихся в той или другой молитве. Истолкование внутреннего глубокого смысла молитв должно быть введено в уровень с их общим наставлением в Законе Божиим... Для учащегося полезнее будет, если он, при изучении соответственного места из Священной Истории и катехизиса, прозрит в не совсем понятный для него до сих пор смысл молитвы, чем забегать вперед и преждевременными искусственными, вернее – насильственными мерами внедрять в его память объяснение, которое часто бывает непонятнее самой объясняемой молитвы».

По указанному выше первому способу нужно детям сначала давать русский перевод молитвы, а только уже после многих объяснений давать, наконец, славянский. Но неужели славянский текст есть что-то совершенно непонятное и недоступное для детей, что совершенно невозможно давать его прежде русского? Правда, иногда не бесполезно, даже необходимо, прежде чем приступить к объяснению молитвы (особенно длинной), рассказать соответствующее событие из Священной Истории или иногда даже вести беседу с детьми об ее содержании, но это не значит еще, что сначала из общих мыслей беседы нужно составить русский текст молитвы, а затем приступить к переводу его на славянский язык. Подобные упражнения в переводе с русского языка на славянский

более уместны на уроках славянского языка. Можно даже во многих случаях не делать предварительной беседы о содержании молитвы, ограничиться же только объяснением ее по прочтении славянского текста. Если беседа ведется раньше чтения текста, то ученик не знает, на что ему обратить особенное внимание; если же текст прочитан предварительно, то он прямо видит, зачем делается то или другое объяснение, потому что объяснение прямо прикрепляется к известному слову или выражению молитвы.

Какие странные предварительные беседы рекомендовалось вести некоторыми законоучителями, можно видеть из следующего примера: «Больше всего радовались они (Адам и Ева) тому, что Господь являлся к ним, говорил с ними, учил их святой жизни, они радовались этому более, нежели радуется дитя, когда с ним говорит добрый отец его. Жизнь их была согласна с волею Божиею: они хвалили Бога, когда разговаривали между собою, и прославляли Его своими добрыми делами. Господь был Отцом и Царем их, а они были детьми Божиими и составляли Его царство. Первые люди жили праведно в раю, ангелы и святые люди и теперь исполняют волю Божию на небе, а мы часто нарушаем волю Божию, огорчаем Господа своими поступками. Чтобы нам прославлять Бога своими мыслями и делами, жить по Его воле, Господь нас научил молиться: «Отче наш...» и т.д. (Методика Афанасия Соколова, 21). Понятно, что подобная беседа почти не уяснит текста молитвы и не сделает объяснение ее более интересным и назидательным.

Поэтому естественнее (согласно со вторым взглядом) начинать изучение с текста славянского, который дети уже слышали в церкви или изучили посредством пения в церкви. Если затем при пении молитвы в классе дети вслушивались и мало-помалу запомнили текст молитвы, то уже одно раздельное и осмысленное произношение этой молитвы в классе учителем или законоучителем многое сделает в ней понятным. Нередко после этого остается детям объяснить значение непонятных для них слов и оборотов. А чтобы эти объяснения не были бессвязными, необходимо уяснить и сами мысли молитвы путем общих вопросов, – например, кому мы молимся в этой молитве, о чем и т.д.

О порядке заучивания молитв наизусть

Итак, изучение молитв начинать можно, особенно если молитва краткая, прямо с текста славянского, иногда после соответствующей беседы с детьми о содержании молитв или рассказа из Священной

Истории (если не изучали еще Священную Историю, то можно рассказать соответствующее событие кратко). Сначала нужно прочитать ее отдельно, внятно, объяснить непонятные для детей слова и выражения, указать главные мысли и затем дать заучить ее на память – со слов ли законоучителя, или отчасти посредством пения (некоторые советуют речитативное пение), или прямо по учебнику. Заучивание лучше вести хором. Сначала учитель должен прочитать молитву, отделяя каждое слово, чтобы ученики вслушались в слова молитвы и произносили их правильно; ученики должны повторять (под такт). Затем можно заставлять повторять по малым частям (например: «Царю небесный», «Утешителю», «Душе истины»), далее по большим частям, пока не будут произносить всей молитвы. Можно затем заставлять повторять слова молитвы не всех, а, например, сидящих на одной какой-либо скамье, или, чтобы память сильнее работала, одну часть заставить повторить одних, другую – других. Но и после этого необходимо проверить, запомнил ли молитву каждый ученик в отдельности. Если он забудет, можно заставить помочь ему другого, пока не запомнят все.

О порядке, в каком должны быть изучаемы МОЛИТВЫ

Остается сделать замечание о порядке, в каком должны быть заучиваемы молитвы. Об этом тоже высказывают неодинаковые мнения: одни, например, говорят, что нужно изучать молитвы сначала утренние, затем дневные, затем вечерние, другие говорят, что нужно их изучать в порядке церковном, или еще другие высказывают мнение, что нужно изучать молитвы совместно со Священной Историей, благодаря чему они становятся понятнее для детей. Наиболее естественный порядок тот, чтобы изучать молитвы, начиная с кратких и наиболее доступных детям и переходя последовательно к более обширным и трудным. В таком порядке расположены молитвы и в программе церковноприходских школ. Затем должно принимать во внимание и важность той или другой молитвы и не откладывать, например, надолго изучение молитв «Царю Небесный» или «Отче наш».

О преподавании Священной Истории

О главнейшем средстве преподавания Священной Истории – рассказе и о качествах, требуемых от рассказа

Теперь сделаем несколько замечаний о преподавании прочих предметов, входящих в состав Закона Божия в школе. Вместе с изучением молитв можно приступить и к изучению Священной Истории. Начинать ее изучение следует с первого же года поступления в школу, потому что она легче всех других предметов и потому что чрез изучение ее полагается основание для понимания молитв, катехизиса и богослужения.

Самое простое и естественное средство для преподавания Священной Истории есть живой и наглядный рассказ. Живость и наглядность рассказа состоит в том, что рассказываемое событие представляется как бы происходящим пред глазами детей, – это бывает тогда, когда в нем удерживаются все характерные подробности обстановки (картинность), подлинные речи действующих лиц (драматизм) и т.д. Краткие и сухие, сжатые рассказы в 5–10 строк запоминаются детьми с большим трудом, чем пространные, но живые рассказы из Библии от 50 до 100 строк. Это объясняется тем, что при усвоении вторых является еще на помощь воображение. Впрочем, было бы крайностью, если бы учитель, желая сильно подействовать на чувство и воображение, начал прибавлять к рассказу такие подробности, для которых нет достаточных оснований в самом библейском рассказе, хотя бы эти подробности и были сами по себе правдоподобными. Например, «Марфа суетилась на кухне, передвигала горшки, сковороды, варила, рубила, жарила; поминутно бегала в кладовую: то понадобится мука, то масло, то что-нибудь другое. Совсем сбилась с ног». Или: «Иосиф и Мария остановились ночевать... Смотрят, Отрока Иисуса нет!.. Дитя пропало. Что с ним? Дитя могло захворать и лежать без всякой помощи где-нибудь на дороге, могло сбиться с дороги и заблудиться! Дикий зверь мог растерзать Его... Пресвятая Дева, не обращая внимания на Свою усталость, идет в Иерусалим. За Ней идет Иосиф. Несчастная Мать громко зовет: «Иисус, Иисус!» Но никто не откликается на Ее зов. – Чу! где-то раздался голос – «Не наш ли то милый Отрок?» – «Нет! Не Его голос!» – Это пастух сгоняет своих овец» (примеры из Священной Истории священника Александра Соколова, приведены в Методике Афанасия Соколова, с. 58, 59).

Кроме живости и наглядности, рассказ должен быть как можно более прост и естествен, а также должен отличаться последовательностью, так чтобы каждое последующее событие естественно вытекало из предыдущего. Подобного рода последовательность способствует тому, что все подробности рассказа, представляя строго последовательный ряд, как бы цепь, укладываются в голове сами собою и запечатлеваются в памяти без всякого труда. Чтобы сохранить последовательность рассказа, особенно важно, чтобы он не прерывался длинными объяснениями или отклонениями в сторону. Объяснение следует делать ранее, а если делать во время рассказа, то после этого постараться возобновить его последовательность.

Наконец, к рассказу из Священной Истории необходимо должно предъявляться еще одно особенное требование сравнительно с прочими рассказами – это назидательность. Подобная назидательность рассказу придается не тем, что учитель будет читать детям отвлеченные рассуждения о добродетели различных лиц, о которых он рассказал, вроде следующих: Товит был добродетелен, нужно ему подражать; Иосиф был незлобив, так и все братья должны относиться друг к другу.

Рассказ назидателен тогда, когда сам он, без всяких выводов и рассуждений, подействовал на сердце. Такова, например, притча пророка Нафана, сказанная Давиду. А так как нравственный смысл детей еще не развит, то его можно развивать посредством вопросов. Так именно поступал Спаситель, когда Он, сказав притчу, спрашивал слушателей, чтобы они сами сделали вывод из притчи – ясный и неотразимый. Например, рассказав притчу о милосердном самарянине, Господь довел Своим вопросом законника до сознания, что ближний – всякий человек, нуждающийся в милости с нашей стороны; то же самое в притчах о двух должниках на вечере у Симона и т.д. Назидательность рассказа зависит еще от умения учителя яснее и нагляднее представить те черты в жизни какого-либо праведника, которые в особенности делают его великим и возбуждают сами собою к подражанию (например, кротость и любовь Моисея к своему народу, ревность пророка Илии). Более же всего назидательность рассказа зависит от собственного настроения законоучителя. А потому, подготавливаясь к уроку Закона Божия, он должен приложить особенную заботу не только о том, чтобы с искусством и умением рассказать какое-либо событие, но и том, чтобы при рассказе чувствовалась его назидательность.

Самая речь рассказа должна соответствовать его содержанию. Она должна быть по возможности отрывочною, как и обычная простая речь;

должно избегать сокращенных слов и оборотов речи, особенно деепричастий, дополнительных предложений, начинающихся с «что», – вместо главных с собственными словами действующих лиц. Но, будучи простою, речь священноисторического рассказа ни в каком случае не должна быть ребяческой и грубою. Например: «Ну да! – сказал Иосиф, – вы люди негодные... Зачем вы сделали такую гадость?.. Чем богаче человек, тем более люди стараются всячески напакостить ему...» Речь рассказа должна вполне соответствовать его возвышенному содержанию. Она должна подниматься над грубостью обычной речи, а не унижаться до нее.

О порядке преподавания Закона Божия, о системах: совместной, последовательной и концентрической

Всеми означенными качествами: живостью, наглядностью, простотою, естественностью, назидательностью – отличаются рассказы из Библии. Поэтому рассказ из Священной Истории должен по возможности приближаться к библейскому по своему характеру. Это, впрочем, не значит, что Библию нужно читать детям всю подряд, – как говорит Толстой, не все «необходимо и естественно» для детей, о чем говорится в Библии, и потому многое необходимо опускать, не говоря уже о таких подробностях библейских рассказов, которые для детей не имеют значения. Библейский характер не сообщается рассказу также через одно внесение множества библейских оборотов речи. Конечно, хорошо по возможности удерживать библейские выразительные обороты речи, но ради простоты и понятности можно иногда и переделать их применительно к детскому пониманию. Главным же образом библейский характер сообщается рассказу тем, если рассказывающий проникается духом и настроением самого священного повествователя.

Об изучении Священной Истории Ветхого Завета, о значении его и сторонах, требующих особенного внимания

В частности, относительно рассказов из Священной Истории Ветхого Завета следует сказать, что, описывая детство человеческого рода, она кажется для детей особенно понятною и занимательною. Вот что говорит Толстой о рассказах из Ветхого Завета: «Из всех устных передач, которые

я пробовал в течение трех лет, ничто так не приходилось к понятиям и складу ума мальчиков, как Библия (разумеется собственно ветхозаветная Библия). Я пробовал Новый Завет, пробовал Русскую историю и географию, пробовал столь любимое в наше время объяснение явлений природы, но все это забывалось и слушалось неохотно. Ветхий Завет запоминался и рассказывался страстно, с восторгом и в классе, и дома и запоминался так, что через два месяца после рассказа дети из головы писали Священную Историю в тетрадах с весьма незначительными пропусками» (См. Методику Афанасия Соколова, с. 17). В этой выдержке весьма много правды, но не вся. В этой выдержке и в других местах сочинений Толстого Библия оценивается только с той точки зрения, как будто она есть самый простой и художественный рассказ. Но ведь Библия имеет значение не потому только, что она содержит увлекательные для детей рассказы, а главным образом потому, что эти рассказы, особенно для детей, назидательны. Об этом свойстве рассказов Библии у Толстого совсем нет речи. Между тем преподавание Священной Истории Ветхого Завета имеет важное нравственновоспитательное значение, и совершенно несправедливы те педагоги, которые старались всячески урезать ее в школе (например, барон Корф).

При преподавании Священной Истории Ветхого Завета необходимо особенное внимание обратить на следующие стороны. Вопервых, жизнь патриархов отличалась особенно простотою: взаимные отношения людей тогда походили еще на отношения членов семьи между собою. Поэтому-то нужно учителю остановить внимание детей на тех примерах из истории патриархальных времен, из которых дети увидят, как дети должны почитать родителей (история Исаака), как должны относиться братья друг к другу (история Иосифа), как слуги должны относиться к господам и они к слугам и т.д. Из Священной Истории Ветхого Завета дети увидят, как возникли многие добрые обычаи, которые и теперь сохранились, например обычай погребать в семейных могилах, увидят наглядно, как возникла власть вождей и царская, как Сам Господь избрал в вожди народа Моисея, в первосвященники Аарона и наказал восставших против этой власти Корея, Дафана и Авирона с сообщниками, как Он избрал Саула на царство и с каким уважением относился к Саулу Давид, потому что Саул был избран Самим Богом на царство, несмотря на то, что Саул постоянно искал убить Давида. В ветхозаветной истории особенно ясно изображается непосредственное управление Богом в истории еврейского народа и в мире, а это воспитывает в детях живую веру в то, что в мире правит всем воля Всевышнего. Например: дети постоянно видят, как Сам Бог нередко

наказывал за нарушение Его воли или изрекал помилование некоторым, если видел их раскаяние, как Он управляет царством всего мира (например, как Он поступил с фараоном, как пленные евреи заслужили благоволение у царей).

Особенно же учитель должен обращать мысль детей ко временам до пришествия Мессии, верою в Которого жили люди ветхозаветные: на различные прообразы, каковы, например, жертвоприношение Исаака, таинственная лестница Иакова, неопалимая купина, медный змей, спасение пророка Ионы. Все это сделает для детей многое понятным в различных чтениях из Ветхого Завета во время богослужения, т.е. паремиях, и в иконах. Должно обращать внимание на различные пророчества, например, Моисея, Давида, лучше которого никто из пророков не изобразил душевные страдания Христа Спасителя, злобу и презрение к Нему людей и Божественное благоволение к Нему, – а также на пророчества Исаии о Мессии, наиболее ясные из ветхозаветных (например, о рождении от Девы Еммануила), на пророчество Даниила о семидесяти седмицах, об истукане, знаменовавшем царства мира, и о Камне, который, оторвавшись от горы, наполнил вселенную, т.е. о Царстве Христовом.

Изучение Священной Истории Нового Завета и Церковной Истории

Изучение Священной Истории Нового Завета должно показать детям, как Своею жизнью, учением, Своими страданиями и воскресением Господь Иисус Христос совершил наше спасение. Необходимо при изучении новозаветной истории обращать внимание детей не только на события из земной жизни Господа, но и на Его учение, излагать которое следует возможно ближе к евангельскому тексту, даже прямо иногда читая по Евангелию, потому что слова Спасителя не могут быть заменены никакими человеческими словами. Следует внушить детям, что учение Христа Спасителя так же обязательно теперь, как и для людей, живших во время Его земной жизни. Изучение Священной Истории необходимо дополнить некоторыми сведениями из истории церковной – общей и русской. Например, необходимо рассказать историю всех двенадцатых праздников, сообщить некоторые сведения о Вселенских Соборах и т.д.; из русской истории необходимо сказать о начале христианства в России, о происхождении раскола, о святых местах, пользующихся наибольшим уважением в русском народе, и т.д. Хорошо было бы воспользоваться для

сообщения подобных сведений уроками объяснительного чтения.

Об употреблении картин и других наглядных пособий

При изучении Священной Истории для наглядности могут быть употребляемы картины. Но ими должно пользоваться с осторожностью. Например, само собою понятно, что картины не должны заключать в себе никаких вымыслов художника, не основанных на самой Библии, и что они не должны нарушать благоговейного чувства. Не следует картины употреблять до рассказа, а пользоваться ими только для большего уяснения и напечатления рассказа. Нельзя, например, еще не рассказав про Сретение Господне, показывать детям изображение его, давать такие объяснения: «Вот здесь изображен старичок, а в руке у него клетка с двумя голубями, а тут вот стоит старушка, старец держит в руках Младенца, Которого принесла вот эта женщина, и т.д.». Все это следует делать только по окончании рассказа про Сретение Господне, чтобы называть детям изображенных лиц так, как требует благоговейное чувство: не «старичок», «старушка», «Женщина с Младенцем», а как в Евангелии – «святой праведный Симеон» или «старец Симеон», «Анна пророчица», «Божия Мать с Младенцем»... Правда, говорят, что при преподавании Священной Истории по картинам ученику предоставляется более самостоятельности и что картина помогает последовательному воспроизведению рассказа. Но это нельзя признать вполне правильным. Исторический рассказ по самому существу не может быть изобретен самими учениками и должен быть предварительно сообщен учителем, и уже только при воспроизведении его следует требовать самостоятельности. Иначе непроизводительно тратилось бы время на объяснение картины, после чего всетаки рассказ должен быть сообщен. Не помогает картина и последовательной связной передаче рассказа детьми, потому что из нее можно видеть только место и обстановку событий, а не временную их последовательность. Хорошо употреблять из картин особенно изображение различных местностей, упоминаемых в Библии, священных одежд, чертежи скинии и храма с их принадлежностями, карту Палестины, с помощью которой дети могут наглядно следить за путешествием израильтян в землю обетованную или Господа Иисуса Христа и Его апостолов по городам и селениям. Только прежде пользования картою Палестины необходимо дать детям понятие о масштабе (как уменьшенной единице измерения местностей земного

шара). Только это должно быть сделано учителем на уроках русского языка или арифметики, а не Закона Божия.

О преподавании катехизиса

Состав катехизиса в школе

В состав катехизиса входят учение о вере, надежде и любви христианской, и для того в «Пространном катехизисе» митрополита Филарета изъяснены Символ веры, учение о блаженствах, молитва Господня и десять заповедей. Блаженства весьма удобно могут быть изучены при прохождении Священной Истории Нового Завета и потому могут не входить в состав катехизиса в одноклассной школе. В Символе веры изъясняется, во что нужно веровать христианам, в молитве Господней содержится учение о молитве, а в десяти заповедях учение о том, как жить, излагаются обязанности христианина.

Характер его изучения и требования от него: приучение к изложению истин веры и жизни христианской осмысленному

Впрочем, изъяснение Символа веры и молитвы Господней или заповедей на уроках катехизиса имеет несколько иную цель, чем при изучении вообще молитв: катехизис должен, по словам программы для церковноприходских школ, научить детей рассуждению о том, что они ранее слышали и знают из Священной Истории и что было им сообщено при изъяснении молитв. На уроках катехизиса следует заставлять детей поболее самих рассуждать, помогая им извлекать заключающееся в Символе веры, или молитве Господней, или заповедях учение самостоятельно, при помощи последовательных вопросов. Поэтому-то учитель на уроках катехизиса должен всегда требовать от учеников не только объяснения отдельных слов или мыслей Символа веры, молитвы Господней, заповедей, но и извлекать учение, в них содержащееся, спрашивая, например, какое учение о молитве содержится в молитве Господней, о чем по этой молитве важнее всего молиться человеку, чтобы спастись, и т.д.

Приучение к связности изложения

Кроме того, на уроках катехизиса дети должны научиться изложению истин веры, нравственности христианина связному и в известном порядке. Поэтому если для облегчения учеников в преподавание катехизиса вводятся вопросы, то следует добиваться всетаки, чтобы дети могли потом рассказать все связно, без помощи вопросов. Для этого нужно, чтобы вопросы ставились в таком последовательном порядке, при котором видно

было бы, как один вопрос вытекает из другого, чтобы отдельные частные вопросы обнимались каким-либо общим. Например, какое учение о Господе Иисусе Христе содержится в 4-м члене? В ответ на этот общий вопрос ученик должен в последовательном порядке объяснить каждое слово 4го члена Символа веры.

Так как в катехизисе излагается учение о вере и жизни христианина, а не события, как в Священной Истории, то катехизис есть предмет наиболее трудный. Поэтому нельзя согласиться с мнением священника Ветвеницкого, что катехизис должно изучать совместно со Священной Историей, причем именно катехизис, а не Священная История должен быть положен в основу изучения. В естественном порядке вещей рассуждения и выводы являются после изучения событий, на основании которого они делаются.

О точности изучения катехизиса

Затем катехизис требует точного изучения, хотя не непременно буквального, но по возможности ближе к подлиннику, потому что дети легко могут исказить смысл различных догматов вероучения, если при изучении катехизиса предоставить им полную свободу излагать свои мысли: чтобы точно передать этот смысл, приходится ближе держаться слов подлинника. Требовать вполне буквального изучения ни в каком случае не следует. Было бы весьма странно, если бы на уроках по изъяснению молитв учитель считал совершенно бесполезным и даже вредным требовать от детей буквального запоминания его объяснений (хотя бы молитвы Господней), а на уроках катехизиса стал считать буквальное запоминание учебника главным достоинством. Тексты и церковные определения догматов (а их в «Начатках» очень мало) – вот что требует буквального изучения, в остальном же необходимо требовать от детей более или менее свободного от буквы учебника изложения, чтобы избежать механического вдалбливания в сознание учеников объяснений – в тех именно словах и выражениях, в каких они были сообщены учителем. Поэтому самые вопросы при повторении следует иногда видоизменять, выражая их несколько иными словами. Как дети могли бы научиться рассуждать об истинах веры, если бы от них требовалось только запомнить сообщенное учителем?

О жизненности изучения катехизиса

Особенно же при изучении катехизиса учитель должен постараться,

чтобы катехизис не представлялся предметом сухим и безынтересным, состоящим из одних только определений и разделений. Даже самые возвышенные истины христианской веры, например догматы о Пресвятой Троице, могут быть так сообщены детям, что они будут слушать их охотно. Догматы веры христианской суть живые истины, близкие и дорогие сердцу человека. Что, например, должно быть ближе сердцу христианина, как не мысль о крестных страданиях Христовых, которыми они избавлены от греха, проклятия, тяготевшего над нами, и вечной смерти? На эту-то близость сердцу истин христианской веры, на жизненное их значение и следует постоянно указывать детям, как можно чаще обращаясь к их собственному опыту¹¹. Может учитель также для оживления уроков по катехизису пользоваться знаниями детей по Священной Истории, напоминая детям, например, при объяснении 1-го члена Символа веры о сотворении мира, при объяснении 2го, 3го, 4го, 5го, 6го членов – об истории земной жизни Господа Иисуса Христа. Может ставить уроки катехизиса в связь с уроками богослужения: например, объяснение 4го члена с объяснением литургии верных, 9го члена – с уроком о храме, в котором собираются верующие для молитвы, и т.д.

Замечания об изучении катехизиса по «Начаткам»

Остается сделать замечание о преподавании катехизиса по «Начаткам». Этот учебник имеет несомненные достоинства. «Строгая логичность в изложении Священной Истории и выбор таких только событий, которые могут показать развитие чаяния Спасителя и утвердить веру в Спасителя пришедшего; нравственная мысль, проникающая все рассказы; полнота содержания, обнимающая всю область веры и нравственности христианской, при необыкновенной краткости изложения – вот достоинства этого руководства» (Отзыв священника Д. Соколова в журнале «Учитель» за 1861 г. № 1, с. 28). Но эти самые достоинства, по справедливому замечанию свящ. Ветвеницкого, представляют такие трудности для детей, которых они сами преодолеть не в силах («Руководство к преподаванию Закона Божия», с. 87). Им непонятны многие слова и выражения «Начатков», ускользает от них и логическая связь между отдельными мыслями. Поэтому необходимо объяснять сначала «Начатки», а потом давать учить по ним объясненный урок. Чтобы не усложнять дело, нужно или самому учителю излагать урок так, чтобы в нем заключались уже с необходимыми объяснениями все трудные

выражения «Начатков», или читать «Начатки» после собственного объяснения и, объяснив все, что в них непонятно, давать заучивать.

Об изъяснении богослужения

О характере изъяснения богослужения

Изъяснение богослужения, как и молитв, по объяснительной записке к программе церковноприходских школ, должно иметь характер практический, оно должно помочь детям понимать язык Церкви, значение ее священнодействий и чрез это удобнее воспринимать то воспитательное влияние Церкви, которое по выходе из школы будет продолжаться всю жизнь.

Предметы, требующие особенного изъяснения

Для этого необходимо изъяснить различные священнодействия и обряды, употребляемые при богослужении, иногда нарочно водя детей с этою целью в церковь и спрашивая о виденном в церкви, – так советует священник Ветвеницкий поступать, например, при изучении устройства храма и его принадлежностей. При объяснении не следует вдаваться в разные подробности устава, или особенно точные исторические сведения об этих обрядах, или, наконец, в какие-либо очень таинственные истолкования их значения. Лучше дать самое простое истолкование, которое само собою непосредственно представляется. Следует указать и общее значение объясняемой службы и некоторых песнопений в отдельности, – более же всего остановиться на Божественной литургии. Учитель должен приложить всю заботу к тому, чтобы хорошо разъяснить детям всю важность и значение этой службы, которая, по словам святого Иоанна Златоуста, «совершается на земле, но чиноположение имеет вещей небесных». На ней совершается поминовение живых и умерших и приносится о них умилолюбивительная Жертва Тела и Крови Христовых. Необходимо как можно более обратить внимание детей на различные возглашения, какие они слышат во время литургии верных. Так, на литургии верных они слышат: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваем». Это возглашение означает, что во время литургии люди особенно должны быть в любви и мире между собою, подобно древним христианам, у которых было все общее; они устраивали для бедных вечера любви и после них совершали вечерю Господню, т.е. таинство причащения, – поэтому-то литургия по преимуществу называется «общественным служением». Затем священник возглашает: «Горе имеим сердца», «благодарим Господа» – и начинает в тайной молитве

благодарить Господа за все благодеяния, какие Он оказал роду человеческому, послав Единородного Своего Сына на землю, Который установил эту службу в воспоминание Его страданий и смерти ради спасения всех людей. Лик же поет сначала: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», показывая тем, что в это время сами небесные силы воспевают Господа, видимо являющего Свое присутствие на престоле. Когда же лик начинает петь: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш», то все присутствующие должны исполниться особенного благоговения, потому что тогда по молитве священника хлеб и вино преллагаются в

Тело и Кровь Христовы силою Духа Святаго

Кроме объяснения отдельных служб, весьма полезно изъяснять детям чтения из Евангелия в воскресные дни, накануне или незадолго до этих дней, а также изучать тропари великих праздников. Быть может, чрез эти песнопения, кратко выражающие сущность праздника, дети более будут понимать духовное торжество Церкви в эти дни, а не только те веселые торжества в селах, которые часто сопровождаются невоздержанием и шумными собраниями деревенского народа. Быть может, школе нашей суждено ввести хотя отчасти наш народ во всю красоту христианского богослужения, которая все еще доступна ему главным образом по внешности, а не по внутренней силе и вдохновенной поэзии священных песнопений.

О системах преподавания Закона Божия – совместной, последовательной, концентрической

Сделаем теперь замечание о порядке преподавания предметов Закона Божия в школе. Некоторые полагают, что порядок этот должен быть совместный, – например, начальным и основным предметом должна быть Священная История, но при изучении ее постепенно должны быть сообщены все истины веры и нравоучения христианского, входящие в состав катехизиса; затем при изложении многих событий Священной Истории удобно могут быть объяснены соответствующие молитвы; наконец, и в богослужении многое делается понятным благодаря Священной Истории – например, устройство храма, употребление ветхозаветных книг и пения при богослужении, установление таинств, особенно Святого Причащения. Но подобное совместное прохождение всех предметов Закона Божия представляет много неудобств. Впервых, только Священная История при этом имеет вид цельного предмета, прочие же изучаются без определенного порядка и отрывочно. Затем, соединение различных отделов Священной Истории с изъяснением молитв, с изучением катехизиса и богослужения необходимо является искусственным, – соединяется, например, изучение некоторых молитв с такими отделами Священной Истории, какие мало имеют внутреннего отношения к молитвам и мало объясняют их. А вследствие всего этого получается в преподавании спутанность и сбивчивость. Кроме того, при совместном изучении Священной Истории и молитв изучение некоторых пришлось бы откладывать очень надолго или даже до конца курса, например «Царю Небесный», «Отче наш», «Богородице Дево», тогда как их необходимо изучить по возможности скорее. Поэтому удобнее изучать предметы Закона Божия последовательно: Священную Историю особо, молитвы особо.

Последователи совместного изучения, например Ветвеницкий, Страхов, говорят, что при совместности обучения все знания по разным предметам Закона Божия усваиваются в живой связи между собою и потому тверже запечатлеваются в памяти. Но того же самого можно достигнуть и при последовательном обучении, если каждый раз поставлять в связь знания, получаемые на уроках изучения молитв, Священной Истории, катехизиса и богослужения. В таком виде совместность можно допустить, и даже она является необходимою. Например, изъяснение молитв, хотя бы «Царю Небесный», «Богородице

Дево» и т.д., может быть восполняемо, когда дети будут проходить соответствующий отдел Священной Истории. При прохождении Священной Истории должно быть положено основание для понимания некоторых истин из катехизиса, например хотя бы о первородном грехе, о Христе Спасителе, о Крестной Жертве Христовой. При изучении катехизиса, как мы уже видели ранее, можно пользоваться знанием Священной Истории или иногда ставить катехизические истины в связь с теми знаниями, какие ученики приобретут на уроках богослужения.

Вообще внутреннюю связь между приобретенными детьми знаниями по различным предметам Закона Божия можно установить и при последовательном порядке их прохождения. Для этого нет нужды, впрочем, сведения по различным предметам каждый раз сообщать снова, достаточно иногда кратко напомнить их. Например, нет нужды при объяснении 4го члена Символа веры снова излагать историю страданий Христовых или при изучении истории Благовещения непременно снова объяснять молитву «Богородице Дево, радуйся» и другие молитвы. При таком порядке преподавания легче учителю удержаться от того, чтобы сопоставлять такие уроки по разным предметам Закона Божия, которые мало имеют между собою внутренней связи. Например, у Д. Соколова совместно приходится рассказ о создании ангелов и молитва ангелухранителю или рассказ о благочестивой жизни первых людей и молитва пред и после принятия пищи. Или еще: в книжке священника М. Соколова предлагается совместно с историей о всемирном потопе изучить молитву утреннюю: «Господи, Иже многою Твоею благодатию», а также дать понятие об утрени. Очевидно, от подобного совместного изучения предметов, которые не имеют между собою никакой внутренней связи, объяснение молитв не делается ни жизненнее, ни понятнее. Что касается того, что говорит Ветвеницкий, что Священная История была бы непонятна без катехизиса (например, история Рождества Христова была бы непонятна, если бы мы не знали, что Господь Иисус Христос есть Бог, второе Лицо Святой Троицы), то должно сказать, что основные понятия о Боге детям можно сообщить отчасти на вступительных беседах, отчасти сообщать им постепенно, по мере надобности, не нарушая порядка других предметов. Если не держаться хронологического порядка при прохождении Священной Истории, то уже трудно будет возобновить его в умах детей, хотя и говорит о полной возможности этого в своей методике г. Страхов. Между тем изучение в порядке хронологическом само по себе уже немало облегчает запоминание истории.

Наконец, есть система преподавания Закона Божия так называемая

концентрическая, которую защищает особенно Аф. Соколов в своей методике. Она состоит в том, что в каждый год дети приобретают законченный круг знаний, который в каждом следующем году расширяется. Такая система важна в наших школах потому, что дети, выходя из школы по окончании одного года (а это бывает нередко), всетаки приобретают все наиболее необходимые сведения. Но и при этой системе нет целостности отдельных предметов, какие особенно необходимы в Священной Истории, – приходится выбирать наиболее важное и очень сокращать курс, чтобы успеть сообщить сведения и по всем другим предметам. Удобнее потому не держаться этой системы, а только пользоваться ее преимуществами при последовательном прохождении предметов Закона Божия. Например, если дети среднего и младшего отделений изучают молитвы и Священную Историю вместе, то от первых можно требовать усвоения большего числа сведений, чем от вторых; одних заставить связно передать все, других ответить только на более важные вопросы и т.д. Или, давая при первоначальном изучении молитв только краткие объяснения, можно дополнить эти объяснения при изучении Священной Истории, катехизиса и т.д.

О соединении отделений на уроках Закона Божия

На уроке Закона Божия иногда полезно соединять два отделения: например, младшее со средним при изучении молитв, среднее со старшим при изучении богослужения. Соединение это, служа к более твердому усвоению прежде изученного одним отделением, в то же время облегчает работу другого. Чего не скажет младшее отделение, должно сказать среднее. Если от среднего требуется связный и более подробный рассказ, то от младшего можно требовать ответа только на отдельные вопросы. На уроках Закона Божия особенно важно такое соединение отделений: младшему отделению сначала, при поступлении в школу, весьма трудно придумать какую-нибудь полезную самостоятельную работу по Закону Божию и приходится давать работу по русскому языку, по счислению, по чистописанию, пока дети не научатся читать. Кроме того, так как Закон Божий более, чем другие предметы, должен иметь воспитательное значение, то важно, чтобы дети более находились под непосредственным влиянием законоучителя, а совместные работы с двумя отделениями способствуют этому.

О самостоятельных работах по Закону Божию

В качестве самостоятельных работ можно давать следующие: выучить по учебнику урок, рассказанный перед тем учителем, выучить ранее объясненную молитву или тропарь, прочитать то, что дети слышали уже в классе, по Евангелию, изложить письменно слышанное ранее в классе – сначала по подробным, затем более общим вопросам, по данному плану, наконец, без помощи вопросов и плана; только подобные письменные работы следует давать уже после того, как дети приучены к ним на уроках русского языка. Можно также давать перевод со славянского языка на русский ранее объясненных молитв или мест из Евангелия (хотя эту работу удобнее давать на уроках славянского языка).

Конспект вступительной беседы с детьми младшего отделения по Закону Божию

Предмет урока – понятие о молитве и ее необходимости, в связи с основным понятием о Боге как Творце и Промыслителе, о крестном знамении; переход к Священной Истории.

По прочтении молитвы учитель спрашивает детей: «Что мы, дети, делали сейчас после того, как вошли в класс?»

Ученики. Молились Богу.

Учитель. О чем молились?

Ученики. О том, чтобы Он помог хорошо учиться.

Учитель. А еще о чем можно молиться Богу?

Если ученики затрудняются ответить на этот вопрос, то учитель помогает им наводящими вопросами, – например, когда кто садится обедать, нужно ли молиться? О чем?

Ответ. О том, чтобы Бог подавал нам пищу на каждый день.

Учитель. А когда человек заболевает, о чем нужно молиться?

Ответ. О том, чтобы выздороветь.

Учитель. Когда человек начинает делать что-либо, нужно ли молиться? Например, если начинает строить дом, отправляется в путь? Или еще, когда человек согрешил, нужно ли молиться? О чем?

Ответ. О том, чтобы Бог простил грехи.

Чрез эти примеры из известных детям случаев жизни дети подготавливаются к тому, чтобы составить понятие о молитве и ее необходимости. Чтобы это понятие еще более выяснилось, учитель спрашивает детей: а можно ли людям не молиться Богу? Так как сразу на

этот вопрос дети могут не дать ясного и вполне вразумительного ответа, то учитель ставит посредствующие вопросы, например: что было бы, если бы люди не молились о дожде, как это было недавно? Дети отвечают, что тогда был бы голод, а если бы был голод, люди бы стали умирать от голода.

Учитель. Значит, могли бы люди жить, если бы не молились Богу?

Ответ. Нет.

Учитель выясняет это и на других примерах, уже приведенных: если бы люди во время болезни не молились Богу, то что могло бы с ними случиться, и т.п.? Если бы люди не молились Богу, когда строят дом, что могло бы быть? Например, мог бы быть пожар, а без дома, особенно зимой, можно ли жить?

Ответ. Нет.

Учитель. Значит, почему людям непременно нужно молиться?

Если дети затрудняются сразу дать общий ответ, то учитель помогает, сам задавая общий вопрос: если бы люди не молились о том, чтобы Бог подал им пищу, одежду, жилище, то могли ли бы они жить на земле? Значит, почему нужно молиться?

Ответ. Потому, что если бы люди не молились Богу, им без Бога нельзя было бы и жить на земле.

Учитель пользуется этим выводом, чтобы довести детей до общего понятия о Боге как Творце и Промыслителе мира, благодаря которому, в свою очередь, необходимость молитвы еще более уясняется. Он спрашивает детей: да и на земле-то люди сами ли явились, всегда ли они жили на земле или было время, когда их еще не было? как они явились?

Ответ. Их сотворил Бог.

Учитель. Одних ли людей сотворил Бог? Кто сотворил животных, деревья, солнце, звезды?

Ответ. Бог.

Учитель. Об одних ли людях Бог заботится? О животных заботится ли Он? Птицы могли ли бы доставать себе постоянно пищу и жить, если бы Бог не заботился о них? Растения в поле могли ли бы расти, если бы Бог не посылал дождя?

Ответ. Нет.

Учитель. А о ком Бог более всего заботится?

Ответ. О людях.

Учитель. Да, Он о людях заботится более всего. Он любит людей даже более, чем отец или мать любит своих детей. Что же люди должны делать, когда случится у них какая-нибудь нужда, если без Бога они не могут

жить, – если Он и сотворил их, и заботится о них?

Ответ. Молиться Богу.

Учитель после этого старается прояснить детям, что молитва может иметь различные виды. Для этого он прибегает к сравнению молитвы с просьбой о своих нуждах, и дети выводят, что молиться – значит: 1) просить Бога, когда что-либо нам нужно, подобно тому, как дети просят отца или мать, когда им что-либо понадобится; 2) благодарить, славить, хвалить Бога, когда Он подаст нам, что нужно, подобно тому, как дети благодарят отца и мать, если они дадут им, что просили, и не хорошо было бы, если бы не благодарили.

Дав таким образом детям понятие о молитве, учитель спрашивает их: а как, каким знаком, мы показываем, что молимся, – что тогда делаем рукой?

Ученики. Полагаем на себе крест (учитель добавляет: «или крестное знамение»), затем кланяемся.

Учитель спрашивает, как нужно складывать пальцы, куда и в каком порядке полагать их; наблюдает при этом, чтобы дети делали изображение креста правильно, доносили пальцы до лба, груди, правого и левого плеча, не полагали поклоны одновременно с изображением на себе креста. Потом учитель переходит к изъяснению того, почему именно три перста складываются вместе, спрашивает учеников, что этим изображается. Если большинство детей, только поступивших в школу, или даже все, не могут ответить на этот вопрос, учитель спрашивает учеников среднего отделения или говорит сам: три перста складываем мы вместе, чтобы показать, что в Боге три Лица. Они называются: «Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой».

Учитель заставляет потом называть учеников или каждое Лицо в отдельности, или все вместе, пока ученики не запомнят названия их хорошо. Потом он спрашивает учеников: «Что же, значит ли это, что и Бога три, если в Боге три Лица?»

Ответ. Нет, Бог один, но Лица в Нем три.

Учитель. А не догадается ли кто-нибудь, зачем три перста вместе складываются?

Ответ. Чтобы показать, что Лица у Бога три, но Бог все-таки один.

Затем посредством вопросов учителя ученики уясняют себе и значение поклонов при крестном знамении: поклонами мы хотим показать, что чтим Бога, как кланяемся людям старшим, начальникам, чтобы показать свое почтение к ним, хотим показать, каковы мы, люди, пред Богом, – мы пред Ним весьма малы и грешны, Он велик и свят.

В заключение урока учитель (после повторения его учениками по

вопросам учителя) впечатляет еще раз в умах детей сознание того, как необходимо для человека молиться Богу, просить Его в нуждах и благодарить Его за благодеяния людям. Говорит, например, так: вот видите, дети, как нужно нам постоянно молиться Богу; если бы мы не молились Ему и не просили Его, с нами постоянно в жизни случались бы разные беды. Бог подает нам и пищу, и одежду, и место для житья – все, что нам нужно. Поэтому нужно за все благодарить Его, прославлять Его и любить более, чем мы любим даже своего отца или мать. А если мы будем любить Его, то и Он еще более будет любить нас.

Первый урок по Священной Истории в младшем отделении совместно со средним

После вышеозначенной вступительной беседы учителю уже не трудно перейти с детьми к изучению Священной Истории. Сначала учитель напоминает детям данное им в предшествующей беседе понятие о Боге как Творце мира. Он говорит детям: «Теперь, дети, скажите мне опять, как явились на земле люди, животные, птицы, деревья, как явилась самая земля и небо, всегда ли они существовали?»

Ответ. Нет, их сотворил Бог.

Учитель. Слушайте же, я расскажу вам, как Бог сотворил мир, который мы видим. Вначале ничего не было, ни неба ни земли, – был один только Бог. Он сотворил все из ничего в шесть дней. Сначала Он сотворил небо и землю, но земля была еще невидима и не устроена – как бы вода, которая растекается во все стороны; над водою была тьма, и Дух Божий носился над водою. Тогда Бог сказал: «Да будет свет!», и стал свет. Был вечер, было и утро, – это день первый. Во второй день Бог сказал: «Да будет твердь посреди воды!», т.е. небо, которое мы видим, и явилась твердь. В третий день Бог сказал: «Да соберется вода, которая под небом в одно место, и да явится суша!», и стало так. В четвертый день Бог сказал: «Да будут светила на тверди небесной, чтобы освещать землю и указывать времена!» И явились солнце, луна и звезды и стали освещать землю и отделять день от ночи. В пятый день Бог сказал: «Да изведет вода гадов морских, т.е. животных, которые плавают в воде и ползают по земле, и птицы да полетят по тверди небесной!» И стало так. В шестой день Бог сказал: «Да изведет земля животных четвероногих: зверей, скотов и гадов!» И стало так. Потом Бог создал человека. Он сказал: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да обладает он рыбами морскими, и птицами небесными, и скотами, и всею землею!» Бог

создал тело человека из земли и вдунул в лицо его дыхание жизни, душу живую; Он создал мужа и жену и благословил их и сказал: «Раститесь и умножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте рыбами морскими, и птицами небесными, и скотами, и всею землею». И увидел Бог, что все, что Он сотворил, весьма хорошо, и в седьмой день почил, т.е. перестал творить. Бог благословил седьмой день и освятил его, т.е. велел в этот день служить Ему. А у нас, христиан, теперь вместо субботы празднуется какой день?

Ответ. Воскресенье.

После того, как дети по вопросам учителя повторяют этот рассказ, учитель говорит им о сотворении ангелов, об ангелах хранителях и падении злых духов; в следующий урок – о введении человека в рай, о жизни первых людей в раю, о приведении к Адаму животных и о создании жены, по возможности стараясь удерживать изобразительные подробности библейского рассказа, придающие ему особенную привлекательность.

Учитель. Мы, дети, сказали о том, как Бог сотворил человека и весь мир, который мы видим. А не знаете ли, не сотворил ли еще чего Бог, кроме человека и этого видимого мира? Не сотворил ли Бог еще кого-нибудь, кто выше самого человека?

Ученик. Кроме человека Бог сотворил еще ангелов.

Учитель. Кто же эти ангелы? Можно их видеть? Имеют они тело?

Ученик. Нет, они не имеют тела, и их видеть нельзя.

Учитель. Как же их назвать, если их нельзя видеть, а тела они не имеют? У человека, кроме тела, что еще есть, чего нельзя видеть?

Ученик. Душа.

Учитель. Душа еще называется духом. И ангелы – духи. Всех их Бог сотворил добрыми. Но один из них, самый высший, возгордился, захотел сделаться равным Самому Богу, не хотел слушаться Бога и за это был свергнут с неба в ад, в преисподнюю. Он называется диавол и старается соблазнять людей на всякое зло, чтобы погубить их. Когда пал диавол, то вместе с диаволом пали и многие другие злые духи. А добрые ангелы остались на небе. Они постоянно прославляют Бога, исполняют Его волю и посылаются Богом на землю, чтобы помогать людям. Поэтому они называются ангелами-хранителями. У каждого человека есть свой ангел-хранитель.

Дети опять повторяют сказанное по вопросам учителя, вроде следующих: кто называется ангелами? Кто такой диавол и злые духи? Кто называется ангелами-хранителями? Вопросы задаются всем; если учитель видит, что младшие затрудняются отвечать на его вопросы, то спрашивает

учеников среднего отделения, а младших заставляет повторять то же самое.

Конспект урока по изучению молитв в младшем отделении

Предмет урока – изучение молитвы «Пресвятая Троице». Урок дается в младшем отделении совместно со средним, причем среднее должно усвоить объяснение молитв и помогать младшему в затруднительных случаях, а младшее – сознательно выучить молитву наизусть, усвоив объяснения в кратком и простейшем виде по вопросам.

Ход урока

Учитель. Когда мы полагаем на себя крестное знамение, то как мы складываем персты?

Учен. млад. отд. показывает и говорит, что мы три перста складываем вместе¹².

Такой вопрос дается для того, чтобы начать объяснение с того, что, без сомнения, известно всем детям.

Учитель. Почему же мы три перста складываем вместе?

Ученики младшего отделения молчат или потому, что совсем не знают, или потому, что не могут высказать того, о чем не имеют отчетливого представления. Поэтому учитель обращается к среднему отделению.

Учен. ср. отд. Потому, что в Боге три Лица.

Учитель. Назови их.

Учен. ср. отд. Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой.

Учитель, обращаясь к ученику младшего отделения, заставляет повторить; потом обращается и к другим, заставляя назвать первое Лицо, второе, третье различных учеников, пока не запомнят и не научатся называть правильно.

Учитель. Что же это значит, есть три отдельных Бога? Мы говорим: есть Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, – три ли это Бога?

Учен. ср. отд. Нет, один.

Учитель. А если нельзя сказать, что Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой три Бога, то как же их назвать?

Учен. ср. отд. Три Лица Пресвятой Троицы.

Учитель, обращаясь к младшему отделению, спрашивает: «Так, значит, сколько Лиц в Боге?»

Учен. млад. отд. Три.

Учитель. А Бога три?

Учен. млад. отд. Один.

Учитель. А как назвать вместе все три Лица в Боге?

Учен. млад. отд. Пресвятой Троицей.

Учитель. Назови 1е Лицо, 2е, 3е.

Когда дети младшего отделения усвоят это, учитель говорит: «Значит, и молиться можно не просто Богу, но всем трем Лицам в Боге – Пресвятой Троице. Кто знает молитву Пресвятой Троице?»

Учен. ср. отд. поднимают руки, и учитель заставляет кого-либо прочитать неторопливо, чтобы дети младшего отделения слышали слова молитвы отчетливо.

Учитель. Теперь слушайте все, я сам прочитаю молитву.

Учитель начинает читать молитву ясно, отчетливо, благоговейно, чтобы ученики младшего отделения вслушивались в слова молитвы, а ученики среднего отделения подготовились чрез осмысленное и благоговейно-выразительное чтение учителя к объяснению молитвы. Прочитав молитву раз, учитель еще повторяет ее, затем спрашивает, стараясь по возможности добиваться ответов и от младшего отделения: «Кому же мы молимся в этой молитве, когда говорим: «Пресвятая Троице, помилуй нас» (делается ударение на словах «Пресвятая Троице»)»?

Учен. млад. отд. Богу.

Учитель. Да, но просто ли Богу? Мы говорим: «Пресвятая Троице, помилуй нас». Значит, к кому обращаемся: к Одному Лицу или ко всем Трем?

Учен. млад. отд. Ко всем.

Учитель. О чем же мы молимся, когда говорим: «Пресвятая Троице, помилуй нас» (ударение делается на «помилуй нас»)»?

Учен. (мл. или сред. отд.). Молимся, чтобы Пресвятая Троица помиловала нас

Учитель. Что значит «помиловала»?

Учен. ср. отд. Чтобы подала нам милость, не наказывала за грехи наши.

Учитель. Затем о чем молимся?

Читает слова молитвы: «Господи, очисти грехи наша».

Учен. ср. отд. Чтобы Господь очистил грехи наши.

Учитель. Да. Как одежда, когда ее вымывают, делается чистой, так и душа наша, когда Бог снимает с нее грехи, становится чистой, святою.

Учитель. Так что значит: «очисти грехи наша»?

Вопрос обращается к младшему отделению.

Учен. млад. отд. Очисти нас от грехов, чтобы душа сделалась чистою, святою.

Если ученик младшего отделения скажет только первую часть ответа, то учитель спрашивает: «Что это значит: очисти от грехов? Значит, сделай душу какою?» .

Учен. млад. отд. Чистою, святою.

Учитель. О чем молимся далее? И опять учитель читает слова молитвы или сам, или заставляет прочитать ученика среднего отделения.

Учитель. Кого мы называем Владыкой?

Учен. млад. отд. или сред. отд. Бога.

Учитель. Почему?

Если не ответят ученики среднего отделения, учитель говорит: «Потому, что как царь имеет власть над всем своим царством, так Бог владеет всем миром. О чем же мы молимся в словах: «Владыко, прости беззакония наша?»»

Учен. ср. отд. Чтобы Бог простил нам беззакония наши.

Учитель. Что такое беззакония?

Если не будет получено ответа, говорит: «Это грехи наши, потому что, когда мы грешим, по Закону ли Божию поступаем, исполняем ли заповеди Божии?»

Учен. ср. отд. Нет.

Учитель. О чем мы молимся еще далее?

Читает опять дальнейшие слова молитвы: «Святой, посети и исцели немощи наша» – или заставляет читать учеников среднего отделения. Затем спрашивает: «Кто это – Святой?»

Учен. млад. отд. Бог.

Учитель. О чем же мы молимся в словах: «Святой, посети и исцели немощи наша?»

Учен. ср. отд. О том, чтобы Бог посетил и исцелил наши немощи.

Учитель. Что здесь называется немощами или, иначе сказать, болезнями?

Если никто не скажет, учитель говорит: «Немощами называются наши грехи. Грехи для нашей души – что болезнь для тела, душа наша бывает как будто больна, когда мы грешим. Больной иногда не может подняться с постели и ничего сделать для себя, так и душа, когда мы грешим, как будто больная, ничего не может сделать доброго и угодного Богу. Что же теперь значит: «посети и исцели немощи наша»? Значит: «приди к нам на помощь и излечи болезни нашей души», т.е. грехи. Как к больному приходит врач и вылечивает его, так и Бога мы просим посетить нас, т.е.

прийти к нам и исцелить, т.е. вылечить от болезней нашей души, или от грехов. Далее мы говорим: «имене Твоего ради». Значит, мы просим Бога помиловать нас – потому ли, что мы достойны? Нет, не потому, – мы недостойны, чтобы Он пришел к нам; просим же этого ради имени Его, т.е. чтобы Он по одной милости Своей пришел к нам, так, чтобы мы могли за это прославлять Его. «Имене Твоего ради» поэтому значит: ради милости Твоей и славы Твоей.

Окончив объяснение, учитель начинает просить повторить его по вопросам, вроде следующих: к кому мы обращаемся в этой молитве? просто ли к Богу? Если дети и при повторении будут затрудняться сказать: «Ко всей Пресвятой Троице», то учитель может спросить, дополняя сделанные объяснения: «Почему мы три раза обращаемся к Богу: Господи, Владыко, Святыи?» Дети среднего отделения ответят, что мы обращаемся ко всем трем Лицам Пресвятой Троицы, а дети младшего отделения ответят, по крайней мере, на вопрос: к одному ли Лицу Пресвятой Троицы мы обращаемся или ко всем трем? Затем учитель спрашивает, о чем мы молимся в объясненной молитве. Если ученики младшего отделения не ответят на вопросы учителя, то он обращается к среднему, младшее же заставляет повторять, заботясь, впрочем, о том, чтобы не повторяли только на память, а для этого несколько видоизменяет вопрос, упрощая его.

Затем начинается заучивание молитвы наизусть. Среднему отделению при этом лучше дать самостоятельную работу или заставлять по временам произносить слова молитвы правильно, помогать младшему отделению, если забудут что-либо. Учитель начинает читать сам ясно, разделяя каждое слово (кроме предлогов и союзов), так чтобы каждое слово было слышно вполне отчетливо. Прочитав раз или два молитву, заставляя читать ее учеников за собою хором, так же ясно и отчетливо, заставляя произносить каждое слово, требуя, чтобы произносили все одновременно, и для этого прибегая даже к такту. Заставив произнести за собою молитву раз или два, учитель говорит часть молитвы (например, «Пресвятая Троице, помилуй нас») и заставляя повторить учеников одной какой-либо скамьи, затем заставляя их произносить и остальные слова молитвы по частям; при этом он удобнее, чем при хоровом произношении, может видеть, правильно ли дети произносят слова молитвы.

Далее, чтобы деятельнее работала память, он заставляя 1ю часть молитвы произнести учеников, сидящих на 1-й парте, 2ю – сидящих на другой и т.д. Так поступает учитель несколько раз. Наконец, заставляя читать молитву отдельных учеников, предлагая другим помогать, если спрошенный что-либо забудет. Если ученики могут читать по-славянски,

то им можно было бы дать книжки для самостоятельного заучивания молитвы после нескольких повторений ее за законоучителем; если же не умеют, то единственным средством является повторение молитвы в классе под руководством учителя; в качестве дополнительных средств может быть пение молитв (даже речитативное), повторение и на следующих уроках в начале или конце.

Как видно из конспекта, учитель и во время объяснения молитвы часто повторяет слова ее по частям, по мере объяснения каждой части. Чтение молитвы учителем важно потому, что дети будут слышать правильное, осмысленное и благоговейное произношение слов молитвы, будут видеть, какие именно слова молитвы объясняются, так что между словами молитвы и объяснениями установится тесная связь и ученики не будут заучивать объяснения лишь на память, как нечто совершенно особое.

Иногда учитель повторяет и данные объяснения для большей точности, или для дополнения ответов учеников, или для привлечения большего внимания всех. Для того, чтобы ученики были внимательнее и поболее проявляли самостоятельной работы при объяснениях, учитель (как видно из конспекта) постоянно прибегает к вопросам, хотя бы на некоторые из них пришлось отвечать ему самому.

Конспект урока по Священной Истории в среднем и младшем отделениях

Предмет урока – рассказ о грехопадении первых людей.

Теперь слушайте, дети, я расскажу вам, как жили первые люди. Бог создал первых людей чистыми, безгрешными. Он ввел их в рай. Рай – это был прекрасный сад, в котором Бог насадил много деревьев, приятных на вид и вкусных для пищи. Бог сказал Адаму: «От всякого дерева в раю ты можешь есть, а от дерева, которое посреди рая, не ешь от него, потому что в день, в который вкусишь от него, смертью умрешь». Это дерево называлось «древо познания добра и зла». Но люди не послушались того, что повелел им Бог, и нарушили эту заповедь Божию. Им позавидовал диавол и захотел погубить их. Диавол позавидовал тому, что люди в раю вели жизнь счастливую, блаженную, и захотел соблазнить первых людей на грех. Чтобы лучше скрыть себя, он вошел в змея и сказал Еве: «Правда ли, что Бог не велел вам есть ни с какого дерева в раю?» Ева сказала: «Нет, Бог велел нам есть со всех деревьев в раю, только с древа, которое посреди рая, сказал: «Не ешьте от него и не прикасайтесь к нему, чтобы не умереть». Змей сказал: «Нет, вы не умрете. Когда вы вкусите с него, будете, как боги, будете знать и добро и зло».

Еве это очень понравилось, плоды дерева показались ей очень приятными на вид и вкусными для пищи. Она взяла плод с дерева и ела, а потом дала Адаму, и он ел (1я часть). Но как только люди согрешили, они почувствовали, что они наги, и им стало стыдно друг друга; поэтому они сшили одежды из листьев и опоясались; а прежде они, хотя и не носили одежды, не стыдились, потому что не имели никакого греха. И вот они после полудня услышали голос Бога, ходящего в раю. Прежде они радовались, когда Бог приходил и беседовал с ними, а теперь испугались и скрылись. Но Бог сказал Адаму: «Где ты?» Адам сказал: «Я услышал голос Твой в саду и убоился, потому что наг, и скрылся». Бог сказал: «Кто сказал тебе, что ты наг? Не вкусил ли ты плодов с дерева, с которого Я не велел тебе есть?» Адам не хотел сознаться в своей вине, он слагал свою вину на жену и сказал Богу: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне плод с дерева, и я ел». Жена тоже не хотела признаться в вине, она говорила: «Змей соблазнил меня, и я ела».

Тогда Бог сказал змею: «За то, что ты сделал это, проклят ты из всех

зверей полевых, будешь ползать на чреве и есть прах земной во все дни жизни твоей». Потом Бог сказал змею: «Семя жены сотрет главу змея». Это значит, что чрез много лет от Пресвятой Девы Марии для спасения людей от грехов родится Иисус Христос и Он победит диавола, который вошел в змея и соблазнил людей. Потом Бог сказал жене: «В болезнях будешь ты рождать детей, и муж твой будет господствовать над тобой». Адаму сказал: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, пока не возвратишься в землю, из которой ты взят, потому что ты от земли взят и в землю обратишься». После этого Бог изгнал первых людей из рая и поставил около него херувима (ангела) с пламенным мечом, чтобы он не пускал людей в рай (2я часть).

Для удобства запоминания рассказ может быть разделен на две части: 1я о том, как первые люди согрешили, 2я о том, как Бог наказал людей за их грех; начинается вторая часть с явления Бога в раю по грехопадению. Прежде чем учитель потребует повторения рассказа, он спрашивает, о чем было рассказано, а если ученик не может, обозначает сам общий предмет рассказанного. Затем, если ученик будет затрудняться в связном воспроизведении рассказа, помогает ему следующими вопросами:

Где жили первые люди? Что это такое – рай? Какую заповедь Бог дал Адаму? Исполнили ли заповедь первые люди? Кто соблазнил их? Кто это – диавол? Как же он соблазнил их – что сказал жене? что ответила жена? правду ли говорил диавол? что опять сказал диавол жене? Понравилось ли Еве то, что обещал диавол (и что она сделала)? Что первые люди почувствовали, когда согрешили (какое чувство явилось у них, когда они увидели, что они были наги)? Что сделали они, когда Бог ходил в раю? Признались ли они в грехе? Что Бог сказал змею? Какое обещание дал о Спасителе? Что сказал жене, что – Адаму? Остались ли люди в раю после того, как согрешили?

Вопросы столь подробные (особенно заключенные в скобках) имеют в виду главным образом младшее отделение или среднее, если кто-либо забудет ту или иную подробность рассказа и начинает рассказывать без связи и последовательности. Вообще же, конечно, нужно стараться, чтобы среднее отделение воспроизводило рассказ без помощи вопросов, чтобы оно самостоятельно припоминало подробности, стараясь восстановить последовательный ход событий. От младшего отделения можно требовать, чтобы оно отвечало на вопросы, хотя желательно и от него добиться связной передачи, например, известной части рассказа без подробных вопросов.

После воспроизведения рассказа учитель пользуется случаем

объяснить детям, что такое первородный грех (можно это объяснение сделать главным образом для среднего отделения), чтобы в связи с историей эта догматическая истина сделалась понятнее, чем при одном катехизическом определении первородного греха. Учитель говорит, что после того, как первые люди согрешили, все люди рождаются в мир грешными. И этот грех, который от первого человека переходит на всех людей и с которым люди уже рождаются в мир, называется первородным. Поступив таким образом, учитель подготовит детей чрез исторический рассказ к пониманию одной из главнейших истин катехизиса.

Конспект урока по катехизису в старшем отделении

Предмет урока – общие вступительные сведения и объяснение 1-го члена Символа веры.

Ход урока

Учитель. Какую веру мы все содержим?

Ученик. Христианскую.

Учитель. Чем она отличается от еврейской, магометанской и других вер?

Ученик. Христиане веруют в Иисуса Христа и считают Его Сыном Божиим.

Учитель. Зачем же непременно нужно христианину веровать во Иисуса Христа?

Ученик. Это необходимо для того, чтобы спастись.

Если ученики затрудняются тотчас ответить на этот вопрос, то учитель спрашивает: «Кого мы называем Спасителем?»

Ответ. Иисуса Христа.

Учитель. От чего Он спас людей?

Ответ. От греха и смерти.

Учитель. Могли ли люди спастись сами?

Ответ. Нет, они впали в грех и уже в мир рождаются грешными и нечистыми, так что не могут избавиться от греха¹³.

Учитель. А что еще необходимо нам, кроме веры, для того, чтобы спастись?

Ученик. Молитва и добрая, святая жизнь.

Учитель. А где кратко показано, как веровать христианину?

Ответ. В Символе веры.

Учитель. Что же такое Символ веры?

Ответ. Краткое изложение христианской веры.

Учитель. Теперь слушайте, дети, я расскажу вам, как составилась Символ веры. Когда начали являться еретики, которые учили неправильно, не так, как учил Господь Иисус Христос, тогда епископы стали собираться на Соборы. Спустя три столетия после земной жизни Иисуса Христа явился еретик Арий, который говорил, что Иисус Христос есть простой человек, а не Бог. Затем вскоре явился еретик Македоний, который учил, что Дух Святой не есть Бог. Тогда начали собираться епископы со всей

вселенной на Вселенские Соборы. На Первом Вселенском Соборе, который был в городе Никее, и на Втором, который был в Константинополе, епископы и составили Символ веры, в котором определили, как нужно истинно веровать.

Заставив детей повторить сказанное о составлении Символа веры, учитель продолжает: «А на сколько частей делится Символ веры?»

Ответ. На двенадцать.

Учитель. Как они называются?

Ответ. Членами.

Учитель разъясняет, почему члены Символа веры называются членами, а не частями: как тело не может быть без какого-либо члена – например, руки, ноги, так и вера не может быть истинной, полной, если что-нибудь из Символа веры убавить или прибавить. Потом учитель заставляет ученика читать 1-й член Символа веры.

Учитель. Веру в Кого мы выражаем в 1-м члене?

Ученик. В Бога Отца, 1е Лицо Пресвятой Троицы.

Учитель. Какую же веру в Бога Отца мы выражаем в 1-м члене?

Учитель опять заставляет ученика читать 1-й член и, обращая внимание на слово «во единого», спрашивает, зачем прибавлено слово «во единого».

Ученик. Мы веруем, что Бог един.

Учитель. Все ли люди веруют в единого Бога?

Ученик. Нет, язычники веруют во многих богов.

Учитель. А кто, кроме христиан, верует в единого Бога?

Ученик. Татары, евреи.

Учитель. Чем же они отличаются от христиан?

Ученик. Христиане веруют, что хотя Бог един, но в Нем три Лица.

Учитель. А еще какую веру в Бога Отца мы выражаем в 1-м члене?

Ученик. Веру в то, что Он сотворил все и все содержит Своею силою, сохраняет и заботится о всем.

Если ученик не даст такого полного ответа, учитель дополняет ответ ученика, указывая на отдельные слова 1-го члена («Вседержителя», «Творца небу и земли») и заставляя их объяснять.

Учитель. Что здесь называется «видимым и невидимым»?

Ученик. Видимым называется весь мир, который мы видим, а невидимым – ангелы.

Учитель. Все ли ангелы сотворены Богом, даже и диавол?

Ученик. Бог всех ангелов сотворил добрыми, но диавол возгордился и сам сделался злым, после него пали и другие духи.

Чтобы более напечатлеть в умах детей мысль о всеблаготворительности Бога о всех тварях, учитель спрашивает детей, не знают ли они из Священной Истории, как Сам Господь Иисус Христос учил о постоянном попечении Бога о всех тварях. Если дети не знают, учитель сам приводит им слова Спасителя: «Воззрите на птицы небесные», «Смотрите на полевые лилии».

Далее начинается повторение урока. Чтобы дети могли отвечать по возможности связно и без помощи вопросов, учитель ставит сначала общий вопрос: «Какую веру в Бога мы выражаем в 1-м члене Символа веры?» – и заставляет потом объяснить каждое слово 1-го члена Символа веры по порядку.

Конспект примерного урока по катехизису в старшем отделении

Предмет урока: изложение учения о молитве (изъяснение молитвы Господней – призывания и первых трех прошений). Цель, какую ставит учитель при изъяснении молитвы Господней на уроках катехизиса, состоит в том, чтобы изложить в связном виде учение о молитве, необходимое для спасения христианина. Так как дети отчасти уже знают объяснение молитвы Господней, то учитель не начинает сам излагать предмет своего урока, но заставляет по возможности работать самих детей, задавая им вопросы, однако так, чтобы внутренняя связь между отдельными вопросами и последовательность связного течения мыслей постоянно чувствовались и замечались детьми. Этого он достигает путем обобщения вопросов. Сначала он спрашивает детей, что необходимо человеку, чтобы спастись. Дети отвечают: «Вера в Бога и добрая жизнь». Если они не дадут такого ответа сами или дадут ответ неполный, учитель исправляет и дополняет их ответ. Затем учитель спрашивает: «А вести добрую жизнь можем ли мы без помощи Божией?» Дети говорят: «Нет».

Учитель. Что же мы должны делать, чтобы получить помощь Божию?

Дети. Молиться.

Учитель. А о чем нам более всего необходимо молиться, чтобы спастись? Если дети затрудняются с ответом, учитель спрашивает: «О чем научил нас молиться прежде всего Господь Иисус Христос? Помните, дети, вы читали недавно из Евангелия нагорную беседу? Какую молитву Господь Иисус Христос дал тогда, чтобы показать, как и о чем прежде всего мы должны молиться?»

Ученик. Молитву «Отче наш».

Учитель. Как же и чему научил нас прежде всего молиться Господь Иисус Христос в этой молитве? Как читается молитва сначала?

Ученик читает призывание.

Учитель. Значит, как мы должны называть Бога, когда обращаемся к Нему с молитвой?

Ученик. Отцом нашим, Который находится на небесах.

Учитель. Почему Отцом должны называть?

Ученик. Потому, что Он относится к людям так же, как отец к своим детям, так же заботится и любит всех людей, как отец заботится и любит детей своих.

Учитель. А почему мы называем Бога «Отцом нашим», а не говорит

никто «Отец мой»?

Ученик. Потому что мы должны любить друг друга и молиться не за себя только, но и за всех.

Учитель. А зачем мы прибавляем слова: «Иже еси на небесех»?

Ученик. Это значит, что Бог особенно находится на небесах; поэтому мы и думать должны не о земном, когда молимся, а о Царстве Небесном.

Конечно, дети могут затрудниться дать такой ответ, и учитель или помогает ученику вопросами (например, почему мы говорим о Боге: «Иже еси на небесех»? Если Бог особенно на небесах находится, то и думать во время молитвы мы должны о чем, о земном ли о чем-либо?), или иногда сам дополняет их ответы.

Учитель. Как называется эта часть молитвы Господней?

Ответ. Призыванием, потому что мы в ней призываем, или обращаемся к Богу.

Учитель. А следующие части молитвы как называются?

Ответ. Прощениями, потому что в них мы просим о чем-либо Бога.

Учитель. О чем же мы просим Бога в следующих частях молитвы? Прочитаем молитву сначала.

Ученик читает 1е прошение.

Учитель. О чем мы здесь молимся?

Ответ. О том, чтобы имя Божие свяtilось, было свято, или прославлялось.

Учитель. Как же оно может святиться, когда оно уже свято, потому что Бог свят?

Ответ. Оно может святиться или прославляться чрез людей. Когда они прославляют имя Божие и когда ведут святую жизнь, то имя Божие прославляется, все равно как, видя добрых детей, все хвалят и их отца.

Опять, если ученик не даст подобного ответа, учителю приходится сказать самому и заставить повторить, чтобы ответ был полон и точен.

Учитель. О чем далее мы молимся во 2-м прощении?

Ученик читает 2е прошение и говорит: «Молимся о том, чтобы пришло Царствие Божие».

Учитель. Как же и когда может придти Царствие Божие? Оно придет еще на земле, когда люди сделаются святыми, когда Сам Дух Святой придет и вселится в души людей, а грех и диавол не будут уже иметь власти над ними, – тогда царство диавола разрушится и явится Царствие Божие. А когда наступит кончина мира, то Царствие Божие придет во всей своей славе. Тогда придет Бог со святыми ангелами и святыми людьми и грешников осудит на вечные мучения. А святые будут с Ним царствовать

вечно.

Чтобы дети усвоили это объяснение, учитель заставляет повторить его и в заключение спрашивает: «Следовательно, о чем мы молимся, когда говорим: «Да придет Царствие Твое»?» Подобное видоизменение вопроса может быть весьма полезным для того, чтобы дети не повторяли объяснений лишь на память, припоминая слова и не стараясь запоминать самые мысли. Ответ же на этот вопрос дети дают тот же самый, так как и вопрос разнится от предыдущего лишь по форме, по словесному выражению, а не по содержанию: мы молимся, чтобы пришло Царствие Божие, а оно придет еще на земле, когда люди сделаются святыми, и т.д.

После этого учитель переходит к 3му прощению. Дети читают его и пересказывают порусски. Затем учитель спрашивает, как и о предыдущих прошениях: «О чем мы здесь молимся? Что это значит: «Да будет воля Твоя»?»

Ученик. Значит: пусть будет воля не наша, а воля Божия, т.е. пусть будет то, что угодно не нам, а Самому Богу, потому что Он лучше самих людей знает, что им нужно.

Учитель. А что означают слова: «Яко на небеси и на земли»?»

Ученик. Пусть воля Божия исполняется на земле так же усердно и с таким же желанием, с каким она исполняется на небе ангелами и святыми людьми.

Учитель. Следовательно, о чем мы молимся в 3-м прощении?

В ответ на этот вопрос учитель должен соединить обе мысли прошения: молимся о том, чтобы 1) Бог поступал с нами не по нашей, а по Своей благой воле, и 2) чтобы нам исполнять волю Божию так же усердно, как исполняют ее ангелы и святые люди на небе.

Окончив объяснение, учитель заставляет повторить его связно по возможности без вопросов. Для облегчения он задает общие вопросы, вроде вышеуказанных: в какой молитве указывается, о чем особенно необходимо молиться человеку для спасения? как же и о чем именно нужно молиться? как обращаться к Богу, почему именно в таких словах, какие составляют призывание? о чем молимся в 1м, 2м, 3-м прошениях? Дав возможность посредством первого вопроса приступить к воспроизведению урока, а посредством второго объединив и обобщив все содержание урока, учитель в двух следующих вопросах объединяет содержание объяснений, относящихся к призыванию, затем к 1у, 2у и 3у прошениям. Конечно, ученики все-таки могут не передать связно содержание урока при помощи лишь этих общих вопросов, и учителю, быть может, придется задавать вопросы более подробные, но все-таки без

общих вопросов учитель никогда не научит излагать содержание уроков по катехизису связно.

При своих объяснениях учитель заботится, чтобы они применялись и к учебнику, чтобы все мысли и выражения учебника, благодаря им, сделать уже понятными и чтобы чтение учебника не встретило затруднений. Если учителю неудобно было сделать этого, то необходимо, прежде чем давать объяснение урока для самостоятельного изучения, заставить детей читать учебник в классе и при этом сделать необходимые объяснения.

Конспект урока по богослужению в среднем и старшем отделениях

На уроках имелось в виду сообщить детям о храме как месте церковного богослужения и его устройстве.

Урок начинается вопросом учителя: «Дети, везде ли можно молиться Богу?»

Ученик. Везде, потому что Бог находится на всяком месте.

Учитель. А где молиться Богу удобнее?

Ученик. В храме.

Учитель. Почему?

Ученик. Потому, что в храме поют, читают, служба торжественнее, там молятся все, а когда все молятся, тогда и каждый человек, смотря на других, молится охотнее.

Ответа на последний вопрос учитель добивается от самих детей и, чтобы ответ был полнее и точнее, помогает им своими вопросами.

Учитель. Так чем же отличается молитва в церкви, или церковная, от домашней?

Ученик. Дома может молиться каждый особо и сам читать молитвы какие хочет; в церкви же богослужение 1) совершается священниками или даже епископом; 2) там все читается и поется по установленному порядку, или по уставу; 3) там бывает много молящихся.

Опять и этого ответа учитель добивается от самих учеников, помогая им своими вопросами. Хорошо после этого заставить детей повторить в порядке, чем отличается богослужение церковное от домашнего.

Затем учитель говорит: «Теперь, дети, я расскажу вам, как устраивается храм (или церковь), в котором совершается церковное богослужение. Сначала скажу вам, каков он снаружи. Таков ли, как обыкновенные дома?»

Ученик. Нет.

Но в чем именно отличие храма от обыкновенных домов, это учитель может сказать сам (так как долго было бы добиваться от детей ответа на этот трудный для них вопрос).

Учитель. Храм устраивается иногда в виде креста, иногда в виде корабля, иногда в виде круга, иногда в виде звезды с 8ю концами или выступами.

Спрашивает при этом детей, какие церкви они знают в виде креста, корабля и т.д. В виде креста храмы устраиваются потому, что Господь

Иисус Христос спас нас чрез Свои страдания на Кресте. В виде круга храмы потому устраиваются, что как в круге нельзя найти ни начала, ни конца, так и Церковь, по словам Господа Иисуса Христа, не будет иметь конца и будет существовать вечно. В виде звезды церковь устраивается потому, что звезды освещают и указывают путь ночью; так и учение Христово в Церкви указывает людям путь к Царствию Небесному, к спасению, потому что из учения этого люди узнают, как нужно жить, чтобы спастись. Язычники не знали об истинном Боге, и потому про них говорится, что они ходят во тьме.

Затем, храмы устраиваются в виде корабля. Это значит, что как на корабле спасаются от бури на море, так в церкви люди находят спокойствие для души во время разных бед и горя. В жизни человека бывает много бед и разного горя, и от них душа человека как будто волнуется. Поэтому жизнь человеческую называют «житейским морем». Дети, слышали ли вы в церкви, как поют: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти»? Это значит: когда я смотрю на житейское море, которое волнуется от напастей и бурь, т.е. от разных бед, какие бывают в жизни, то прибегаю в тихое пристанище. Такое тихое пристанище всего лучше человеку можно найти в церкви: иногда бывает у него на душе тяжело, а когда он придет в церковь, то становится нередко спокойно, тихо и радостно.

Разъяснив таким образом, почему церковь называется кораблем, учитель, чтобы проверить, понятны ли его объяснения, спрашивает учеников, почему же церковь сравнивается с кораблем или чем она похожа на корабль? Конечно, спрашивает учитель в это же время или после, при повторении, и о том, почему устраивается церковь в виде креста, круга, звезды.

После этого учитель продолжает описывать вид храма снаружи. Он спрашивает, что дети видят наверху храма.

Ответ. Купол, а над ним главу с крестом наверху.

Учитель спрашивает, на что похож купол, если посмотреть на него изнутри самого храма (он в виде круглого углубления, которое идет в потолок или крышу), показывает купол на картинке. Затем учитель говорит, что купол означает небо, почему иногда усеивается звездами. Глава означает то, что Глава Церкви есть Иисус Христос. Как в теле главная часть голова, и тело без головы не может жить, так и Церковь не может быть без Иисуса Христа. Спрашивает учитель детей, не видели ли они на храмах более одной главы, сколько именно и почему. Объясняет (заставляя догадываться самих учеников), что пять глав означают Иисуса

Христа и четырех евангелистов, написавших Евангелия: Матфея, Марка, Луку, Иоанна, а тринадцать глав – Иисуса Христа и Его двенадцать апостолов. Крест на верху храма показывает, что наше спасение совершено чрез страдания Иисуса Христа на Кресте. Объясняет еще учитель, почему храмы строятся на восток: на востоке восходит солнце. А в Священном Писании называется Иисус Христос «Солнцем правды», «Востоком правды», также «светом», потому что учение Его для нас то же, что свет солнца для глаз: при свете мы можем все видеть, и видеть правильно; также и если будем знать учение Иисуса Христа, мы будем знать, как нам жить и спастись; поэтому, когда мы в храме на молитве обращаемся лицом на восток, то обращаемся к Самому Иисусу Христу.

Сказав детям о наружном виде храма, учитель старается восстановить в их памяти последовательный ход объяснения. Он говорит: «Дети, мы говорили о том, какой бывает храм снаружи, на что он похож снаружи, что устраивается вверху храма, на какую сторону он обращен лицом. Теперь мы будем говорить о том, как устраивается храм внутри. Вы все, вероятно, знаете, на сколько частей делится храм и как они называются (спрашивает учеников и дополняет их ответы). Главных частей храма три: притвор, средняя часть и алтарь. Перед притвором в некоторых храмах устраивается еще паперть, вроде крыльца, где обыкновенно стоят нищие, сборщики и др. В притворах в древнее время стояли оглашенные, т.е. люди, которые еще не приняли Святого Крещения, а только готовились к нему. Стояли в притворах также кающиеся, т.е. люди, которые за тяжкие грехи были отлучены от Святого Причащения; они просили молитв у тех людей, которые входили в храм (сказав это, учитель может заставить повторить сказанное на вопрос: какие люди стояли в притворе?). В средней части храма стояли верующие, т.е. уверовавшие в Иисуса Христа и принявшие крещение. В средней части спереди, перед алтарем, устраивается возвышение, которое называется солеей, а в середине ее – амвон, особое возвышение, с которого диакон возглашает ектении, с которого говорят проповеди и т.д. Теперь амвон устраивается не выше, а наравне с солеей; иногда он выступает в виде полукруга в среднюю часть храма. С боков солеи устраиваются клиросы – места для певчих и для чтецов.

Средняя часть храма отделяется от алтаря иконостасом – стеной, уставленной иконами. В иконостасе три двери: царские, северные и южные (показывает по возможности все, о чем говорит, на картине). Царские так называются потому, что чрез них входит Царь Славы, т.е. Иисус Христос, когда на литургии выносят чрез них Святые Дары – Тело и Кровь Христовы. Северные и Южные двери так называются потому, что

одни обращены на север, другие – на юг. Алтарь назначен для священнослужителей. В нем главное всего престол, или стол, на котором совершается таинство причащения и становятся Святые Дары. На престоле две одежды – верхняя из шелковой материи или из парчи (из которой шьются ризы), называется индитией; нижняя одежда из полотна, называется срачицею (попросту можно бы сказать: сорочкой). На престоле находится антиминос – платок из шелка или льна, на котором изображается, как полагали Иисуса Христа во гроб. В антиминос зашиваются святыя мощи (т.е. частицы тел святых людей – нетленных, т.е. таких, которые не начинали гнить). Это в память того, что в древнее время христиане совершали таинство Святого Причащения на гробах мучеников. Частицы святых мощей полагаются и под престол, когда храм освящается».

Упоминает затем учитель, если у него останется время, и о том, что на престоле полагаются еще крест, Евангелие, дарохранильница, о значении всего этого, а также о горнем месте, о жертвеннике, диаконике, заботясь постоянно о том, чтобы дети все представляли себе наглядно и в последовательном порядке, в каком велось все предшествующее объяснение.

Конспект примерного урока по изъяснению богослужения в старшем отделении

Предмет урока: объяснение всенощного бдения до малого входа включительно.

Учитель. Как называется та служба, которая совершается накануне воскресных дней и праздников?

Ученики отвечают различно – вечерня, всенощная, всенощное бдение.

Учитель. Почему она так называется?

Ответ. Вечерней потому, что совершается вечером, всенощным бдением (т.е. бодрствованием) потому, что в древнее время христиане всю ночь бодрствовали и молились в праздничные дни. Теперь же всенощная продолжается недолго, кроме разве некоторых монастырей и немногих церквей.

Учитель. Что же, всенощное бдение составляет одну только службу или состоит из нескольких?

Некоторые ученики ответят: из вечерни, утрени, 1-го часа, другие же совсем не знают состава и разделения всенощного бдения.

Учитель. Где начинается каждая часть?

Ответ. 1я – с самого начала. 2я – с шестопсалмия, со слов чтеца, которые он произносит три раза: «Слава в вышних Богу...», 3я – в самом конце всенощной, когда чтец начинает читать: «Приидите, поклонимся Цареве нашему Богу» – трижды, затем псалом и т.д.

После этого учитель начинает самое изъяснение. Хотя объяснение может произвести больше впечатления и быть назидательнее, если ученик слушает непрерывный рассказ учителя, но это следует сказать главным образом относительно таких частей богослужения, как литургия верных, когда действительно неудобно нарушать цельность впечатлений, прерывая рассказ вопросами. Поэтому учитель, чтобы более привлечь учеников к вниманию, по временам обращается с вопросами к ученикам, особенно относительно порядка богослужения, который хотя отчасти всем детям известен.

Учитель. Как начинается всенощное бдение?

Ученик. Отверзаются царские врата, выходит диакон и говорит: «Востаните, Господи, благослови!»¹⁴ Затем священник произносит возглас: «Слава Святей и Единосущней...»

Учитель заставляет этот возглас прочитать весь или сам произносит, если в произношении учеников будет недоставать должной

выразительности и соответствующей содержанию возгласа священной важности. Затем ученик продолжает говорить, что после возгласа «Приидите, поклонимся Цареве нашему Богу...» на клиросе поют «Благослови, душе моя, Господа» (эти стихи также читаются учителем или учеником) и священник, впереди которого идет диакон со свечою, кадит весь храм. Далее учитель, спросив, не знает ли кто значения всего совершаемого в начале всенощной, если никто не знает, начинает говорить: «Все, что совершается в начале всенощной, напоминает сотворение мира и блаженное состояние первых людей в раю. Отверстые царские врата напоминают блаженную жизнь первых людей в раю, каждение напоминает то время, когда по сотворении мира Дух Божий носился над водою, т.е. над созданным неустроенным миром; псалом «Благослови, душе моя, Господа», особенно, например, слова «вся премудростию сотворил еси», напоминают о сотворении мира». Далее учитель спрашивает: «Что бывает по окончании каждения?»

Ученик. Царские двери затворяются, выходит пред царские врата священник и читает молитвы, называемые светильничными, а по окончании псалма «Благослови, душе моя, Господа» выходит из алтаря диакон и произносит Великую ектению, которая начинается словами: «Миром Господу помолимся».

Это значит, что когда мы начинаем молиться, то должны быть в мире со всеми. Великой она называется потому, что в ней более прошений, чем в других ектениях. Затем в ектении мы молимся о мире для всего мира, о святом храме, в котором совершается богослужение, о Святейшем правительствующем Синоде, об Императоре и всем Царствующем доме, о том, чтобы Господь покорил под ноги Императору всякого врага и супостата, о благорастворении воздушных, об изобилии плодов земных, о плавающих, путешествующих, недугующих, о том, чтобы избавиться от всякия скорби, гнева и нужды и чтобы Господь заступил, спас и помиловал нас Своею благодатию.

Напомнив в кратких, но существенных чертах, с удержанием подлинных слов, содержание ектении, учитель опять объясняет значение разных священнодействий. Так, закрытие царских врат означает падение первых людей и изгнание их из рая. Священник, который молится перед царскими вратами, означает Адама, изгнанного из рая и кающегося в своих грехах. Далее поется «Блажен муж» – стихи из первого и следующих псалмов, произносится малая ектения, потом поется «Господи, воззвах», «Да исправится молитва моя». (Учитель не заботится о том, чтобы сообщить детям все подробности устава; поэтому он может умолчать о

том, что после каждой «славы» 1-й кафизмы полагается малая ектения; для него важно слышимое детьми на богослужении в том виде, как оно обычно совершается в приходских храмах, важнее назидательность объяснения, чем точное знание устава, какого все равно школа не может дать.) Учитель читает наиболее выразительные стихи из 1-го антифона 1-й кафизмы, например стихи «Блажен муж», «Работайте Господеви со страхом», «Блажени вси надеющийся Нань», а также читает сполна стихи «Господи, воззвах» и «Да исправится молитва моя». Все это необходимо для того, чтобы более напечатлелось назидательное содержание часто слышимых детьми, может быть без достаточного внимания и понимания, песнопений. Пение «Блажен муж», «Господи, воззвах» означает, что мы, стоящие в храме, как и первые люди, каемся и оплакиваем свои грехи, молимся Богу об их прощении, а то, что диакон кадит во время пения «Господи, воззвах», означает, что молитвы наши возносятся к Богу, к небу, подобно тому, как кадилый дым поднимается вверх.

После «Господи, воззвах» начинается пение стихир на «Господи, воззвах» (т.е. поемых после «Господи, воззвах»). Стихиры – это особые песнопения, в которых говорится о том событии, которое празднуется (из жизни Господа, Божией Матери), или говорится о жизни святых. Например, в воскресенье в стихирах прославляется воскресение Христово. Учитель приводит для примера несколько слов из стихир, которую будут петь в следующее воскресенье или какой-нибудь праздник (например, «Животворящему Твоему Кресту непрестанно кланяющися, Христе Боже, тридневное воскресение Твое славим»). По окончании стихир поется богородичен, т.е. песнь в честь Пресвятой Богородицы, в воскресные дни – богородичен догматик, т.е. песнь, в которой содержится учение о воплощении Господа Иисуса Христа от Пресвятой Девы Марии или о том, что Он хотя и родился от Пресвятой Девы Марии, сделался человеком, однако не перестал быть Богом. Во время пения богородична совершается вечерний вход, т.е. священник и диакон с кадилом идут из алтаря чрез северную дверь и входят в царские врата; перед ними несет кто-либо свечу. Диакон говорит: «Премудрость, прости» – т.е. «стойте прямо, будьте внимательны к премудрости», той премудрости, которая заключается в разных церковных песнопениях, следующих далее. Вход означает пришествие в мир Иисуса Христа, Которого долго ожидали люди после своего грехопадения. Поэтому после входа и поют «Свете Тихий» – песнь в честь Господа Иисуса Христа.

Учитель заставляяет читать и переводить песнь «Свете Тихий», а затем сам, читая по словам, объясняет. Он спрашивает: «Кто здесь называется

Светом Тихим святой славы Отца Небесного?» Ученики из самых слов песни, читаемых учителем: «Свете Тихий... Иисусе Христе», видят, что «Светом Тихим» называется Иисус Христос. Учитель объясняет: «Иисус Христос называется «Светом Тихим святой славы Отца Небесного» потому, что как от солнца исходит луч света, похожий на свет самого солнца, так и Иисус Христос имеет такую же Божественную славу, как и Бог Отец». Дети должны повторить объяснение не на память, впрочем, только, но осмысленно. Учитель объясняет далее: «Пришедше на запад солнца (т.е. достигши заката солнца), видевшие свет вечерний»; говорится «видевше свет вечерний» потому, что вечерня совершается вечером; «поем Отца, Сына и Святаго Духа, Бога», прославляем всю Пресвятую Троицу. «Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными», т.е. святыми, – значит, нужно возносить Богу молитвы святые и т.д.

После этого начинается повторение учениками всего сначала. Чтобы дети могли рассказать по возможности без вопросов, учитель предлагает спрошенному самому вспоминать в порядке песнопения, возгласы и священнодействия всенощного бдения и объяснять, что означают те или другие из них. Если ученик забывает какую-либо подробность объяснения, приходится задавать вопрос, который бы напомнил о ней. Чтобы уменьшить число вопросов, учитель старается обобщить их, – например, как начинается всенощная, что совершается в начале ее и что все это означает? Какие бывают еще песнопения и священнодействия после каждения и что они означают? Что далее читается, поется до малого входа и что напоминает в это время читаемое и поемое? Расскажи о малом входе и объясни, что он значит. Объясни «Свете Тихий» и т.д. Впрочем, связность и последовательность изложения на уроках богослужения, по самому характеру предмета, не имеет такой же важности, как, например, на уроках Священной Истории и катехизиса.

О преподавании славянского языка

О значении церковнославянского языка в школе для религиознонравственного воспитания и умственного развития

Начнем с выяснения того значения, какое имеет славянский язык в церковно-приходской школе. Тогда как одни, например С. А. Рачинский, считают славянский язык кладом для наших школ, которого лишены школы других народов, другие думают, что долго останавливаться на изучении славянского языка – дело малополезное и излишнее; они приравнивают славянский язык к языкам мертвым и отжившим и потому долговременное изучение его в школе считают столь же излишним, как, например, изучение в школе археологии, даже называют его вредным по педагогическим соображениям, так как Часослов и Псалтирь мало доступны пониманию детей. Любовь народа к славянскому языку, говорят они, привита искусственно, благодаря тому, что на этом языке народ читает и слышит о предметах божественных, а школа поддерживала церковнославянскую грамоту по веками установленной привычке. Да и вообще очень многие из учителей и учительниц находят в церковнославянском языке гораздо менее интереса, чем в других предметах. Уроки славянского языка проходят нередко как-то вяло и безжизненно. Это зависит, можно думать, оттого, что уроки славянского языка, на которых приходится читать псалмы, изречения из Священного Писания, отрывки из Евангелия и т.д., вообще книги с возвышенным религиозным содержанием, не всегда доступны пониманию детей, требуют гораздо большего духовного напряжения, чем уроки, например, русской грамоты, объяснительного чтения, счисления, которое требует главным образом одного умственного напряжения, подобно всем вообще учебным занятиям. Затем недостаток интереса к славянскому языку объясняется отчасти тем, что не сознается как следует его значение, недостаточно известны надлежащие способы обучения ему в школе.

Из двух вышеперечисленных мнений о значении церковнославянского языка справедливым следует признать первое. Церковнославянский язык всегда был и продолжает быть сокровищем как для религиознонравственного воспитания, так и для умственного развития. Это, прежде всего, есть язык, на котором впервые русский народ получил книги Священного Писания и богослужебные книги, на котором и доселе он слышит в церкви богослужение. О том, какое великое духовное

сокровище скрыто в церковнобогослужебных книгах, может узнать каждый, кто захочет его искать, по собственному опыту. Следует в данном случае сказать лишь то, что доступ к обладанию этим сокровищем может дать лишь церковнославянский язык, а не знающие последнего наполовину, иногда даже совсем лишаются его. Без понимания славянских выражений и оборотов, несходных с русскими, в богослужении для многих остается понятною, и то наполовину, одна внешняя обрядность. Правда, и эта наполовину понимаемая обрядность может производить столь обаятельное впечатление, что душа невольно приходит в настроение, соответствующее содержанию церковных чтений и песнопений. Но во сколько раз увеличилась бы назидательность богослужений, если бы был открыт и самый смысл всех чтений и песнопений!

И все эти возвышенные настроения в душе нашей неразрывно соединились со славянскими изречениями и оборотами речи. Эти изречения и обороты придают священному тексту какую-то особенную возвышенность и величие, которые он утратил бы на языке русском; вследствие привычки кажется, что русский имеет сравнительно со славянским более деловой и практический характер, несвойственный богослужению. Поэтому-то перевод книг Священного Писания на русский язык остается доселе лишь для домашнего употребления. А переводов церковнобогослужебных книг на русский язык почти не делали (делались попытки облегчить понимание некоторых церковных песнопений, например ирмосов, но переводили не на русский язык, а на так называемый новославянский). Нечего уже говорить о том, во сколько раз интереснее и привлекательнее становится для детей богослужение, если они сами становятся участниками в его совершении чрез чтение и пение, и о том, сколько духовного утешения вносит церковнославянское чтение в домашнюю жизнь, так как является возможность слышать Священное Писание или Жития Святых не в церкви, но и дома, или, наконец, о том, что для крестьян составляет большое утешение, если их дети читают Псалтирь по умершим родственникам.

Но, кроме подобного значения в религиозновоспитательном отношении, церковнославянский язык имеет большое значение и для умственного развития. Изучение его в школе имеет, можно сказать, такое же значение для умственного развития, как и изучение иностранных языков в училищах и средних учебных заведениях. Но в данном случае по отношению к школе славянский язык имеет важное преимущество перед иностранными. На изучение в школе какого-нибудь иностранного языка не доставало бы ни времени, ни умственных сил учеников. Изучая же язык

церковнославянский, они приступают не к языку, совершенно новому для них, как немецкий и французский, или мертвому языку, как греческий и латинский, но к языку, наполовину известному и понятному и продолжающему доселе быть в употреблении. В сравнении славянских форм и оборотов с русскими дети будут исходить из того, что уже отчасти им известно, так как они встречаются в том и другом языке много сходств, и в то же время это сравнение будет заставлять их постоянно вдумываться в значение слов и оборотов, отличающихся от русских; следовательно, они будут находить в читаемом тексте славянском постоянную пищу для своего размышления, постоянную умственную работу, которая может быть столь же завлекательна и плодотворна, как решение арифметической задачи, и даже более, так как, кроме чисто умственного упражнения над самим текстом (кроме, так сказать, «умственной гимнастики»), ученик овладевает еще возвышенным содержанием Священного Писания или богослужебных книг.

О месте, занимаемом славянским языком среди других предметов церковноприходской школы

В отношении к прочим предметам церковноприходской школы церковнославянский язык занимает как бы среднее место между Законом Божиим и русским языком, служит как бы связующим звеном между этими двумя главными и разнородными предметами школы. С одной стороны, он составляет необходимое дополнение к Закону Божию (частью к Священной Истории, потому что дети читают на уроках церковнославянского чтения отрывки из Ветхого Завета и Евангелия, составляющие содержание Священной Истории), особенно к изучению молитв и объяснению богослужения, потому что вводит в понимание славянских выражений и оборотов. Ввиду этой именно тесной связи с Законом Божиим и важного значения для последнего церковнославянская грамота сделана в церковноприходской школе особым предметом, отдельным от русского языка, и многие приемы при изучении церковнославянского языка сходны с приемами преподавания Закона Божия. Но, с другой стороны, церковнославянская грамота имеет и свою особую цель сравнительно с Законом Божиим, потому что она только облегчает изучение различных отделов Закона Божия. Изучать же эти отделы должны всетаки на уроках Закона Божия. Церковнославянская грамота, облегчая изучение Закона Божия, должна, кроме этого, дать возможность правильно и с пониманием относиться к самому церковнославянскому языку. Поэтому многие приемы при изучении ее отличаются от приемов преподавания Закона Божия и сходны с приемами преподавания русского языка, особенно, например, объяснительного чтения.

С какой грамоты начинать обучение – с русской или славянской

Далее может возникнуть вопрос, с какой грамоты нужно начинать обучение в церковноприходской школе – со славянской или русской. Объяснительная записка находит даже желательным, чтобы лица убежденные начинали обучение с грамоты церковнославянской, но ввиду того, что употребление старинных методов, отличных от общеупотребительных современных приемов обучения грамоте, особенно от теперешнего звукового метода, может повести к затруднениям, рекомендует начинать обучение с грамоты русской, а со славянской знакомить уже после того, как дети освоятся с механизмом русского чтения, например в конце 1-й или начале 2-й половины первого года учения. С. А. Рачинский говорит, что порядок, в каком приобретаются знания славянской или русской грамоты, безразличен, но, по его мнению, тот прием обучения грамоте, по которому обучение начинается со славянского языка, заслуживает полного внимания и обработки. Н. И. Ильминский даже прямо советует начинать обучение с церковнославянской азбуки. Соображения приводятся следующие. Чтение церковнославянское, говорит С. А. Рачинский, несравненно легче, чем русское, потому что произношение вполне соответствует правописанию. Затем, говорит Н. И. Ильминский, церковнославянская азбука, по преданию, несравненно ближе сердцу русского населения, чем гражданская азбука. А главное то, что «ученик (слова С. А. Рачинского), приобретающий в несколько дней способность писать (разумеется, при совместном обучении славянскому чтению и письму) «Господи, помилуй» и «Боже, милостив буди мне грешному», заинтересовывается делом несравненно живее, чем если вы заставите его писать: оса, усы, Маша, каша. В старинных русских школах с первых же строк книги научали детей возвышенным предметам, тогда как во время особенно ожесточенной борьбы со старинными методами, которая у нас была в 60х и следующих годах, начинали с так называемого «наглядного обучения» и поучали детей таким вещам, о которых, как говорит Л. Н. Толстой, разбирая книгу Бунакова, ученик знает и может рассказать лучше, чем учитель, – например, заставляли рассказывать о том, что корова имеет четыре ноги, одну голову, один хвост и т.д., что для крестьян могло казаться смехотворною вещью, потому что не соответствовало их серьезному взгляду на обучение.

Из всего этого видно, что те лица, которые начинают обучать с церковнославянской грамоты, поступают так главным образом не по дидактическим соображениям, а потому, что древнее обучение грамоте было назидательнее. Что церковнославянская азбука легче русской, этого никак нельзя сказать и потому, что в ней больше букв, и потому, что для большего числа звуков существует не по одной букве, и потому, что разность устной обычной речи от читаемого остается во всей силе и при обучении, начинающемся со славянской азбуки, а в этой-то разности именно и заключается главная трудность для дитяти. Далее, назидательность не в том только состоит, чтобы дети читали слова, обозначающие высокие понятия, а прежде всего сообщается настроением учителя. Когда дитя учат говорить, то родители, даже благочестивые, не начинают непременно с этих слов, но сообщают лишь некоторые из них, более простые и необходимые, большею же частью сообщают названия окружающих лиц и предметов. Затем, непонятно, почему обучение не может быть назидательным, если оно начинается с грамоты русской? Если бы оно не могло быть сделано назидательным, то значило бы, что русский человек не может получить надлежащего назидания, пока слышит речь или говорит на собственном природном языке. Язык карелов, лопарей, самоедов и др., которые начинают учиться молитвам и Закону Божию на собственном языке, был бы выше русского. Если в настоящее время обучение утратило прежнюю назидательность, то причина этого не в том, что начали обучать с русской грамоты, а в самом духе обучения – в том, что изза неправильного понимания наглядности удалили из начала учебной первой книги слова, обозначающие высокие предметы. Эта вина составителей книг для чтения¹⁵.

Кроме того, следует заметить, что и при древнем обучении церковнославянской грамоте не с самого начала приступали к высоким понятиям, но сначала заучивали непонятные названия букв и склады, лишенные всякой назидательности. Вообще следует сказать, что если грамота русская легче для усвоения, нежели славянская, так как все слова русского языка суть те именно, которые может употреблять и ученик, а потому легче подобрать слова простые и понятные при первоначальном обучении чтению (между тем как простые для чтения слова славянские могут быть несходны иногда с русскими и потому непонятны), то ввиду педагогических требований нет достаточных оснований начинать обучение со славянской грамоты, а не с русской.

Можно ли учить славянской грамоте по старинному буквосочетательному методу

С вопросом о том, с русской или славянской грамоты начинать обучение грамоте, иногда, хотя без достаточных оснований, связывается другой – о методе обучения славянской грамоте, так как в древнее время обучали по методу буквослагательному. Если этот метод защищают и советуют его держаться только потому, что так учили в «доброе старое» время, то это основание недостаточное, потому что старые люди иногда не могут отрешиться от нажитых в течение долгого времени привычек и потому отзываются с преувеличенною похвалою о старом времени. Всякому времени свойственны недостатки. Если защищают буквослагательный метод потому, что он более будто бы близок сердцу простого сельского населения и более назидателен, то на это уже отвечено: в названиях аз, буки, веди и т.д. и бесчисленных складах, лишенных ясного смысла, нет назидательности. По-видимому, заслуживает еще внимания взгляд Л. Толстого, который говорит, что, по какому методу учить – по буквослагательному или по звуковому, это все равно и что буквослагательный метод ближе к природе русского человека. Но обучение бывает сообразно с природою тогда, когда учащийся ставится в такое состояние, при котором человек первоначально естественными средствами изобретал какую-либо науку или искусство, например грамоту или арифметику. Грамоту же человек изобретал не по буквослагательному методу, а теми средствами, на которых основан звуковой метод: сначала он различал в своей речи отдельные слова, в словах слоги и изображал эти части своей речи картонами, или символическими знаками, обозначавшими сначала целую мысль или событие (таковы изображения войн, победителей на многих древних памятниках), затем знаками, обозначавшими слоги (например, клинообразные ассировавилонские надписи), наконец, звуки (таково звуковое письмо финикийян). Сначала он постепенно выделил звуки в своей устной речи, потом избрал письменные знаки и дал им, наконец, названия, которые сначала, вероятно, имели смысл, но потом утратили его (буки – буквы).

Итак, нет оснований возвращаться к буквослагательному методу, тем более что и при употреблении его, как сказано выше (см. рассуждение о методе вообще в общей дидактике), в сущности, ученик научается читать по звуковому методу, т.е. вслушиваясь в звуки, входящие в состав складов. Если Ильминский советует начинать с названий букв и складов, то он

всетаки находит нужным называть склады не по буквослагательному способу, например букиазба, а по звуковому: ба. Названия, таким образом, не вводят еще самого буквослагательного метода. Затем, непонятно, почему, собственно, буквослагательный метод, по словам Толстого, ближе к природе русского человека. Разве, может быть, потому, что русский человек отличается нередко флегматическим темпераментом и менее склонен к самодеятельности, чем, например, француз, немец или англичанин, а буквослагательный метод именно и требует меньшей самостоятельности, потому что в нем вся работа совершается чрез механизм запоминания букв и складов, а самостоятельного размышления мало требуется. Вообще, Толстой нападает на всякие искусственные приемы, указывая на преимущество тех, при которых приобретение знаний совершается само собою, без всякого преднамеренного влияния учителя на ученика, как и в природе все совершается само собою. Но ведь так можно говорить только с точки зрения Толстого, который отрицает свободу воли в человеке, а вместе с нею и самодеятельность. Искусство и самодеятельность облегчают и ускоряют то, до чего человек дошел бы одними естественными средствами, как бы сам собою. Если бы ученик не употреблял никаких самостоятельных усилий для того, чтобы постигнуть, из коих частей состоит человеческая речь, в чем состоит слияние звуков в слоги и слогов в слова, то по чисто буквослагательному методу он никогда не научился бы читать. Кроме того, русский народ, как уже сказано, если недоволен новейшим обучением, то не потому, что в нем употребляется звуковой метод, а потому, что новейшее обучение утратило прежнюю назидательность. Он так же со временем может одобрить эти так называемые новые, в сущности же древние, приемы обучения грамоте, как одобрил, например, новоисправленные церковнобогослужебные книги при патриархе Никоне.

О приемах обучения славянской грамоте

Об изучении азбуки

Теперь нам предстоит рассмотреть ход и приемы обучения церковнославянской грамоте. Как уже сказано, удобнее начинать обучение с русской грамоты. В таком случае славянская азбука не будет для детей чем-то совершенно новым: они найдут в ней много сходства с русской. Нужно воспользоваться этими сходствами русской азбуки со славянской, чтобы потом исходить из известного детям, т.е. из сходств, и постепенно переходить к неизвестному, т.е. к отличиям славянской азбуки от русской.

В некоторых методиках предлагается обучение славянскому чтению начинать с ознакомления детей со всеми отличиями славянской азбуки и даже с другими особенностями славянской печати, с придыханиями, ударениями, титлами и уже после ознакомления с особенностями следует приступать к самому чтению, – т.е. детям указываются учителем прямо самые неизвестные им буквы, начертание которых они должны запомнить, прежде чем приступят к чтению. Но представляется наиболее естественным другой прием ознакомления со славянской азбукой, когда детям дается прямо для чтения славянская речь, в которой постепенно вводятся неизвестные буквы. Преимущество такого приема в том, что дети, читая связную речь, будут сами догадываться о произношении многих букв, в работе их будет более интереса и самостоятельности; от известного к неизвестному они будут переходить самостоятельно, потому что в славянской речи, благодаря сходству славянских букв с русскими, для них самих многое будет понятно без помощи учителя; а то, что приобретено самими детьми, прочнее и скорее будет усвоено.

При чтении необходимо заставлять детей на самых первых порах внимательнее всматриваться в славянские буквы и читать медленнее, потому что ученик иногда спешит произнести слово, не прочитав всех букв его, догадываясь о значении его по смыслу; между тем нужно, чтобы ученики на первых порах познакомились с очертаниями славянских букв и, всмотревшись в них, уже не встречали в них потом затруднения. Чтобы дети внимательнее всматривались, при первом чтении их следует даже иногда спрашивать о каждой букве слова, похожа ли она на русскую; прибегать при этом иногда к подвижной азбуке славянской и русской. Если буква видимо отличается от русской, то иногда хорошо указать и

прописные буквы, например **Б**, **У**, **Ф**, в тех случаях, когда эти буквы более, чем строчные, напоминают русские, а затем уже спросить о строчных, стоящих в азбуке рядом. Вообще же следует останавливать внимание детей более на сходствах славянских букв с русскими, чем на отличиях. Но следует останавливаться и на отличиях, чтобы дети могли лучше всмотреться в начертание букв, запомнить их тверже. Следует также заставлять детей сравнивать одну славянскую букву с другой, чтобы они не смешивали их, – например, прописное **А** с , строчные **Б** и **В**, **И** и **Н** и т.д.

Для более удобного ознакомления с начертаниями букв следует указывать детям (или лучше заставлять их догадываться) состав букв, например, **А** состоит из **А** и палочки, а в **А** эта палочка, или маленькое **і** находится внизу, а не сбоку; **У** состоит из **У** большого и маленького **У** наверху; «ук» (что особенно удобно показать на большом **У**) состоит из **У** и маленького **О** внизу, – в таком случае дети удобнее запомнят и двойное **ОУ**, которое пишется в начале слов, например **ОУЧНИЦЫ**.

При всех этих разъяснениях полезно прибегать к славянской и русской подвижной азбуке. Она полезна потому, что, видя большие буквы, дети удобнее могут обратить внимание на те или другие части букв, и потому – что лучше таким образом можно будет обратить внимание всех детей на сравниваемые части букв¹⁶. Если в книге для чтения имеется недостаточно упражнений для ознакомления с особенностями славянской азбуки, то необходимо учителю самому составлять слова, с буквами, отличающимися от русских, и писать их на доске. (Лучше писать, а не составлять из подвижной азбуки, потому что более в последнем случае потратится времени; кроме того, лучше чтобы слова были с надстрочными знаками, а это лучше сделать при писании слов на доске, нежели при составлении их из подвижной азбуки.)

О материале для первоначального чтения

Если хорошо повести эти упражнения, то они займут, вероятно, малое время и учителю не придется испытывать потом нужду в изобретении материала для первоначального чтения. После отдельных слов можно давать детям читать краткие изречения, какие и помещаются, например, в книжке Ильминского¹⁷.

Об ознакомлении с надстрочными знаками и цифрами

При этих упражнениях в чтении изречений детей нужно знакомить с надстрочными знаками и с титлами. Чтобы не увеличивать на первых порах трудностей, можно сначала обойтись без названий: звательце, исо, вария и т.п., а сообщить их после, когда дети привыкнут к славянскому чтению; достаточно сказать им, что над каждым словом ставится ударение, которое имеет три вида: $\acute{\text{A}}$, $\grave{\text{A}}$, $\hat{\text{A}}$, т. е. черточка с направлением в правую, в левую сторону, маленькая половинка круга; от последней отличается своими заостренными концами придыхание: $\grave{\text{A}}$. Необходимо добиться того, чтобы дети поняли, зачем ставится ударение, чтобы они сами чувствовали его в слове. Приемы для этого обычные: заставить детей сказать слово громко и спросить, какой гласный звук при этом слышнее и растягивается, или брать слова, состоящие из одних и тех же букв, но различные по значению: «за́мок, замо́к», «пила, пи́ла», «ру́ки, руки́», «мука́, му́ка». Необходимо на первых же порах знакомить и с титлами, потому что без титл печатаются только разве некоторые упражнения в книгах для чтения. С титлами знакомить удобнее постепенно – по мере того, как они будут встречаться в книжке. Хорошо, например, подобраны упражнения для знакомства с титлами в книжке Ильминского, где, кроме известного слова с титлом, стоят рядом и производные (ангел, ангельский, архангельский). После же того, как дети постепенно при чтении познакомятся с многими подтитловыми словами, можно им давать таблицу этих слов для объединения сведений, сообщенных отрывочно, и для справок. О сложных титлах нужно дать общее понятие: это такие титла, когда сверху под титлом пишется одна из пропущенных букв: А , С , Г , У . Все надстрочные знаки нужно показывать на доске, а не только в книге. Неудобно, если учитель укажет какому-нибудь одному ученику слово с известным знаком и спросит, что это за знак, – необходимо, чтобы все видели.

Что касается славянских цифр, то с ними познакомить можно впоследствии, когда дети хорошо научатся читать послavianски, писать арабские цифры, когда они познакомятся с нумерацией и написанием чисел. Ознакомление со славянской нумерацией предполагает знакомство с порядком букв славянской азбуки, которое необходимо еще, например, для самостоятельного пользования славянскорусским словарем. После

кратких изречений из азбуки можно переходить с детьми к чтению отрывков из книжки Ильминского «Обучение церковнославянской грамоте», затем к Часослову, Псалтири, к чтению некоторых мест из Евангелия, особенно читаемых в воскресные и праздничные дни, так как по смыслу «Программы» уроки славянской грамоты должны помогать обучению Закону Божию.

О качествах, требуемых от славянского языка

При обучении славянскому чтению необходимо заботиться, чтобы оно отличалось следующими качествами: правильностью, ясностью и отчетливостью, сознательностью, выразительностью. Правильность состоит в том, чтобы дети читали не так, как говорят, а как написано, что не всегда требуется от русского чтения, например выговаривали правильно окончания **ый, ий, аго, яго, тся**, не произносили **с** вместо **з**, **ф** вместо **в** и т.п., не произносили **ё**, где оно встречается в соответствующем русском слове, чтобы останавливались на знаках препинания, соблюдали непременно ударения. Ясность и отчетливость чтения достигается в том случае, когда каждое слово произносится отдельно, отчетливо, не сливаясь с другими, хотя и не теряя с ними связи. Благодаря такому чтению можно будет устранить многие неправильности выговора, и даже медленное чтение в церкви, по словам Рачинского, служит одним из благодетельных средств для избежания заикания. Сознательности от чтения следует требовать на первых же порах. Для того, чтобы чтение не было чисто механическим, не состояло только в разборе и произношении букв, можно с первых же уроков спрашивать детей о значении прочитанных слов и выражений, задавать им вопросы, о чем они прочитали. Это может гораздо более заинтересовать их, чем одно механическое чтение, тем более что они уже привыкли к сознательному чтению на уроках русской грамоты. Тем более нельзя ограничиваться одним механическим чтением при чтении Евангелия, Часослова и Псалтири; тогда от славянского чтения требуется почти то же самое, что и от объяснительного чтения на уроках русского языка.

Что касается выразительности, то она в славянском и особенно в церковном чтении несколько отличается от обычной выразительности. Церковное чтение отличается певучестью и оттого монотонно, сопровождается легким растягиванием в окончаниях речи. Поэтому церковному чтению менее свойственны резкие тоны, сильное напряжение голоса, ослабление его, сильные повышения или понижения голоса в

вопросах и ответах, – вообще менее свойственны приемы для выражения чувств, вызываемых чтением. В славянском чтении выразительность достигается чрез напряжение голоса в тех местах, которые нужно произнести с особенным ударением, чрез остановки на знаках. Вообще же достигнуть выразительности в церковном чтении труднее, чем в русском, потому что возвышенные религиозные чувства труднее поддаются выражению в слове, нежели обыкновенные. Тем не менее и одна только напряженность голоса или остановки в известных местах могут сделать чтение выразительным, если чтец проникнут соответствующим читаемому настроением. Истинно-выразительным может быть названо только чтение благоговейно-выразительное.

О приемах обучения чтению правильному и выразительному, об исправлении ошибок, о примерном чтении самого учителя

Теперь нам следует сделать замечание о приемах, какие должны быть употребляемы при чтении для того, чтобы оно было правильно и вместе с тем сознательно и выразительно. Обыкновенный порядок таков: учитель заставляет читать ученика по частям, впрочем, таким, которые, будучи взяты в отдельности, сохраняют свой смысл. Части эти должны быть менее – в начале обучения, более – во втором и третьем годах. Прочие ученики должны следить за ошибками. Чтобы приучить детей быть более внимательными в исправлении ошибок и чтобы они сами замечали их, не всегда следует учителю тотчас указывать слово, в котором сделана ошибка, но иногда задавать по прочтении целого, хотя небольшого, предложения общий вопрос: где допущены ошибки? Если дети не могут сказать, то следует указать слово, прочитанное неправильно, и заставить ученика (или других) найти в нем ошибку. Чтобы ошибки не повторялись, необходимо исправлять их тотчас, как они встретятся; необходимо, чтобы на ошибки, часто встречающиеся, обращалось не мимолетное только внимание детей, но чтобы они исторгались, так сказать, с корнем. Учитель должен быть внимательным к самым причинам ошибок (например, смешивание тех или других букв, спешность чтения, чтение некоторых слов по догадке, без надлежащего разбора читаемых слов и т.д.) и соответственно этому принимать меры, чтобы предупреждать самое появление ошибок, – тем более что с ошибкой, которая перешла в привычку, будет бороться труднее. Читать на первых порах следует не спеша, чтобы все могли следить за правильностью чтения. При первых

упражнениях следует одну и ту же часть перечитывать два или несколько раз. Затем следует объяснение непонятных слов, тем более что они именно нередко затрудняют самый разбор слов.

В некоторых руководствах советуется пред началом чтения самому учителю прочитать отрывок, чтобы дать пример образцового, правильного и выразительного чтения. Своим чтением учитель может облегчить детям правильность чтения и понимание читаемого. Но не всегда это облегчение необходимо и не всегда достигается предварительным чтением отрывка учителем; иногда целесообразнее читать отрывок учителю уже по прочтении отрывка учениками. Дело в том, что, если дети еще только учатся правильности чтения, их полезнее самих заставить преодолеть все трудности при разборе слов. Затем, если учитель хочет дать образец осмысленного и выразительного чтения, то опять не всегда следует читать сначала самому учителю: выразительным может быть чтение только того, что дети понимают. Поэтому иногда учителю бывает полезнее прочитать отрывок, особенно какой-либо псалом, уже после того, как в нем объяснены непонятные слова и выражения. Впрочем, иногда хорошо прочитать учителю отрывок в начале урока, в тех, например, случаях, когда он, не будучи очень трудным, отличается особенным возвышенным содержанием (например, история Рождества Христова – в среднем отделении, псалом 21-й – в старшем отделении). Такое чтение увеличит назидательность урока. Или можно учителю предварительно прочитать отрывок в том случае, если чтение учителя может способствовать более осмысленному чтению отрывка учениками, например отрывка из Нагорной беседы в книге Ильминского «Обучение грамоте» в среднем отделении. А если отрывок очень прост по содержанию, так что ученики без помощи учителя могут понять его и назидательность читаемого мало может увеличиться от чтения учителя, то лучше заставить читать самих учеников и таким образом предоставить им большую самостоятельность в работе. Или же, чтобы не оставлять учеников без образцов хорошего чтения, учитель может давать такие образцы во время самого чтения, после того, как учениками будет прочитана и понята известная часть отрывка; а в иных случаях достаточно только исправлять места, прочитанные неправильно или невыразительно. Вообще же, не следует оставлять учеников без примера хорошего чтения, потому что пример одно из лучших средств научить детей хорошему чтению. Искусство достигается главным образом чрез подражание.

О приемах перевода со славянского языка на

русский, о практическом ознакомлении со славянскими формами и оборотами

При переводе отрывка на русский язык прежде всего следует сообщить значение непонятных слов. При первоначальном упражнении в чтении хорошо выписывать их на доске заранее и затем указывать ученикам, – впрочем, те только, о значении которых дети сами не могут догадаться. Если слова выписаны на доске, учителю не будет нужды повторять значение неизвестного слова несколько раз, если ученики с первого раза не запомнят. Впоследствии можно дать ученикам русский перевод или словари, заставляя также их записывать славянские слова в тетради и заучивать. Если славянские формы отличаются только немного от русских, например в окончаниях, то нужно спрашивать о значении таких слов самих учеников, например: «тамо», «взяти» и т.п. Иногда ученики могут догадаться о значении таких слов по корню слова, сходному с русским, иногда по общему смыслу прочитанного предложения. Хорошо сопоставлять значение некоторых слов, например: «иже» который, «ихже» которых, «поят», «взят», «прият»... Значение некоторых слов, особенно союзов и частиц, например **яко, бо, се**, нужно не только объяснять, но давать детям заметить, какой оттенок они придают речи. Для этого нужно при объяснении этих союзов и частиц брать их в связи с другими словами, ставить их в связь со словами предшествовавшими и последующими. Особенно это нужно сказать о союзе «яко», который значит и «что», и «потому что», и «так как», и «когда». Оттенок мысли, придаваемый этими союзами, да и самые союзы, например «так как» и «потому что», не вполне могут быть понятны детям, если не привести их в связной речи.

Некоторые выражения нет нужды переводить буквально, по крайней мере в младших отделениях, например причастия и деепричастия; их можно заменять полными предложениями, например: «и воззрев Авраам», «одейся светом, яко ризою», «напаяй горы»... В некоторых случаях можно одно время заменять другим: «от среды камня дадят (издают) глас», «насытится» «насыщается» (псалом 103). Иногда можно для ясности добавить слово. Например, при переводе слов «извести хлеб от земли» можно прибавить: «повелевает». Вообще, грамматической точности в переводе не требуется. Но необходимо все-таки держаться ее, если это возможно и если при соблюдении ее все для детей столь же понятно. Уклоняться можно только для большего уяснения детям читаемого. С грамматическими терминами: «прошедшее время»,

«неоконченное и оконченное», «изъявительное наклонение», «неопределенное», «причастие», «дательныйсамостоятельный» – вообще нет нужды знакомить детей, пока они не познакомятся в русской грамматике с подобными же названиями. С этими формами дети должны познакомиться практически, замечая при переводе, какой форме русской какая соответствует славянская, какой оттенок придается речи той или другой формой. Иногда советуется для упражнения в грамматических формах видоизменять их и спрашивать о значении их, например: «услышиши», «слышах», «услыши», «слушай», «слышав», «слыши» и т.д. «Мя» что значит? а «тя»? «ся»? Кроме перевода отрывка, обыкновенно необходимо бывает и его объяснение.

О приучении к связности перевода

Следует еще заметить, что при переводе известного отрывка задача учителя должна состоять не в том только, чтобы сообщить ученикам значение непонятных слов, но также и в том, чтобы добиться от них связного перевода отрывка на русский язык, и в объяснении мысли читаемого отрывка, особенно псалма, с передачей содержания прочитанной части и всего отрывка; а если читали псалом, то добиться передачи общего смысла его без удержания всех подробностей. Учитель заставляет детей читать отрывок слово за словом и пересказывать читаемое порусски, но не ограничивается этим – он старается уяснить детям взаимное отношение слов и предложений. Для этого он иногда сам читает вместе слова, тесно связанные друг с другом в известном предложении, или заставляет учеников догадываться об этой связи посредством вопросов. Например, «коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил» (Пс.83:2), – о чем это говорится: «возлюбленны» или «приятны, желательны»? Или: «блажен муж» (Пс.1:1), – какой это муж называется блаженным? Ученик отвечает: «Тот, который не идет на совет с нечестивыми» – и таким образом замечает взаимную связь этих двух предложений псалма.

Замечание об объяснении непонятных слов и мыслей читаемого, в частности – Псалтири

Затем главнейшее правило при переводе и объяснении то, чтобы и перевод, и объяснение мыслей читаемого тесно примыкали к читаемому тексту, чтобы ученик хорошо понимал, зачем ему приходится при упражнении в переводе запоминать значение славянских слов и самые

объяснения. В противном случае ему придется заучивать перевод и объяснение на память, что составляет двойную и притом почти бесполезную работу, потому что ученик не будет видеть отношения перевода или объяснения к остающемуся непонятным для него тексту и скоро забудет такой перевод и объяснение. Чтобы избежать этого, нужно чаще указывать слова текста, которые переводятся или объясняются.

Затем для объяснений должен быть установлен известный предел: нет нужды, например, вдаваться в подробные исторические объяснения обстоятельств, при которых написан псалом, сравнивать разные переводы, вдаваться в пространные и глубокие изъяснения. Все это нужно на уроках Священного Писания, а не на уроках церковнославянского чтения; детям же многое может быть сделано доступным лишь со временем, по мере изучения Священной Истории, катехизиса, богослужения. Поэтому и при выборе отрывков для чтения нужно смотреть за тем, чтобы дети были подготовлены к их чтению уроками из Священной Истории или из катехизиса и т.д. Многие глубокие мысли псалмов или церковных песней еще недоступны для понимания детей. Поэтому более следует держаться буквального изъяснения, а таинственного смысла касаться настолько, насколько он сам собою непосредственно вытекает из смысла слов псалма. Не следует забывать, что главная цель при чтении псалмов состоит не в том, чтобы все в них понять, но в том, чтобы почувствовать их назидательность, а это до известной степени может быть достигнуто и без полного понимания всего сказанного в псалме¹⁸.

Конечно, ввести детей в более глубокое понимание Псалтири и богослужебных книг есть идеал церковной школы, потому что углубление в смысл поддерживает и дает пищу самому чувству, вызываемому чтением, а само по себе чувство неопределенно и скоро проходит. Но идеал должен быть достигаем по мере средств, какими располагает наша школа. Пособием для учителя при изъяснении Псалтири могут быть книжки «Приходской Библиотеки», в которых объяснены часы, шестопсалмие, 1-я, 2-я, 3-я кафизмы, затем толкования на Псалтирь еп. Палладия, Вишнякова и др. К пособиям следует отнести также русский перевод Псалтири, который если не везде по причине разности от славянского, то во многих местах весьма облегчает и перевод псалма и особенно уразумение общего его смысла. Наконец, учитель может пользоваться замечаниями на полях учебной Псалтири, обращаться к славянорусским словарям. По мере чтения псалмов работа его, без сомнения, более будет облегчаться. Да и нет нужды читать все псалмы по порядку; следует выбирать сначала более легкие, а потом, когда дети

навыкнут в переводе, переходить к труднейшим.

Замечание о совместных работах с двумя отделениями

Совместные работы с двумя отделениями на уроках славянского языка нежелательны. Правда, советуют заниматься вместе с младшим и средним отделениями, причем 1е будет упражняться более в чтении, а 2е – в переводе. Но по причине большой разности в знаниях и подготовке к славянскому чтению дети среднего отделения будут сидеть почти без дела, пока младшее отделение занимается чтением. Младшее отделение не вынесет пользы от объяснений, потому что еще не знает Священной Истории, из которой берутся отрывки для чтения в среднем отделении. Поэтому лучше с каждым отделением заниматься особо.

О самостоятельных работах

При этом тем отделениям, с которыми не занимается учитель, могут быть задаваемы самостоятельные работы вроде следующих: списывание славянских букв, схожих или отличных от русской азбуки; списывание слов с титлами, с известными ударениями; писание славянских цифр, соответствующих арабским; заучивание непонятных славянских слов; чтение прочитанного отрывка, с тем чтобы передать его содержание; заучивание наизусть важных мест; письменный перевод со славянского на русский и т.д.

Конспект примерного урока по славянской грамоте в младшем отделении

Дети читают по «Азбуке для обучения отроков».

Спросив детей, какими буквами напечатано то, что они сейчас должны будут читать, учитель говорит, что славянские буквы большею частью сходны с русскими. Поэтому он прямо заставляет какого-нибудь ученика читать 1е слово «Богъ», сказав, чтобы ученик читал медленно, даже, в случае необходимости, по буквам. Затем, чтобы дети внимательнее присматривались к начертанию славянских букв и убедились, что они действительно похожи на русские, учитель спрашивает, все ли буквы в прочитанном слове похожи на русские.

Ученик отвечает: "Все".

Во 2-м слове «Духъ» ученик может затрудниться относительно второй буквы Ѧ. Тогда учитель говорит, что это буква у и что она похожа на русское у: у русского у вверху тоже 2 черточки, которые идут в разные стороны, только нет маленького о внизу, а вместо него точка. Все это учитель показывает на азбуке Ильминского, обращая особое внимание детей на Ѧ прописное, которое еще более похоже на русское у, чем строчное. 3-я буква Х не затрудняет детей, и они говорят, что в славянском Х только длиннее палочки, потом идут чрез строку.

В 3-м слове «Сынъ» встречается буква Н, которую дети смешивают с И, но учитель, пока не представится повода, еще не останавливается на ней.

При чтении слова «рай» он спрашивает, что такое рай. Чтобы дети лучше запомнили букву А и не смешивали ее с Л, учитель спрашивает, похожа ли она на русское а. Ученик говорит, что похожа, нет только вверху точки.

При чтении слова «адъ» опять учитель спрашивает, что такое ад (место, где мучится диавол и все злые люди).

«Азь» – по-русски нет такого слова: вместо него говорят «я». З похожа на русскую букву з?

Ответ. Похожа.

Дети читают далее: ты, онъ.

Учитель. **О** – смотрите, дети, здесь **О** какое широкое; если слово начинается с **о**, то пишется такое широкое **о**. А вот в первом слове смотрите, такое ли **о** написано? Почему не такое? **Ѡ** похоже на русское?

Ответ. Не совсем, верхняя и средняя черточки соединены вместе в русском **е**.

Учитель указывает это на азбуке Ильминского.

Учитель. **Ѡ** – это какая буква? Похожа на **о**? Она как будто из двух **о** состоит. **ѣ** – какая буква? Это **з**. В русской азбуке нет такой буквы; она похожа как будто на змею, которая согнута. А еще **з** как изображается? Посмотрите на 2-й строке. Нет ли там **ѣ**? Которая из этих двух букв похожа на русскую букву **з**?

После этого дети читают опять все снова – скорее и правильнее. Затем переходят к следующей странице.

Учитель. «Ангель» – какая 1я буква? Славянская буква **Ѧ** похожа на русскую?

Ответ. Нет.

Вопрос. Чем не похожа? Черточка есть ли посередине?

Ответ. Вместо этой черточки идет посередине другая тоненькая черточка.

Учитель указывает эту черточку по азбуке Ильминского: «На какую русскую букву **Ѧ** походит?»

Ответ. На .

Вопрос. Какая же разница между славянскими прописными **Ѧ** и ?

Ученик скажет, что у **л** нет тоненькой черточки, которая у **а** идет наискось, снизу вверх от левой стороны в правую.

Читают далее: «Авель». Если дети не учили Священной Истории, учитель сам говорит, что так звали сына, который был у первого человека Адама. Читают далее: «Благо» – по-русски как заменить это слово? В молитве «Царю Небесный» слово «Блаже» что значит? Мы называем Духа Святаго «Блаже», т.е. Благим, значит, каким? Добрым, Милостивым. «Бремя» – тяжелая ноша. **Ѧ** – это буква **я**, запомните, дети. Учитель говорит, что она похожа на большую русскую **А**. Дети видят, что буквы отличаются тем только, что у **А** нет внизу в середине маленькой черточки, маленького **і**. При этом учитель показывает на азбуке, что **я** изображается

еще иначе, именно **Ѧ**; эта буква состоит тоже из **а** и маленького **і**, только оно здесь не внизу, а сбоку. Впоследствии учитель может сказать, что **Ѧ** пишется в том случае, когда слово начинается с буквы **я**, например – **яко**, **ярость**.

И – буква «И» на какую похожа? Похожа на **Н**? Чем их различить?

Ответ. У **и** черточка в середине идет немного снизу вверх, а у **н** сверху вниз.

Учитель опять показывает это на азбуке Ильминского. Далее идет слово: «Влага» – если мокро гденибудь, например на траве, то говорят, что там влага. «Влеку» – последняя буква какая? – спрашивает учитель, если дети еще не запомнили, что это **у**. Если дети забыли, то спрашивает, как прочитали эту букву в слове «Духъ», встретившемся ранее. Так поступает учитель и со всеми славянскими буквами, отличающимися от русских. «Влеку» – значит «тащу». «Вражду» – вражда, ссора, когда люди сердятся и бранят один другого. «Глас» – голос. «Грады» – города. «Греси» – грехи. «Давид» – царь. «Древо» – дерево. «Друзи» – друзья. «Жало» – у кого бывает жало?

Ответ. У змеи.

«Жертва» – дар, приносимый Богу. В древнее время приносили в жертву Богу животных, а мы, например, можем приносить в церковь свечу или деньги и т.д.

Начинается вторичное чтение.

О значении всех читаемых слов учитель спрашивает сначала самих учеников, и только если они не знают, говорит сам. Вообще он старается дать возможность ученикам работать самостоятельно, при угадывании ли букв славянских, отличающихся от русских, в определении ли их отличительных особенностей, в объяснении ли смысла читаемых слов и т.д.

Конспект примерного урока по славянской грамоте в среднем отделении

Читается послavianски отрывок из Евангелия (Мф. 3:1–6, 13–17).

При чтении этого отрывка учитель ставит целью научить детей читать отрывок правильно и с пониманием. Так как не все дети среднего отделения знают Священную Историю Нового Завета, то учитель, чтобы подготовить их к чтению отрывка, сначала спрашивает детей, когда празднуется Крещение, и, получив ответ на этот вопрос, говорит вкратце о проповеди Иоанна Крестителя, о чем дети могут не знать, о том, что он пред крещением Иисуса Христа проповедовал в пустыне Иудейской, говоря: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное», что к нему приходили из всей Иудеи и Иерусалима и исповедовали грехи свои.

Подготовив таким образом несколько к чтению отрывка, учитель заставляет детей читать. Сначала читают первые три строки до точки. Ошибки, зависящие от смещения букв, от неумения разобрать слово, неправильности в ударениях, тотчас исправляются. Когда сделана какая-либо ошибка, учитель тотчас или по прочтении нескольких слов (что более заставляет думать) останавливает чтеца и, обращая ко всему классу вопрос, где и какая сделана ошибка, заставляет кого-нибудь одного из поднявших руку исправить ее. Если дети среднего отделения еще не знают значения надстрочных знаков и титл, то учитель приступает к объяснению значения их, сначала ударения. Он спрашивает, что за знак стоит над словом «при́иде». (Лучше, если бы ученик начал объяснение по поводу сделанной ошибки, – например, если бы ученик прочитал «при́иде».) Некоторые отвечают, что это ударение.

Учитель спрашивает, зачем оно ставится.

Ученик говорит: «Для того, чтобы слог, над которым оно поставлено, произнести слышнее».

Чтобы объяснить и прочим детям значение ударения, учитель спрашивает, все ли равно, если сказать «при́иде» и «прииде», «пустыни», «пустыни», – в чем разница в том и другом случае, какой звук слышнее в первом и какой во втором случае или какой несколько растягивается при произношении. Когда дети поймут, зачем ставится ударение, учитель при чтении дальнейших слов обращает внимание детей и на другие виды ударений, кроме *á*, т.е.: *à*, *â*, пока называя их общим именем «ударения» и показывая различие в начертании их на доске (а не в книге только), чтобы

видели все. Про придыхание учитель может сообщить на другом уроке, и только если разве дети смешают его с каморой $\hat{\lambda}$, может сказать, что знак с заостренными концами, похожий на ударение λ , называется придыханием; на первых порах опять довольствуется употреблением одного общего названия «придыхание».

При чтении слова «Креститель» с титлом ученик может затрудниться. Тогда учитель спрашивает: «Кто знает, как прочесть это слово?» Получив ответ, учитель спрашивает, что за знак над словом «Креститель», зачем он ставится, какие буквы пропущены в данном слове, зачем под титлом стоит маленькая буква ѣ . При чтении слова «пророком» учитель говорит, что ранее встречались слова, в которых под знаком титла была буква ѣ , а иногда под знаком титла пишется Ѡ , как в данном слове, а иногда Г , Д , Р , что такие титла называются сложными, в отличие от простых, в которых нет букв. Таким образом сообщается общее правило о титлах. Встречая и далее слова с титлами, учитель пользуется этим, чтобы дети повторили и усвоили все сообщенное относительно их, спрашивая опять, какой знак поставлен, какие буквы пропущены и т.д. Читать слова под титлами учитель заставляет самих детей, и если только никто не догадается, читает сам.

После того как дети прочитают до точки, учитель заставляет читать снова, а если потребуется, и еще раз. Если ученик делает ошибки и при вторичном чтении, учитель может заставить самого читающего догадываться, где сделана ошибка; так можно более обратить внимание на ошибку, чем при общем исправлении ее классом, хотя вообще необходимо, чтобы все внимательно следили и принимали участие в исправлении ошибок.

После чтения начинается перевод отрывка на русский язык. Учитель заставляет ученика читать снова, и если встречается при чтении слово, отличное от русского, то догадываться, как заменить соответствующим русским, особенно если слово разнится от русского лишь своим окончанием. Например, «Во дни» – так и по-русски. «Онъ» – лучше сказать: «в те дни». «Прииде» – пришел; далее несколько слов следует оставить без перевода; «приблизися» – приблизилось и т.д. Если значение какого-нибудь слова совсем неизвестно, то учитель говорит значение его сам. Подобные слова он выписывает на доске заранее и, когда встретится непонятное слово, указывает на доске его значение. Впрочем, не все слова

он выписывает на доску, а лишь более трудные, например в данном отрывке можно выписать следующие: **ГЛАГО́ЛА** – говоря, **сѣй** – этот, **БО** – ибо, потому что, **рече** – сказал, **стези́** – тропинки, пути, **ри́зѣ** – одежду; **вельбѣдѣ** – верблюды, **ошмен** – кожаный, **снѣдь** – пища, **бѣ** – был, **прѣжне** – саранча, **возбранѣше** – удерживал, **ѡзѣ** – я, **грядѣши** – идешь, **ѡбне** – тотчас, немедленно, **сѣ** – вот, **ѡкѡ** – как, **ѡ нѣмже** – о котором.

О значении же прочих слов учитель может всегда рассчитывать получить ответ от самих учеников (да из написанных на доске значение некоторых может быть известно детям). Слова одного корня, употребляемые в различных формах, дают повод догадываться о значении их самостоятельно. Например, если на доске выписано слово: «глаголя», то уж нет нужды выписывать значение слова «глаголющим», дети должны сами догадаться, как сказать порусски слово «глаголющим». То же самое со словами: «грядет», «грядуща», «реченный», «рече», «прииде», «взыде» и т.д. Таким именно путем дети практически могут изучать славянские грамматические формы и вообще особенности славянской речи. Особенной грамматической точности перевода, тем более на первых порах, учитель не старается добиваться. Так, если дети «глаголя» переведут «говорить», то вполне можно оставить без поправки.

Значение частиц вроде «бо» учитель сообщает, приводя их не в отдельности, а вместе с другими словами, не говорит прямо: «бо» – значит «ибо, потому что», а спрашивает, как сказать порусски «приблизбося» или «Сей бо есть реченный Исаием пророком», и когда дети из этих фраз поймут, какой оттенок придает фразе частица «бо», тогда уже говорит или заставляет их сказать, что «приблизбося» значит «приблизилось», а что значит «приблизбося»? («ибо приблизилось»). Да и вообще учитель часто повторяет сам непонятные слова в связи с другими, чтобы выяснилась чрез это мысль стиха, а не отдельные лишь слова. Это чтение по частям служит и примером осмысленного и правильного чтения для ученика, так как дети, не понимая еще прочитанного, не могут ни делать правильно логических ударений, ни выражать голосом оттенков мыслей, придаваемых речи разными частицами.

При чтении слова «реченный» можно спросить, что значит «рече», потому что это слово чаще встречается. «Реченный» – значит «сказанный» или «тот, о котором сказал» (Исаия).

Пророчество Исаии: «глас вопиющего в пустыни» – можно будет оставить без объяснения, чтобы не отвлекаться очень в сторону от цели урока. Можно ограничиться переводом: «голос вопиющего (громко зывающего) в пустыне: приготовьте путь Господу (т.е. уровняйте его), сделайте прямыми (ровными) пути Его». То же самое относительно слов «так нужно исполнить нам всякую правду». Так как содержание отрывка вообще понятно, то объяснений почти не потребуется, кроме разве немногих, – например, учитель может спросить, и в случае надобности объяснить, что такое Галилея, почему Иоанн не хотел крестить Иисуса Христа и т.п.

Точно таким же образом читается, переводится и объясняется весь отрывок по небольшим частям (строки, например по три до точки, точки с более простым содержанием, например стихи 16, 17 или в стихе 15м, по требованию смысла можно соединять). Перевод прочитанного обыкновенно необходимо бывает для большей связности и осмысленности повторить еще раз.

По прочтении и переводе известной точки учитель снова может заставить читать то же самое, чтобы достигнуть чтения не только правильного, но и вполне осмысленного (после того, как уже сообщено значение непонятных слов и сделано объяснение, такое чтение стало вполне возможным для детей), а равным образом передавать содержание прочитанного. Если ученик затрудняется, учитель задает вопрос вроде следующего: «Что говорится в прочитанной первой части (ст. 1–2) об Иоанне Крестителе? Что сказал пророк Исаия об Иоанне Крестителе? (2я точка). Какую жизнь вел Иоанн Креститель? Какая была его пища, одежда? (3я точка) и т.д. По прочтении всей статьи учитель может показать пример вполне правильного, осмысленного и выразительного чтения, заставить детей прочитать также и разъяснить всю статью. Если ученики будут затрудняться в передаче содержания, учитель помогает вопросами, но по возможности общими, например: о ком мы читали в начале статьи (об Иоанне Крестителе), что читали о нем (об его проповеди, какой он вел образ жизни)? Расскажи о самом крещении Иисуса Христа. (Согласился ли Иоанн Креститель крестить Иисуса Христа? Что случилось, когда Иисус Христос крестился?) Учитель задает сначала общие вопросы, а если ученики не могут передавать на память содержание статьи, то задает более частные, вроде таких, какие поставлены в скобках или даже еще более частные, смотря по надобности.

Конспект урока по славянскому языку в старшем отделении

Предмет урока – чтение послavianски псалма (Пс. 83:1–13). Предполагается, что дети еще не читали ранее псалмов.

Чтобы подготовить отчасти детей к чтению псалма и сделать это чтение более назидательным, учитель сначала читает псалом сам. Затем заставляет читать детей. На надписании псалма учитель может не останавливаться, потому что оно неодинаково понимается самими толкователями Священного Писания и потому что, при трудности объяснить его детям, пришлось, бы потерять много времени на это объяснение. Он может сказать лишь то, что "в конец" значит «для исполнения», т.е. для того, чтобы, когда будут петь псалом, то играли бы на музыкальных инструментах. «Сынами Кореевыми» назывались певцы при храме; один из них и написал псалом 83-й. «Точилом» называется яма для выдавливания виноградного сока, – это слово прибавлено потому, что псалом пели, может быть, когда было время собирания винограда. О таинственном же значении слова «точило» учитель может умолчать, по крайней мере на первых уроках чтения из Псалтири.

Дети читают 2-й и 3-й стихи, в случае надобности повторяют чтение раз, два и более, пока не прочитают правильно. При первом особенно чтении дети следят за ошибками читающего и по вызову учителя исправляют их. По прочтении учитель заставляет переводить прочитанные стихи слово за словом, причем ученики о значении некоторых слов должны догадаться сами, значение некоторых читают на доске. "Коль" – дети могут догадаться по сходству с русским словом «сколь», что «коль» значит «сколь, сколько». «Возлюбленна», «возлюбленны» – «желанны», «приятны». Затем учитель нарочно произносит оба слова вместе, чтобы дети могли легче перевести их связно и понять их смысл. «Коль возлюбленна» вместе значит: «сколько» или «как приятны». С тою же целью – добиться от детей связного перевода и понимания смысла всего предложения – учитель спрашивает: «О чем это говорится – «коль возлюбленны»? Что «приятны»?

Ученики: «Приятны селения Твоя».

Учитель: «Твои» – т.е. чьи? «Селения Твоя, Господи сил» – значит, чьи?

Ответ: Господни.

Учитель: Что же называется «селениями Господними», где Господь

особенно обитает?

Ученики: В храме. «Селения Господни» – значит «храм Господень».

Учитель: «Сил» – значит «воинств небесных», т.е. ангелов. Переведите же, дети, теперь весь стих хорошенько.

После перевода учитель может спросить: «О чем говорится в прочитанном?» Если дети перевели связно, то этот вопрос учителя не поставит их в затруднение. Впрочем, если перевод начался хорошо, то учитель может спросить передать содержание читаемого уже по переводе обоих стихов, т.е. 2го и 3го, – это даже удобнее, потому что дети лучше могут заметить связь между мыслями обоих стихов и будут передавать их содержание более свободно, не стараясь припоминать каждое из прочитанных слов.

Переводят 3-й стих.

Учитель. "Желает" – есть такое русское слово? Можно, значит, его оставить и не заменять никаким другим словом?

«Скончается» – о значении этого слова дети сами едва ли догадаются. Поэтому учитель говорит, что это значит: «до конца желает», т.е. «сильно желает». Чего же желает душа? Где желает быть? Благодаря этим вопросам дети видят связь слов и догадываются о мысли 3го стиха.

Дети. «Быть во дворах Господних».

Они догадываются, что и «дворы Господни» означают «храм». Читают и переводят далее каждое слово в отдельности.

Учитель. Как это плоть может возрадоваться? Когда человек бывает чему-нибудь очень рад, что бывает на его лице, что бывает вообще с его телом?

Ученики. На лице заметна бывает улыбка, смех, иногда человек даже скачет от сильной радости.

Учитель. Кто здесь называется «Богом живым», какие боги называются мертвыми?

Ученики. Языческие боги -идолы, потому что они не видят, не слышат, они не живые.

Учитель. Перескажите же весь стих 3-й порусски связно и скажите, о чем вы прочитали в нем.

Если дети будут затрудняться передачею содержания, то учитель может заставить детей прочитать еще раз стихи 2-й и 3-й или задает наводящие вопросы, вроде следующих: что говорится здесь о селениях Господних? (какими они кажутся пророку?); что говорит пророк про дворы Господни, т.е. про храм (хорошо ли ему быть в храме, как же он говорит про это)? Вопросы, заключенные в скобках, задаются лишь в

случаях необходимости, если дети по первым вопросам содержание прочитанного не воспроизведут.

Читают далее и переводят стих 4й, точно так же слово за словом. Перевод этого стиха менее представляет затруднений для детей. Труднее для них связь предложений в стихе и самая мысль стиха. Чтобы облегчить детям понимание связи и мысли, учитель добавляет в первом предложении союз «как» («ибо как птица нашла»), во втором – «так» («так для меня алтари Твои, Господи»). С чем же, значит, пророк сравнивает жертвенник Господа? (Зачем это пророк говорит о птице, о горлице? Значит, ему так же приятно быть у жертвенника Господня, как кому?) Вместе с ответом на этот вопрос дети уясняют мысль 4го стиха и без труда могут передать его содержание.

Читаются стихи 5-й и 6й. 5-й не затрудняет детей, в 6-м необходима помощь учителя. Чтобы дети перевели связно слова: «Блажен муж, ему же есть заступление его у Тебе», учитель сначала заставляет пересказать по-русски каждое слово в отдельности, потом спрашивает: «Какой муж здесь называется блаженным?»

Ученики: Тот, которому есть помощь от Господа.

Учитель объясняет далее, что «восхождение» значит восхождение на гору, на которой стоял храм. Выражение «в сердце своем положи» для детей может быть понятно, и они могут ответить, что эти слова значат: «подумать в сердце своем». Учитель спрашивает: «О чем же это подумал пророк? О каком восхождении?»

Дети: О восхождении в храм Господень.

После этого учитель заставляет стихи 5-й и 6-й перевести связно и сказать, о чем в них дети прочитали. (Кто называется здесь блаженным? Что положил в сердце своем, что захотел сделать такой человек?)

Дети. Прочитали, что блажен человек, который живет, т.е. постоянно пребывает, в доме Господнем, которому бывает помощь от Бога. Он в сердце своем решил идти в храм Господень.

Читаются стихи 7-й и 8й, переводятся. "Юдоль" – долина, «в плачевней» – долине плача, т.е., добавляет учитель, долине скорбей, бед, которые посетили пророка. Значит, говорит учитель, пророк идет где?

Ответ: По долине плача.

Учитель. Куда идет? Как далее сказано?

Ответ. «В место, еже положи», – значит в храм Господень, куда пророк хотел идти.

Учитель. Почему же пророку так хочется идти в храм Господень, хотя ему нужно идти по долине скорбей, встречать разные беды в своей жизни?

Как об этом говорится далее?

Ученик читает: «Ибо благословение даст законополагаяй».

Учитель. Кто это называется «законополагаяй»?

Ответ. Бог.

Учитель. Итак, почему пророку так хочется идти в храм Господень?

Ученик. Потому что Бог даст Свое благословение пророку, когда придет в храм Божий.

При переводе 8-го стиха учитель объясняет слова: «пойдут от силы в силу». Они означают «будут восходить от силы в силу», т.е. те люди, которые приходят в храм Господень, будут получать от Господа все более и более силы, – им не трудно, все легче и легче будет жить так, как угодно Богу, им явится Сам Бог в Сионе, т.е. Сам Бог будет помогать им. Сделав такое объяснение, учитель может заставить детей повторить его и для этого спросить: «Что же значит «пойдут от силы в силу» (про каких это людей говорится и что значат слова, которые сказаны о таких людях: «пойдут от силы в силу»)»? Что значит – «явится Бог богов в Сионе»? Почему Господь называется «Богом богов»? Если дети повторят объяснение учителя, то им не будет особенно трудно передать содержание стихов 7го и 8го; учитель, в случае затруднения, может задать такие вопросы: почему пророку хотелось быть в храме Господнем, хотя и терпит он разные скорби, как об этом говорит он (стих 7-й)? Что говорит об идущих в храм Господень (стих 8-й)?

Таким же образом разрабатывается весь псалом. По разборе всего псалма учитель может заставить детей прочитать весь псалом снова, но требует при этом чтения вполне осмысленного и выразительного, чего трудно было достигнуть, пока дети не понимали псалма, задавая вопросы более общие, чем задавал при первоначальной передаче содержания псалма учениками, например: что говорит пророк в псалме о храме Господнем? что говорит о тех людях, которые постоянно находятся в храме Господнем и идут туда?.. Может, наконец, учитель заставить детей определить общий предмет псалма по вопросу: о чем говорится во всем этом псалме? (О том, как хорошо быть в храме Господнем.)

Конспекты уроков по Закону Божию и славянскому языку

Конспект урока по славянскому языку в среднем отделении совместно со старшим на педагогических курсах 10 июля 1908 года¹⁹

Учитель имеет в виду главным образом среднее отделение, но привлекает к работе и старшее. Хотя вообще соединять отделения для совместной работы на уроках славянского языка неудобно, вследствие значительной разницы в познаниях, ведущей к излишней трате времени при совместной работе отделений, однако на сей раз отделения были соединены; цель соединения была та, чтобы помочь детям среднего отделения при первых опытах связного перевода со славянского языка на русский и показать, чего они сами со временем могут достигнуть; впрочем, дети старшего отделения должны были еще помочь в объяснении мыслей читаемого текста, делая и некоторые новые самостоятельные выводы из текста сравнительно с тем, что известно было им из Священной Истории. Дети младшего отделения должны были и принимать некоторое участие в работе среднего и старшего отделений, а кроме того, в промежутки между занятиями, во время которых детям среднего и старшего отделений предоставлялось заниматься самостоятельно, младшим предполагалось сообщить несколько новых сведений по Закону Божию.

Предметом урока была избрана притча о сеятеле, с которой, как известной детям из вчерашнего урока по Закону Божию, дети легче могли справиться: предварительная подготовка к чтению текста была совершенно необходима для детей среднего отделения, только приступавших к сознательному чтению текста. Предложив детям младшего отделения вспомнить, что изображено на показанной вчера картинке, изображающей семилетнего отрока – преподобного Сергия и старца монаха, а потом попросив детей в общих чертах по вопросам вспомнить содержание притчи о сеятеле, учитель спрашивает детей среднего отделения, в какой книге записано учение Иисуса Христа, Его чудеса и пр. Дети среднего отделения отвечают, что в Евангелии. Потом, чтобы дать возможность принять участие в работе и детям младшего отделения, учитель спрашивает их, слышали ли они, как в церкви священник или диакон читают, когда несут по церкви Евангелие, большую книгу в золотом переплете; оказывается, что и после подобного наглядного напоминания никто из детей не обнаруживает ясных

воспоминаний об Евангелии. Чтобы название «Евангелие» сделалось детям младшего отделения более или менее понятно, учитель говорит, что это книга, в которой записано, как Иисус Христос учил (например, при море, – показана была картина), как Он исцелял больных, как был распят на Кресте (последним указанием учитель ставит в связь сообщаемые сведения об Евангелии с обнаруженными уже у детей вчера сведениями). Потом учитель дает детям картины с изображением сеятеля и заставляет рассказать, что на них изображено (Ответ: «Человек бросает семена». – Что в руке у него? где он находится? почему недалеко от него крестьянин и лошадь с сохой?). Таким образом, работа детей младшего отделения становится в некоторую связь с работой среднего и старшего отделений, и дети младшего отделения получают возможность принять некоторое участие в работе среднего и старшего отделений, частью же вспомнить по картинам сообщенные вчера сведения.

Затем начинается чтение текста. Учитель предупреждает детей как среднего, так и старшего отделений, что они должны внимательно следить за чтением и каждый раз поднимать руку, когда заметят ошибку; читающему же говорит, чтобы он читал громче, чтобы его все слышали; впоследствии это требование настойчиво несколько раз повторяется.

Оказывается, дети среднего отделения читать могли только очень плохо, и их приходилось учить самому механизму чтения. Слово, с трудом разбираемое читающим, учитель заставляет самого читающего разбирать по складам, затем повторять, иногда не один раз, пока слово не будет прочитано правильно. Чтобы достигнуть плавности чтения, учитель прежде всего заставлял несколько раз, смотря по надобности, прочитать других детей ту же точку, затем настаивал, чтобы дети не останавливались после каждого слова, а читали пославянски, как порусски, показал пример плавного чтения, заставлял читать и старших.

При переводе оказалось, что дети среднего отделения не без труда справляются даже с такими словами, которые отличаются от русских одними окончаниями, например: той, изшед, собращася и т.д. Приходилось обращаться то к другим детям среднего отделения, кроме читающего, то к детям старшего отделения. Переводят дети слово за словом, причем о каждом слове славянском спрашивается, похоже ли оно на русское и следует ли его заменять русским. – О значении слова «той» дети догадываются, когда им напоминает, что при указании на какой-либо предмет мы не говорим «той», а как? – Ответ: «Тот». – Слово «изшед» переводят «вышел», а дети старшего отделения говорят, что можно перевести «вышедши». – Слово «Иисус» написано под титлом, и

ученики, оказывается, не знают хорошенько или забыли название «титло»; значение этого знака дети среднего отделения тотчас определяют, как скоро предлагается им посмотреть, так ли напечатано слово Иисус (не сполна), как дети его прочитали (сполна); дети делают общий вывод относительно тех случаев, когда ставится титло. – Слова «седяше» и «при море» не представляют особенного затруднения, но учитель пользуется случаем обратить внимание на оттенок, придаваемый слову славянской формой прош. нес. времени «седяше» – «сидел» в отличие от «сел» (это отличие указывают дети старшего отделения); обращает внимание на окончание в слове «мори», спрашивая, так ли нужно сказать по-русски.

Тотчас по переводе нескольких слов учитель требует от детей осмыслить переведенные слова – по вопросам: про кого говорится? куда вышел Иисус? откуда? где Он сел? На первых порах и такой подробный разбор предложения оказывается необходимым, потому что внимание детей, слишком занятое самим механизмом чтения, не сосредоточивается в надлежащей мере на смысле читаемых слов.

Кроме пословного точного перевода, учитель требует и связного перевода. Для этого он заставляет детей снова повторить переведенное сразу; просит и детей старшего отделения показать пример связной речи, получаемой чрез перевод славянского текста. Частью учитель помогает связности перевода и вышеозначенными вопросами, выясняющими взаимную зависимость слов в предложении. Расстановка слов в первой точке почти соответствует русской, так что учителю не приходится изменять порядок слов для большей ясности и смысла взаимной зависимости слов в предложении.

Покончив, таким образом, с первой точкой, учитель переходит к детям младшего отделения, сказав детям старшего и среднего отделений, чтобы они пока подумали, как перевести далее. Заставив детей младшего отделения вспомнить сказанное им вчера, что они перед началом урока молились Богу, чтобы Он помог учиться (это учитель делает, предлагая детям младшего отделения повторить по вопросам содержание картинки с изображением преподобного Сергия отрока, данной в начале урока, и из содержания ее сделать приложение к своей молитве пред началом урока), учитель продолжает речь о молитве. Он спрашивает детей, когда они еще молились. Дети вспоминают, что молились утром, вечером, пред обедом и после обеда, молились за папу и маму и т.д. Учитель спрашивает детей, о чем они молились пред обедом, чтобы Бог подал – что? – Ответ: «Хлеб». – Учитель заставляет детей вспомнить о других родах пищи и вводит в бедный запас их слов новое, общего значения, слово «пища». Спрашивает

также детей, о чем они молились, когда делались больными папа, мама, брат, сестра. –

Ответ: «Чтобы они не были больны». – Учитель добивается, чтобы дети научились заменять эти слова словами: «сделались здоровыми», «выздоровели». При бедности языка и вводить подобные простые слова приходилось посредством вопросов (были больны, а потом какими стали? Ответ: «Не больны». – Не больными, или какими стали? Вот вы сейчас здоровы или больны? – Ответ: «Здоровы». – Значит, и про папу или маму можно сказать: «сделались какими?». (Ответ – здоровыми, или выздоровели).

Так как дети, только поступившие в школу, от самостоятельной (говоря относительно) работы очень скоро утомляются, то учитель меняет работу: он спрашивает детей, где они молились, кроме класса и дома, где особенно часто. – Ответ: «В церкви». – Учитель дает им фотографии или иные изображения храмов местных и других, предлагая посмотреть, похожи ли храмы на обыкновенные дома, чем не похожи. Нет ли среди изображений храмов знакомых?

Потом учитель опять переходит к детям среднего и старшего отделений. Читается 2я точка. Употребляются те же приемы чтения, исправления ошибок, перевода точного, связного, осмысленного. – Слово «собрашася» пока оставляется без перевода и легче переводится после слов «народи мнози». Чтобы детям стало более ясным окончание «и» вместо русского «ы» в слове «народы», учитель говорит: послavianски говорится «апостоли», а порусски как нужно сказать? По этому слову дети без труда догадываются, как перевести и слово «народи». Слово «мнози» после слова «народи» по смыслу легко переводится. Затем переводится без затруднения и вся фраза: «собрашася народи мнози»; дети догадываются, что слово «собрашася», относящееся к «народи мнози», нужно заменить словом «собрались». Потом детям предлагается сказать эту фразу так, как лучше, красивее было бы порусски. Дети отвечают: «собралось народу много» или «много народа». – Слово «якоже» пока оставляется без перевода. – Слово «в корабль» дети легко заменяют словом «в лодку», вспоминая картину (учение народа из лодки). – «Влезти» и «сести» не представляют затруднения. Смысл фразы становится ясным, но всетаки слово «якоже», оказывается, было неизвестно и детям старшего отделения. Учителю приходится сказать, что оно значит в данном месте «так что» (предполагалось записать это слово на доску, как попутно потом записывать и некоторые другие из отрывка Мф. 13, 1–9, смотря по степени знакомства детей с славянскими словами, например: ова, позобаша, идеже,

абие, зане, может быть, также се, да – чтобы; прочие, сходные по корню с русскими, не предполагалось записывать); затем тотчас же дано детям понять, какое значение имеет выражение «так что» во фразе: «якоже Ему в корабль влезти и сести»; произнося всю фразу, дети замечают оттенок, придаваемый выражению «так что». Затем славянское построение фразы заменяется русским: «так что Он вошел в лодку и сел»; это делается при помощи детей старшего отделения.

В таком роде предполагалось разрабатывать и весь отрывок. Слишком медленная в начале урока, но требовавшая возможно большей самостоятельности работа уже значительно легче стала совершаться на втором предложении после основательной разработки первого.

Оставшиеся минуты урока учитель посвящает младшему отделению, заставляя детей отвечать на вышеозначенные вопросы (о храме); дети дают ответы почти на все вопросы при некоторой помощи учителя, предлагающего детям обратить внимание на крест вверху и под крестом на главу и купол. Означенные сведения понадобятся детям на уроках богослужения, начальные познания о котором необходимо сообщать и детям младшего отделения.

Конспект урока по Закону Божию в младшем и среднем отделениях совместно со старшим, данного на педагогических курсах в г. Петрозаводске 9 июля 1908 года²⁰

Чтобы дать детям младшего отделения несколько присмотреться к новому для них лицу, учитель сначала объявляет, что сегодня будет заниматься с ними он по Закону Божию.

Затем, приступая к главному предмету урока – к изложению притчи о сеятеле, – учитель сначала напоминает детям среднего и старшего отделений о знакомой им картине в Братском Назариевском доме, на которой изображено учение Господа на море из лодки, и просит пока детей вспомнить, что изображено на картине. Детям среднего отделения при этом дается фотографический снимок картины, старшим предлагается вспомнить без его помощи.

А сам учитель в это время переходит к младшему отделению и спрашивает детей, что они сделали, когда пришли в класс, прежде чем начался урок. Дети проявили такое неуменье справляться с самыми простыми, притом скудными у них понятиями и запасом слов, что не отвечали сразу и на этот вопрос. Им пришлось напомнить о пении пред уроком, после чего дети сказали, что пели молитву. – Кому же мы молились? – И на этот вопрос ответили не сразу, но всетаки сказали: «Богу». Затем, чтобы дети могли принять некоторое участие в работе среднего и старшего отделений (самостоятельной работы, очевидно, нельзя было дать никакой по Закону Божию), учитель указывает детям младшего отделения на икону и спрашивает, кто на ней изображен. Дети затрудняются. Тогда учитель указывает им на Крест с изображением распятия, и дети, вспоминая слышанное в семье, говорят, что на Кресте распят Иисус Христос. Учитель спрашивает, кто – Иисус Христос, простой ли человек, как мы? Если мы сейчас молились Ему (Он на иконе изображен), то, значит, Кто – Он? Мы ведь молимся-то Кому? – Богу. – Значит, Иисус Христос – Кто? – Бог.

Переходя к среднему и старшему отделениям, учитель говорит детям младшего, что Иисус Христос, когда жил на земле, то постоянно учил народ в разных местах. Затем учитель спрашивает учеников среднего и старшего отделений: что же изображено на картине в Братском доме – что делает Иисус Христос? где Он стоит? кто на берегу? почему Иисус

Христос учит из лодки? (поср. вопрос: почему я, когда говорю с вами, становлюсь немного подальше от вас? Ответ: потому что тогда виднее того, кто говорит) что делает народ? (поср. вопрос: почему народ смотрит на Иисуса Христа? Ответ: потому что он слушает Иисуса Христа? – А когда слушают когонибудь, то куда смотрят? например, когда я говорю?). То же самое по принесенной картине спрашивает учитель у младших, показывая на Христа, стоящего в лодке, народ, находящийся на берегу, и прося объяснить все.

После этого учитель переходит к самому рассказу. Предметом урока избрано учение Господа, а не одно из событий евангельских, на которые иногда обращается в школах почти исключительное внимание. – Детям среднего отделения притча о сеятеле еще неизвестна, а дети старшего отделения, изучавшие уже ее в предыдущем году, должны были отчасти повторить изученное, отчасти восполнить и более осмыслить свои сведения, отчасти помочь детям среднего отделения, которым усвоение учения Господа дается на первых порах очень нелегко.

Рассказ притчи идет близко к евангельскому тексту по всем трем евангелистам. – Учитель пока не упоминает слово «притча» с целью заставить потом учеников старшего отделения самостоятельно вспомнить это слово, объяснить его, притом аналитически, на основании содержания притчи и сравнения ее с баснейю. – Так как рассказ прост по словесному выражению, то пришлось объяснять попутно при рассказе только некоторые слова («заглохло», «терние», 30, 60, 100 «крат»). Эти слова были объясняемы детьми старшего отделения; слово «терние» – худая, дурная или сорная трава – сближено с выражением «терновый венец», и так как для учеников среднего отделения все же слово казалось по своему звуковому составу не совсем ясным, то слово было написано на доске.

Передав содержание притчи, учитель предварительно спрашивает детей старшего отделения, где упало первое семя, второе, третье, четвертое; таким образом, ученикам сразу становится ясным план притчи, порядок в ней мыслей. Чтобы облегчить запоминание, учитель старается установить причинную связь между явлениями, указанными в притче: если семя упало при дороге, то, спрашивает учитель, что с ним должно было сделаться? (поклевали птицы, потоптали прохожие), если пало на каменистой земле, где земли было немного и негде было пустить корней, если – в терние? Повторяют сначала дети старшего отделения почти без вопросов; если забывается какая-либо подробность или перепутывается порядок изложения, отвечающего дополняют и исправляют другие дети старшего

После связного изложения притчи детьми старшего отделения учитель (заранее предупредивши прочих детей, чтобы слушали старших) спрашивает детей среднего, сначала лучших, потом и худших. Показывается картина, изображающая сеятеля, причем дети должны объяснить значение картины (кто изображен на картине? что делает? где находится? куда бросает семена?). Рассказывают дети притчу по частям, так что отвечать приходится большому количеству детей. Детям среднего отделения и после рассказа старших приходится еще задавать некоторые вопросы; так, иные забыли начало рассказа, и им пришлось напоминать начало вопросом: где учил Иисус Христос народ? затем – спросить: какими словами Господь окончил притчу, чтобы ее слушали внимательнее? Дети передавали притчу свободно, своими словами; неправильности в выражениях отвечающего исправлялись другими детьми среднего или старшего отделения (например, смешение слов: «заглохло» и «заглушило»).

После того как дети среднего отделения усвоили более или менее удовлетворительно содержание притчи, учитель дает им Евангелия, старшему отделению – славянские, а среднему – русские (потому что со славянским текстом дети среднего отделения не могли бы еще разобраться), чтобы повторить притчу, вместо учебника, по самому Евангелию.

А сам учитель переходит в это время к младшему отделению. Последнее прислушивалось к рассказу притчи старшим и средним отделениями (причем напоминалось детям младшего отделения, что скоро и им придется отвечать). Теперь учитель, показывая картину с изображением сеятеля детям младшего отделения, заставляет объяснить ее содержание по вопросам: что делает человек, который изображен на картине? куда падает семя? на какую землю? Ответ при неразвитости детей требуется дать только в самых общих чертах.

Затем учитель продолжает с детьми младшего отделения беседу о молитве. Заставив детей вспомнить сказанное в начале урока, т.е. что перед уроком они молились Богу, учитель спрашивает, почему нужно было помолиться Богу, могли ли бы дети хорошо учиться, если бы не помолвились? Значит, о чем же молились? Ответ: о том, чтобы Бог дал хорошо учиться. Учитель старается обогатить язык детей новым понятием о «помощи» Божией и спрашивает, как можно было бы сказать вместо «дал учиться». – Вот я, говорит он, не мог сам сдвинуть доску с места, мне помог другой учитель. И Богу-то нужно молиться перед началом урока зачем? – Дети, прислушавшись к слову «помог» в приведенном примере,

говорят: «Мы молились пред уроком, чтобы Бог помог учиться хорошо».

Этот вывод учитель закрепляет кратким рассказом о детстве преподобного Сергия, который не мог хорошо учиться, пока не помог ему Бог по молитве одного монаха. По картинке по вопросам учителя дети передают ее содержание (кто этот мальчик? где он находится? кто под деревом? что делает монах? что сказал святой Сергий монаху? что сделал монах после этого? как стал тогда учиться святой Сергий? почему стал хорошо учиться?). Так как учитель нарочно подчеркивает при рассказе сказанное о помощи Божией, то дети усвоят это понятие и говорят, что пред началом урока нужно молиться о том, чтобы Бог помог хорошо учиться. Рассказ по картинке несколько развязал язык детей, которые и самыми простыми словами не могли сначала пользоваться по недостаточному еще упражнению в речи и в необычной для них обстановке.

Конспект урока по катехизису в старшем отделении совместно со средним, данного на педагогических курсах в г. Петрозаводске 12 июля 1908 года²¹

Предмет урока – учение о таинстве Святого Причащения. Учитель имеет в виду главным образом старшее отделение; среднее должно лишь принять участие в работе, а младшее тоже отчасти предполагается привлечь к работе старшего и среднего, в случае же возможности продолжить с ним и начатые раньше занятия (о молитве и ее видах); впрочем, за недостатком времени последнее не осуществлено.

Учитель предполагает отвлеченное катехизическое учение о Святом Причащении для большего оживления урока поставить в непосредственную, живую связь с учением Господа об этом таинстве в Капернаумской синагоге (учение Господа необходимо излагать подробнее, хотя бы некоторые отдели не требовались программой Священной Истории). – Так как беседа находилась в тесной связи с чудом насыщения пяти тысяч пятью хлебами и чудесным хождением Господа по водам (Ин. 6), то учитель заставляет сначала вспомнить детей старшего отделения (дети среднего отделения не проходили) историю чудесного насыщения. Он дает картину детям старшего отделения и заставляет в существенных чертах рассказать о чуде. Картину потом учитель показывает детям среднего отделения, заставляя объяснить ее подробности (корзины с кусками хлеба, особенности пустыни, которые можно заметить на картине), равно как и младшим, у которых оставляет ее. –

Затем учитель говорит, что чудо насыщения было на одной стороне озера, но Иисус Христос оказался потом в Капернауме на другой: Он с учениками не сел в лодку, и это видел народ; Он пришел к ученикам по водам²². – Показывается и объясняется таким же образом детям среднего и младшего отделений и картина, изображающая хождение Господа по водам. – После того учитель заставляет еще детей старшего отделения вспомнить о впечатлении, произведенном чудом насыщения (понравилось ли чудо насыщения народу? и как понравилось? что хотели сделать с Иисусом Христом после чуда?). Дети вспоминают, что после чудесного насыщения народ хотел сделать Иисуса Христа насильно царем, чего не делал после, например, исцелений больных. Народу понравилось, что Иисус Христос насытил его хлебами, и вот Господь сказал народу, что есть другая пища, кроме хлеба, пища для души.

Таким образом, после предварительных объяснений обозначается общий предмет беседы. – «Вспомните, дети, что это за пища». Дети не вспоминают, и им указывается на 4е прошение молитвы Господней. Некоторые дети говорят, что для души пища – не хлеб, а причащение Святых Таин Тела и Крови Христовых. Учитель дополняет (сам, чтобы не отвлекаться надолго от главного предмета урока) их ответ, говоря, что пищу для души составляет еще Слово Божие и молитва; некоторые святые, когда занимались Словом Божиим и молитвой, совсем забывали о пище для тела, как бы Слово Божие и молитва заменяли ее (этот пример приводится для того, чтобы понятие о пище духовной сделалось для детей более наглядным). Дети среднего отделения говорят, что причащаются верующие Тела и Крови Христовых. Детей младшего отделения учитель, прибегая к приемам наглядного напоминания, спрашивает, причащались ли они, видели ли, как причащают детей, на какой службе, из чего? Чтобы дети ответили на последний вопрос, учитель показывает изображение чаши и спрашивает, как называется эта вещь. Затем, пользуясь ответом на последний вопрос, учитель дает детям картину причащения Господом учеников, и дети, видя чашу, говорят, что на картине изображено, как Господь причащает учеников Своих.

После означенной подготовки начинается самая передача содержания беседы в Капернауме о таинстве причащения. Передается евангельский рассказ с сокращениями, некоторыми упрощениями и попутными объяснениями, но все же по возможности ближе к тексту евангельскому. Учитель еще раз для связи напоминает, что чудо насыщения понравилось евреям. И вот Иисус Христос сказал им: «Вы ищете Меня не потому, что видели чудо и хотите уверовать в Меня, а потому, что ели хлеб и насытились; старайтесь (заботьтесь) не о пище тленной, но о пище, которая дает жизнь вечную. И эту пищу даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6, 26–27). Приходится детям попутно выяснить, что чудеса творил Господь для того, чтобы в Него уверовали, а также и то, почему хлеб и т.п. называется пищей тленною (что делается с телом по окончании жизни? сохраняет ли хлеб жизнь тела навсегда?), кто называется Сыном Человеческим. При помощи вопросов дети соображают все это сами (говорят, что тело человека «истлевает» по смерти и пища, которая не сохраняет тело от тления и смерти, называется «тленною»). Кроме того, выясняется и то, как причащение Святых Таин дает жизнь вечную, если все причащающиеся умирают. Дети доводятся до сознания, что здесь разумеется жизнь или смерть не тела, а души. Чтобы дети поняли, что такое смерть души, им напоминает притча о блудном сыне, который

«мертв был и ожил», пропадал и нашелся. Из этой притчи дети легко сами делают вывод, что душа умирает от грехов, а оживает, когда человек обращается к Богу. Здесь ученик останавливается и ввиду трудности запоминания детьми беседы, изложение которой приходилось прерывать объяснениями, снова повторяет беседу сначала; затем дети старшего отделения повторяют сказанное по вопросам (понравилось ли чудо насыщения иудеям? что Господь Иисус Христос сказал им, когда они Его искали? о чем велел заботиться наше тело. Повторение совершается несколько раз (в некоторых частях собственными словами детей, несколько иначе, чем сказал учитель), причем отвечающего дополняют другие дети, иногда же сам учитель, когда точнее нужно напомнить слова Господа (а не одну мысль, правильно переданную детьми своими словами).

Затем начинается 2-я часть рассказа. Иудеи не поняли, о какой пище сказал им Иисус Христос (когда говорил: «старайтесь о пище, которая дает жизнь вечную»), подумали, что Господь сказал о пище обыкновенной, и вот они вспомнили, как Моисей насытил отцов их в пустыне манною с неба (попутно история вспоминается частью детьми старшего, частью – среднего отделения): они сказали Иисусу Христу: «Отцы наши ели манну в пустыне; Ты какое чудо сделаешь, чтобы мы уверовали в Тебя?» Им хотелось непременно, чтобы Иисус Христос совершал такие чудеса, как насыщение манною. Иисус Христос сказал им, что манна – не истинная пища, потому что не сохраняла от смерти: "отцы ваши, – говорил Господь иудеям, – ели манну в пустыне и умерли; а хлеб, который Я дам, таков, что, кто ест его, не умрет... И этот хлеб... есть Плоть Моя, которую Я отдам за грехи мира" (Ин. 6, 49–51). При этом дети среднего отделения объясняют, что Господь отдал Плоть Свою тогда, когда был распят на Кресте. Дети младшего отделения тоже вспоминают то, что с ними учитель говорил ранее о распятии Господа на Кресте. Потом учитель спрашивает детей среднего отделения: чего же, значит, мы причащаемся? Ответ: Святых Таин Тела и Крови Христовых (дети младшего отделения тоже говорят это). Учитель напоминает также, что хлеб (просфора) и вино на литургии становятся истинными Телом и Кровию Христовыми, хотя по виду остаются не похожи на 2я часть рассказа, переданная учителем дважды, после этого повторяется несколько раз детьми старшего отделения при участии и среднего отделения. Вопросы при этом задавались следующие: поняли ли иудеи, о какой пище сказал Господь (заботьтесь о пище, которая даст жизнь вечную)? что они вспомнили при этом и сказали Иисусу Христу? что ответил им Иисус Христос? истинная

ли пища была манна? какая – истинная?

Начинается 3я часть. Когда иудеи услышали, что Господь хочет дать есть Плоть Свою, то начали роптать на Него и говорили: «Как Он может дать нам есть Плоть Свою?» Иисус Христос опять повторил: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Плоть Моя есть истинная пища, и Кровь Моя – истинное питание. Не так, как отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; кто будет есть хлеб, который Я дам, будет жить вовеки» (Ин. 6:52–53, 55, 58). Следует воспроизведение по вопросам: что иудеи сказали Иисусу Христу, когда Он обещал им дать есть Плоть Свою? что Он ответил, когда они начали роптать? что сказал о Самом Телe и Крови Христовой? как закончил беседу? такой ли хлеб, как манну, Он обещал дать?

После того учитель делает общий вывод из беседы о необходимости таинства причащения: зачем нужно это таинство? кроме хлеба обыкновенного, который нужен для тела и не сохраняет от смерти, какой хлеб нужен человеку? Ответ: Тело и Кровь Христовы. – Для чего же нужно причащение Святого Тела и Крови Христовой? Ответ: для того, чтобы иметь жизнь вечную для души.

Этот вывод учитель закрепляет сравнением, заимствованным из речи Самого Господа. Так как дети младшего отделения во время усвоения беседы детьми среднего и старшего отделений могли принимать сравнительно мало участия (и дисциплину в младшем отделении учителю приходилось поддерживать иногда лишь тем, что он становился около детей младшего отделения), то учитель спешит перейти к младшему отделению. Он спрашивает, видели ли дети младшего отделения деревья и могут ли сказать, из чего состоят деревья (рисуеться схематическое изображение дерева и указываются части его – ствол и ветви). Учитель спрашивает еще детей, что было бы с веткой, если бы ее отсечь от ствола. Ответ: она засохла бы. – Учитель: значит, она перестала бы жить, как живет дерево. Так не могут иметь жизни вечной и люди, которые не веруют в Иисуса Христа и не причащаются Его Тела и Крови. «Слушайте, дети, что Он сказал об этом (обращается учитель и к детям среднего и старшего отделений): «Я – ...лоза виноградная... Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы (ученики Мои), если не пребудете во Мне. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Ин. 15:1, 4, 6).

Мысль о том, что нельзя жить без веры в Иисуса Христа, учитель для большей живости подтверждает примером евреев, не веровавших во

Христа, у которых город Иерусалим был разрушен, так что не осталось в нем камня на камне; во время осады был великий голод, так что люди ели нечистоты; одна мать даже решилась употребить в пищу свое дитя; многие от великих бедствий желали лучше умереть, чем жить. Указывает также учитель на самоубийц, которые сами оканчивают жизнь свою; а почему? потому что бывают неверующими искренне во Христа, без Которого тяжело и нельзя жить человеку. Предполагалось привести еще несколько примеров, показывающих необходимость и важность самого Святого Причащения, а также сделать общее определение этого таинства, но за недостатком времени все означенное отложено до следующего раза.

Конспект урока по катехизису в старшем отделении совместно со средним и младшим на педагогических курсах в г. Петрозаводске 15 июля 1908 года²³

Урок составляет продолжение данного 12 июля урока о таинстве Святого Причащения

В начале урока учитель, имея в виду, с одной стороны, одну из существеннейших задач преподавания Закона Божия в школе, именно: теснее вводить детей в жизнь святой Церкви, с другой – желая сделать выводы, необходимые для самого урока, спрашивает детей, какое сегодня число и какого месяца, почему слышался сейчас звон в соседней архиерейской церкви. Один из детей старшего отделения говорит, что сегодня праздник в честь святого равноапостольного князя Владимира, но кто он был, дети не знали. Учитель кратко сообщает, что это был русский князь, при котором земля Русская в 988 году крестилась в Киеве на реке Днепре. Показывается картина крещения Руси, и дети говорят, кто на ней изображен; картину рассматривают дети всех отделений. Учитель старается кратко разъяснить важность этого события: ранее князь Владимир и русские люди поклонялись идолам, жили во грехах, а когда крестились, узнали истинного Бога Иисуса Христа, сам Владимир и многие русские сделались святыми. Чтобы дети младшего отделения приняли участие в работе, учитель спрашивает, крестились ли они, видели ли, как крестят детей (чтобы дети не смешивали крещения с крестным знаменем), помнят ли, как их самих крестили.

Чтобы перейти к предмету урока, в частности сначала подойти к определению таинства причащения, учитель спрашивает детей, не знают ли они, как назвать одним словом крещение, исповедь, причащение, соборование... Дети не знали, и учитель сообщает название: таинство. Подробно это название не уясняется (цель урока иная), но отчасти раскрывается. Тотчас название сближается с известным уже детям названием причащение Святых Таин. Чтобы слово таинство еще более уяснилось в сознании детей, учитель спрашивает, что сделалось со святым Владимиром, когда он крестился: кем он был (язычником, грешником), кем сделался после крещения (христианином, святым), – понятно ли для нас, как это сделалось? Ответ: нет, непонятно; учитель добавляет: таинственно. – А что непонятно или таинственно для нас в таинстве Святого Причащения? – Чтобы легче дети ответили на этот вопрос,

учитель показывает детям просфору (дети называют ее; в том числе и младшее отделение), спрашивая, из чего готовится хлеб для Святого Причащения, куда полагается он, что в чашу еще вливается. А причащаемся мы просто ли хлеба и вина? Ответ: нет, истинного Тела и Крови Христовых. – Учитель дополняет ответ детей: значит, мы видим хлеб и вино, а причащаемся под видом хлеба и вина истинного Тела и Крови Христовых. Понятно ли это для нас? Ответ: нет, непонятно, таинственно (добавляет учитель). После этого делается и определение таинства причащения. Что такое причащение? Ответ: таинство. – Какое? – Ответ: такое, в котором под видом хлеба и вина мы причащаемся истинного Тела и Крови Христовых. – Хотя к этому определению дети подведены были со строгою постепенностью, но все же при непривычке их к точным догматическим определениям приходится определение повторить неоднократно (детям старшего и среднего отделений) – отдельным детям и всем вместе.

После этого учитель говорит детям, что он напомним им все сразу (не по частям) и точнее учение Иисуса Христа в Капернауме о причащении Его Плоти и Крови. О чуде насыщения пяти тысяч пятью хлебами и хождении по водам учитель упоминает лишь кратко для связи (когда Иисус Христос насытил пять тысяч человек пятью хлебами, то Он перешел по водам озера на другую сторону, в Капернаум; иудеи искали Его и т.д.). Потом рассказ воспроизводится детьми старшего и среднего отделений, а младшие попутно рассказывают в общих чертах об означенных чудесах Господа, вспоминая показанные на прошлом уроке картины; показывается также (детям младшего и среднего отделений) и объясняется детьми при помощи учителя картина собирания евреями манны в пустыне (которой нельзя было показать в прошлый раз).

Затем учитель переходит к выяснению детям значения и необходимости Святого Причащения. Посредствующими вопросами (среднее и старшее отделения) были: достаточно ли для человека одного обыкновенного хлеба, чтобы не умереть? какой хлеб хотел подать Иисус Христос? Ответ: такой, который дает жизнь вечную человеку. – Для более ясного представления о жизни вечной учитель опять напоминает детям притчу о блудном сыне (показывается картина детям всех отделений, и ими объясняется при помощи учителя), который «был мертв и ожил, пропадал и нашелся». Дети делают вывод из притчи, что говорится в ней о смерти не тела, а души от грехов; самую же жизнь вечную учитель сравнивает с вечным пребыванием с Богом и блаженством от этого пребывания (как хорошо было блудному сыну жить с отцом в его доме).

Напоминается также (детям всех отделений) уподобление этого общения со Христом тесной связи ветвей со стволом, приводятся снова слова Иисуса Христа о виноградной лозе и ветвях (Ин.15). Так как на предыдущем уроке все это подробно не было разработано по недостатку времени, то теперь и было повторено учителем при участии детей, вспоминая сказанное ранее.

Чтобы еще более запечатлеть в умах детей мысль о необходимости Святого Причащения, учитель спрашивает детей, о чем особенно заботятся родственники, когда умирает кто-либо, кого зовут и зачем. Дети отвечают, что зовут священника для исповеди и причащения Святых Таин, чтобы больной не умер во грехах и не лишился жизни вечной (добавляют при помощи учителя). Потом учитель приводит пример того, как важно и спасительно частое причащение Святых Таин: первые христиане причащались очень часто, иногда каждый день, и вот у них было одно сердце и одна душа, имение свое никто не называл своим, но всякому нуждающемуся уделялось все нужное: такова была любовь у первых христиан, и много было из них святых; не то у современных христиан, которые причащаются очень редко (один раз в год или реже).

Сказав о значении таинства причащения, учитель переходит к установлению его (имея в виду поставить потом уроки по катехизису в связь с уроками по богослужению). На вопрос, когда оно установлено, дети старшего и среднего отделений вспоминают, что на Тайной вечери. Учитель заставляет детей среднего отделения вспомнить о Тайной вечери по вопросам и для облегчения – при помощи картины, которую показывает и младшим, прося указывать лица и вещи, изображенные на картине. Вопросы, по которым дети вспоминали про Тайную вечерю, были следующие: когда была Тайная вечеря, задолго ли до Пасхи (напоминается детям, что в Великий Четверг, когда они причащаются, поется на клиросе: «вечери Твоя тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими», – это для большей связности и запечатления сведений о Тайной вечери у детей)? где была вечеря? как найдена горница? для чего она была приготовлена? что совершил Иисус Христос сначала на вечери? как потом установилось таинство Святого Причащения? Попутно детям напоминает и смысл слова «ломимое», для них не вполне ясный.

Чтобы связать сведения детей младшего отделения с последующим изъяснением литургии, учитель просит указать и самое место, где совершает священник обедню: на рисунке, изображающем внутренность храма, дети указывают алтарь; учитель исправляет слышанные ими ранее неточные названия. – Таким образом, детям младшего отделения, которым

невозможно было пока дать никакой самостоятельной работы по Закону Божию, сообщаются и закрепляются наглядным путем начатки сведений по всем предметам, входящим в состав Закона Божия (после эти сведения будут детям сообщаться полнее, в порядке и связно).

Конспект урока по славянскому языку в старшем отделении, данного на педагогических курсах в г. Петрозаводске 21 июля 1908 года²⁴

Предмет урока – псалом 8-й (выбран псалом, употребляемый на воскресном богослужении, и притом пророческого характера)

Сначала учитель предлагает вспомнить детям старшего и среднего отделений, кто был Давид. Дети говорят, что Давид был царь еврейский и пророк, что он предсказывал, как и другие пророки, особенно о Христе. Чтобы показать детям пример предсказаний о Христе из псалмов Давида, учитель указывает начальные слова 67-го псалма: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!» (Пс.67:2) – слова, столь часто слышимые в Пасху и известные детям. Далее учитель заставляет детей вспомнить, что до помазания на царство святой царь Давид пас овец отца своего Иессея; сообщает, что на востоке и на юге, где дни были очень жаркие, часто пасли стадо ночью (дети вспоминают пастырей вифлеемских); рисует картину неба, освещаемого луною и сияющего звездами, спрашивая, видели ли дети такое небо ночью, любовались ли им и каким оно им казалось; спрашивает, наконец, как называют такую ночь, во время которой на небе светит луна, небо усеяно звездами и так красиво; дети говорят, что называют ее «чудесною»; учитель добавляет: «или чудною – какая, говорят, чудная ночь!» – Всеми этими сведениями дети старшего отделения подготовляются к чтению 8го псалма, а детям среднего отделения сообщается то, что потом будет для них необходимо.

Затем учитель велит детям найти 8-й псалом, причем оказывается, что дети забыли некоторые славянские цифры, и им приходится напоминать об изображении цифры 8 буквою «и» восьмеричным. Сказав детям старшего отделения, чтобы они нашли 8-й псалом и почитали его, учитель пока переходит к среднему отделению с целью подготовить его к самостоятельной работе.

Учитель, заставив сначала детей вспомнить, какое учение Господа им сообщено было в один из предшествующих уроков (притча о сеятеле), велит детям читать притчу под его руководством, потому что дети были еще совершенно не приучены к самостоятельной работе по славянскому языку и читали послavianски очень не бойко. Дети читают, а учитель попутно (кроме 2х первых стихов, уже разобранных ранее при участии учителя) объясняет непонятные слова (например, се, да, ова, позобаша,

абие, зане, я). Слово «притча» объясняется пока, как пример из жизни (полное объяснение оставляется до изъяснения смысла притчи, из которого и предположено вывести его аналитически). Останавливается учитель при чтении и на некоторых таких славянских словах, которые сходны с русскими по корню и не сходны по окончанию или по форме, заставляя детей перевести (например, «на брезе», «сеяй», «падоша», «идеже», «прозябоша»). Значение непонятных слов изъясняется при помощи детей старшего отделения, а значение слов, сходных с русскими по корню, но не сходных по окончанию или по форме, говорят отчасти дети среднего отделения. Некоторые наиболее простые слова (например, присвянуша, корения, изсхоша, подави и т.д.) учителем оставляются без объяснения, чтобы дети догадались о значении их по смыслу при самостоятельном чтении. – Заставив сначала самих детей прочитать первые три стиха, учитель далее читает сам, желая осмысленным чтением облегчить детям и понимание отдельных слов (по смыслу). Подготовив таким образом детей к самостоятельной работе и напомнив детям еще раз, что они должны подумать, как каждое славянское слово, не сходное с русским, заменить русским, а потом рассказать содержание первых девяти стихов 13-й главы Евангелия от Матфея, учитель переходит к старшему отделению.

Ученик читает надписание псалма, из которого видно, что псалом написан Давидом. Остальное приходится объяснить самому учителю.

Он говорит, что слово "псалом" значит «хваление» (священная песнь, в которой содержится прославление Бога). Когда пели псалмы, то играли на музыкальных инструментах; один из них назывался псалтирю; показывается изображение ее. Слова "в конец" означают «для исполнения», т.е. что, когда псалом исполнялся, нужно было играть на музыкальном инструменте. – Слово "о точилех" означает, что псалом нужно было петь при выжимании сока из ягод винограда («точило» – вроде корыта с отверстиями внизу, чрез которые и стекал выжатый сок; другие объяснения слов «в конец, о точилех» пока не приводятся).

Затем ученик начинает читать 2-й стих (первый стих – надписание) и переводить при участии всех детей отделения. Слова «Господи, Господь наш» оставляются без перевода с небольшим лишь приложением («Господи, Господь наш» или «Господи, Боже наш»). "Яко" дети переводят «как»; "чудно" оставляют без перевода и потом заменяют словом «славно»; "имя Твое", т.е. Божие; к пониманию смысла всей фразы дети подготовлены были предварительными напоминаниями в начале урока о том, как Давид пас ночью стада отца своего и любовался небом,

освященным луною и усеянным звездами. – Во второй части точки учитель обращает внимание детей сначала на слова «великолепие Твое» и спрашивает: «Чье это великолепие?» Дети, сопоставляя вторую половину точки с первой (имя Твое – Божие), догадываются, что говорится о Божием великолепии. Чтобы детям был ясен подлинный (сначала буквальный) смысл слова «великолепие», учитель напоминает о великолепных храмах, и дети говорят, что великолепие – это красота, а великолепие Божие – это слава Божия. Слава (великолепие) «превыше небес», говорят дети, значит, «великая слава» (говорят: «прославился до небес» кто-нибудь). После этого дети определяют значение (опять сначала буквальное) слова "взяться" – «поднялась», «вознеслась», или (дополняет учитель) «достигла», «простерлась», «простирается» (чтобы яснее было слово «взяться», учитель напоминает припев Вознесения Господня: «ангели восхождение Владыки зряще удивишася, како со славою взятыя от земли на горняя»). Наконец, становится детям ясным, что слово "яко" во второй половине предложения означает «потому что» (почему чудно имя Божие по всей земле? – потому что слава Его простирается выше небес).

Потом читается 3-й стих. "Из уст" можно заменить «из рта», но чтобы было красивее, нужно оставить «из уст», так как детей, видимо, затрудняла форма "младенец" (род. множ. числа, а не имен. един. числа), то учитель спрашивает: из чьих это уст? Ответ: из уст младенцев. Слово "ссущих", связанное союзом «и» со словом «младенец», сходное по корню со словом «сосать», догадываются дети, относится к детям, питающимся грудью матери, или «грудным детям». "Совершил" хвалу дети переводят «сделать» или «устроил». – « Кто устроил?» – Ответ: «Бог». – «Когда такую хвалу устроил Бог?» Привлекаются к разрешению этого вопроса и дети среднего отделения, вспоминающие, как еврейские дети во время торжественного входа Господа в Иерусалим кричали Ему: «Осанна в вышних!» Таким образом, от буквального смысла легко сам собою делается переход к таинственному, пророческому, непосредственно вытекающему из текста. – «Враг Твоих ради», т.е. врагов Божиих – грешников, неверующих, а во время входа Господа в Иерусалим, вспоминают дети, такими врагами были особенно первосвященники иудейские, книжники и фарисеи; они имели в души и молчали, они боялись, потому что весь народ и даже дети прославляли Иисуса Христа. «Разрушити врага» и значит – «победить его», заставить молчать. "Местника", догадываются дети, когда им напоминает слово «месть», означает человека, воздающего злом за зло и даже за добро. «Еже разрушити» – «чтобы победить».

Связь между стихами 2-м и 3-м (мысль которых, каждого в отдельности, усвоена детьми при переводе их и передаче содержания каждого стиха) устанавливается посредством вопроса: слава Господня очень велика, она по всей земле, простирается выше небес (2-й стих), и что еще про нее в 3-м стихе: кто даже прославляет Господа? Ответ: даже младенцы и грудные дети, а враги не могут ничего сделать Иисусу Христу. Для того, чтобы дети более видели связь слов и предложений, равно как удобнее проникли в смысл целого отдела псалма, учитель читает сам стихи 2-й и 3й; весь псалом в начале урока не читается, потому что без объяснений учителя ход мыслей псалма детям непонятен и из чтения учителя до объяснений они не могли бы почти ничего вынести (оно возможно и в конце урока).

Дети после этого определяют и общую мысль обоих стихов: «весьма велика слава Господня», сопоставляя выражения: «чудно имя Твое», «взятая великолепие», «из уст младенец» (во всех них говорится о том, как велика слава Господня).

Потом учитель проверяет работу среднего отделения, спрашивая, как заменить русскими разные славянские слова.

Конспект урока по Закону Божию, данного на педагогических курсах для учителей церковных и министерских школ в г. Житомире 6 июля 1911 года²⁵

Предмет урока – вступительная беседа с детьми младшего отделения. Среднему и старшему отделениям дается самостоятельная работа: старшему – повторение по Евангелию истории Рождества Христова, Сретения и путешествия 12-тилетнего Отрока Иисуса в храм Иерусалимский (Лк. 2), среднему – история Рождества Христова по книжке Н. Ильминского «Обучение церковнославянской грамоте». Задавая одинаковую самостоятельную работу старшему и среднему отделениям, учитель во 2-ю половину урока предполагает соединить на время для занятий все три отделения. Напомнив детям среднего отделения (при помощи и детей старшего отделения) в общих чертах историю Рождества Христова (о месте рождения Христа, о местожительстве Иосифа и Пресвятой Девы Марии, о пастырях, о явлении ангелов, обрезании), учитель говорит детям старшего отделения, что они будут читать то же о Рождестве Христовом, но, кроме того, должны запомнить поподробнее все, что содержится во 2-й главе Евангелия от Луки (о Сретении Господнем, о путешествии Иисуса Христа во храм). Подготовив таким образом детей к самостоятельной работе, учитель переходит к младшему отделению.

Учитель имеет в виду прежде всего обнаружить, что знают дети младшего отделения, и с этой целью спрашивает их, что они знают об Иисусе Христе Спасителе. К предмету беседы он подходит, впрочем, постепенно. Желая возбудить в детях христианское самосознание, так как к нему именно живыми нитями должно прикрепляться изучение Закона Божия в школе, учитель напоминает сначала детям, что каждый или каждая из них носит особое имя (Петр, Василий, Николай, Мария, Ольга и т.д.). Но нет ли такого названия, которым можно было бы назвать всех находящихся в классе? Дети отвечают, что всех в классе нужно назвать «людьми». – «А еще нельзя ли каким словом назвать? Ведь в нашем городе разные люди живут, – какие, например?» – Дети отвечают, что живут русские, евреи, поляки, татары и др. – «Нет ли какого-нибудь особенного названия для всех людей, которые здесь в классе? За это название некоторых людей мучили и предавали смерти, а они не хотели отречься: так дорого было для них это название». – Кто-то из детей говорит, что всех

в классе можно назвать «православные». – Учитель: «Да. А еще как?» Чтобы дети вспомнили, учитель спрашивает, что все люди носят на груди. Дети отвечают, что все носят крест. – «Почему? Носят ли крест на себе евреи, татары? Полагают ли они на себе крестное знамение?» – Дети сообщают, что все, находящиеся в классе, веруют во Иисуса Христа, Который на Кресте был распят, а потому и носят крест. – «Как же называются люди за то, что веруют в Иисуса Христа?» – Ответ: «Христианами». – «А давно крест вы стали носить? например, год назад или больше?» Дети вспоминают, что очень давно, но когда именно, не вспоминают. – «Что делают с каждым младенцем, когда он родится?» – Дети вспоминают, что тогда его крестят и тогда надевают крестик на шею. – «Да, тогда мы начинаем называться крещеными, православными, христианами. И нам разве не было бы обидно, если бы кто назвал нас «нехристом», «татаринном неверующим»? Значит, мы все хотим, чтобы нас называли христианами, и если хотим, то нужно знать, Кто был Иисус Христос, чтобы не пристыдили нас евреи, татары и другие: «христиане, а про Иисуса Христа не знают». Ведь, дети, все вы знаете, что делают у каждого отец, мать, где работает, служит, как одевается, что ест, рано ли встает на работу, поздно ли ложится спать. Про отца и мать знаем, а про Иисуса Христа христианам хорошо ли не знать? Кто же был Иисус Христос? Простой человек Он был или нет?» – «Нет, Он был и Бог». – «Что же? много ли вы знаете, дети, про Иисуса Христа? Посмотрите, что это изображено?» – Учитель показывает детям картины Рождества Христова, Крещения, Распятия на Кресте и Воскресения из мертвых, просит поднять руки тех, кто может объяснить, что изображено на картинах. Одни дети говорят, другие молчат. – «Вот видите, одни больше знают про Иисуса Христа, другие меньше, а старшие больше вас знают. Хотите учиться Закону Божию, чтобы все знать как следует?»

Напечатлев таким образом в умах детей сознание необходимости «христианского ведения», сообщаемого людям чрез Сына Божия, Который есть «Образ Бога невидимаго» (Кол. 1, 15) и Который Отца "исповедал" ("явил", Ин. 1, 18), учитель переходит к самому первоначальному «оглашению» детей ведением Бога: он, пользуясь некоторыми имеющимися у детей дошкольными сведениями о Боге, напечатлевает в душах детей прежде всего понятие о Боге, Творце и Промыслителе Мира.

«Вот, дети, вы знаете про Бога истинного и про Иисуса Христа. А были и теперь есть люди, которые Бога истинного не знают. Что вы видите на небе?» – Ответ: «Солнце, луну, звезды (дождь, облака...)». – «А вы называли бы их богами, стали бы молиться им?» – «Нет». – «Но были такие

неразумные люди, которые называли богами солнце, или звезды, или что-либо другое. Сказал бы кто-нибудь из вас, что вол или корова – бог?» – «Нет». – «Иные же люди делали разные чурбаны, истуканы (или «идолов») из дерева и камня или еще из чего-нибудь и говорили, что это боги, – хорошо ли они делали? И наш русский народ всегда ли знал Бога истинного? Нет, и деды наши, прадеды когда-то кланялись солнцу, его считали богом, потом уже русский народ крестился, – где?» – Дети среднего отделения отвечают, что крещение русского народа было в Киеве, в реке Днепре. Учитель добавляет, что князь русский Владимир самого Перуна, идола, которого русские считали за бога, бросил в Днепр, чтобы показать, что он – не бог, а нужно поклоняться Единому истинному Богу. Нельзя солнцу, луне, звездам, животным поклоняться. – «Может быть, знает кто-нибудь, как они появились? Всегда были солнце, луна, звезды, земля? Или было время, когда ничего этого не было?» – «Да, было время». – «Может быть, тогда не было и Бога?» – «Нет, Бог всегда был?» – «Как же появились солнце, луна, звезды... сами собой или как иначе?» – «Нет, их создал Бог». – «А человек как появился, всегда он существовал?» – «Нет, и первого человека создал Бог». – «А как создал Бог солнце, луну, звезды, землю, – из чего-нибудь? Этот дом устроен из чего?» – «Из дерева, камня». – «А Бог из чего-нибудь тоже устроил солнце, луну, звезды? Вспомните, мы сказали, что ничего этого когда-то не было, был только Бог, – значит, из чего-нибудь устроил Бог мир или нет? как сказать это?» – Дети среднего отделения говорят, что Бог словом одним Своим все это создал из ничего. Дети младшего отделения повторяют за учителем, что Бог сотворил мир, или создал его, устроил, из ничего. – «Поэтому, – добавляет учитель, – мы и называем Его Творцом мира» (дети младшего отделения повторяют).

Сообщив детям понятие о Боге, Творце мира, учитель с целью дать некоторый отдых детям младшего отделения переходит к среднему и старшему отделениям для проверки их самостоятельной работы. Так как работа среднего и старшего отделений в значительной части своей была одинакова, то учитель начинает проверку одновременно, сказав и детям младшего отделения, чтобы они послушали про Рождество Христово. Когда дети среднего отделения при рассказе забывают какую-либо подробность, ее вспоминают дети старшего отделения, а детям младшего отделения учитель показывает картину, изображающую Рождество Христово, и по мере рассказа требует объяснения того, что изображено на картине. Таким образом, для детей младшего отделения и время отдыха не пропадает без пользы, тем более что рассказ и рассмотрение картины

оживляет их интерес и внимание. Сказав детям среднего отделения, чтобы они снова почитали то, что, как оказалось при проверке, они не заметили (или помнили только из Священной Истории), учитель предлагает детям старшего отделения (частью по вопросам, чтобы спросить все, что нужно учителю, частью без вопросов) рассказать, что содержится во 2-й части 2-й главы Евангелия от Луки. Затем, сказав им, чтобы почитали 3-ю главу, переходит опять к детям младшего отделения и начинает говорить о Боге Промыслителе.

«Мы сказали, дети, что все сотворил Бог из ничего. Но можно ли потом было Богу оставить без забот, без попечения то, что Он создал? Когда мы, люди, например, рождаемся на свет, нужно, чтобы кто-нибудь о нас заботился? Кто заботится о детях?» – «Отец, мать». – Выясняя конкретнее необходимость забот и попечений о детях, учитель спрашивает, что нужно человеку непременно, чтобы он мог жить, не заболел, не умер? Дети говорят, что нужна пища, вода. – «А что было бы, если бы одежды у вас не было бы? (заболели бы, простудились бы, особенно зимою – могли бы умереть).

В чем все мы живем? (в домах). А если бы не было домов, что было бы? (тоже заболеть могли, умереть). О тебе заботится отец, мать, а о птицах, например, заботится кто-либо?» Некоторые дети говорят, что никто. – «Да, человек не заботится о птичках, и вот они достают себе и детям пищу, что именно? (зерна, хлеб, мошек, червячков и т.д.), строят себе и детям что? (гнезда). А иные строят очень хорошо. Видели, что строит пчела?» Ответ: «Соты». – «Хорошо они устроены? Сумели бы вы так устроить? Уж не умнее ли птички малые и пчелы нас – людей? Откуда у них такой ум?» – Дети говорят, что дал Бог им такой ум. – «Кто же, значит, заботится о птицах, животных?» – «Бог». – «А о людях-то Бог заботится? Нужно ли, чтобы он заботился, чтобы была, например, у людей пища, одежда, дом?» – Дети вспоминают, что хлеб, хотя достается на базаре, но сначала растет на полях, что для его произрастания нужен дождь, солнце, и посылает дождь на землю и велит солнцу светить Бог, Он и создал солнце. – Таким образом, детям дается пока общее понятие и о Боге Промыслителе мира. Более подробное развитие этого понятия предполагается сделать на следующих уроках.

Конспект урока по Закону Божию во всех отделениях, данного на педагогических курсах в г. Житомире 8 июля 1911 года²⁶

Предмет урока – история творения мира – для младшего отделения и объяснение 1-го члена Символа веры для детей старшего отделения и среднего. Сначала учитель занимается с детьми младшего отделения, а старшему и среднему отделениям дает самостоятельную работу, имеющую тесное отношение к объяснению 1-го члена Символа веры, именно – чтение из Евангелия от Матфея, 6, 25–34; дети старшего отделения читают по славянскому Евангелию, а дети среднего отделения – по русскому. Сказав детям среднего и старшего отделений, что чрез несколько минут они будут отвечать прочитанное, учитель переходит к младшему отделению.

Сначала дети вспоминают, что им учитель начал уже рассказывать вчера о творении мира Богом из ничего в шесть дней. Затем учитель передает рассказ о творении, кончая творением человека, но пока без описания способа творения последнего. Рассказ ведется по возможности ближе к библейскому тексту с некоторыми попутными необходимыми объяснениями, не мешающими, однако, напечатлению в памяти детей последовательности рассказа, и попутными вопросами, побуждающими детей быть внимательнее и лучше запоминать более трудные части рассказа. Усталость детей после предыдущего урока требует больших усилий со стороны учителя для того, чтобы привлечь внимание всех детей к рассказу, который сам по себе для них очень труден; при малейшем уклонении внимания в сторону рассказ превращается в ряд отрывочных сообщений, трудно воспринимаемых памятью. Только последовательность событий, которую учитель всячески старался дать детям заметить, могла облегчить несколько запоминание рассказа. Рассказ велся следующим образом.

«В начале не было ничего: ни солнца, ни звезд, ни земли... Был только один Бог. И вот в начале, когда и дней и ночей еще не было, сотворил Бог небо и землю, т.е. все, что теперь мы видим на небе и на земле, весь мир (о создании ангелов пока не говорится). Но земля была невидима, потому что была покрыта тьмою и неупорядочена (Быт. 1, 2); потом Бог устроил все, как мы видим теперь, а тогда земля была неупорядочена, как бы вода, которая растекается во все стороны (или воздух, ветер, который движется с места

на место), и Дух Божий носился над водою. Тогда сказал Бог: «Да будет свет!» И стал (появился) свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и назвал Бог свет днем, а тьму назвал ночью; и был вечер, и было утро, день один, день первый. («Значит, что сотворил Бог в первый день?» – спрашивает попутно учитель, желая, чтобы дети не говорили, что в первый день сотворил Бог небо и землю, которые сотворил в начале, когда не было еще и дней). Во второй день сказал Бог: «Да будет твердь посреди воды!», т.е. небо, которое мы видим, и разделил Бог воду, которая над твердью, от воды, которая под твердью (для наглядности большей учитель указывает рукою вверх и вниз). Это день второй. В третий день Бог сказал: «Да соберется вода, которая под твердью (эти слова произносятся с особенным ударением, потому что они составляют продолжение повествования о творении второго дня и помогают образованию последовательной нити событий в умах детей), и да соберется в одно собрание (место), и да явится суша!» (т.е. какая земля? спрашивает попутно учитель). И собралась вода в собрания свои, и явились моря, реки, озера. Это день третий. В четвертый день Господь сказал: «Да будут светила на тверди небесной, чтобы освещать землю и показывать времена, дни и годы!» И явилось солнце, луна и звезды. (Попутно учитель спрашивает, какое светило видно днем, какое ночью, когда солнце более и менее всего греет – летом, зимой, весной или осенью, – и дети, таким образом, видят, что смена дня и ночи, а также времен года зависит от солнца.) Чтобы связать дальнейшее повествование с предшествующим в одну последовательную цепь, учитель говорит: теперь послушайте, как Бог создал все живое: рыб, птиц, животных и человека. В 5-й день Бог сказал: «Да изведет вода (делается ударение) гадов морских (т.е. больших рыб, китов и других животных, которые живут в море) и птицы да полетят по тверди небесной!» В шестой день сказал Бог: «Да изведет земля (делается ударение, чтобы, благодаря противопоставлению воды и земли, легче запечатлелось в памяти детей, что создано в 5-й и 6-й день) животных: зверей, скотов полевых, гадов, ползающих по земле (змей, ужей и т. д.)!» После всех создал Бог человека». – Но подробное повествование о творении человека откладывается до следующего раза.

Так как детям сказано было уже про первые четыре дня кратко, то теперь им рассказывается про все шесть дней – для большей цельности впечатления, воспроизведение же рассказа о творении делается лишь по частям, ввиду его трудности; сначала учитель требует рассказать про первые 3 или 4 дня творения. Так как становится очевидным, что некоторые сведения оказываются у детей перепутанными и некоторые

трудные названия забытыми, то учитель еще однажды рассказывает про первые три дня творения и затем заставляет детей рассказывать по вопросам: что сотворил Бог в начале? какова была сначала созданная земля? кто носился над неустроенной землей? что Бог создал в 1-й день? что сказал? как назвал день и ночь? что создал во 2-й день? как разделил воду? что создал в 3-й день? что сделал с водою под твердью? куда собралась вода? что стало с землей после собрания вод в свои места? что сотворил Бог в 4-й день? зачем создал Бог светила? Далее учитель пока не спрашивает. Сначала приходится вопросами в вышеприведенном роде напоминать каждую подробность очень трудного для запоминания детей младшего отделения повествования, но учитель все-таки, где возможно, не спешит очень с вопросами и выжидает от отвечающих детей связного повествования.

Ввиду утомления памяти детей учитель оставляет до следующего раза дальнейшее повторение и переходит к старшему и среднему отделениям, предложив младшему отделению послушать, что он будет говорить с детьми старшего и среднего отделений. Обращаясь к этим отделениям, учитель спрашивает, как нужно назвать Бога за то, что Он сотворил мир. Дети отвечают, что мы называем Бога «Творцом» мира (отвечают и дети младшего отделения). – «А где говорится, что мы должны верить в Бога, Творца мира, где вообще показывается, как мы должны верить?» – Дети отвечают, что в Символе веры, и читают 1-й член. Детям младшего отделения учитель сам произносит слова 1-го члена ясно и отдельно, чтобы они вслушались. – Потом дети вспоминают, что такое «член», сколько членов в Символе веры, что такое самый Символ веры («краткое изложение веры»). Учитель спрашивает детей, не знают ли они, что значит самое слово «символ». Оно означает «знак». Учитель сопоставляет это слово со словом «крестное знамение» и спрашивает детей младшего отделения, что этим знамением мы показываем.

Дети вспоминают, что крестное знамение изображают на себе только христиане, верующие в Иисуса Христа, а не евреи, например, или татары. Как по этому знаменю мы отличаем христиан, так по Символу веры, кто его принимает, узнаем, правильно ли верует человек, истинная ли, православная у него вера.

После этого учитель спрашивает, какую же веру мы выражаем в 1-м члене. Дети начинают слово за словом разбирать 1-й член. «Во единого Бога». Это, значит, мы веруем во что? Дети младшего отделения говорят, что веруем мы в единого Бога, что солнце, животные и т.д., которых некоторые люди называли богами, на самом деле не боги. «Бога Отца» –

это, говорят дети, высказывается вера наша в 1е Лице Святой Троицы. Дети младшего отделения по этому поводу вспоминают, как называются Лица Пресвятой Троицы. – «Почему Бог называется Вседержителем?» – «Потому, что Бог всё держит Своей силою и властью». – Чтобы нагляднее запечатлелось в умах детей понятие о вседержительстве Божиим, учитель спрашивает, на чем или чем держатся солнце, звезды, земля. Дети отвечают, что держатся силою Божию. – «Чем держится вода в громадных морях и океанах?» Дети говорят, что держится эта вода землею, песком. – «Да; вспомните еще: земля, когда высохнет, может обратиться во что?» – «В пыль». – «Посмотрите же, как ветер вздымает пыль и песок, а они держат такое множество воды в морях и океанах! Чьею же силою эта вода держится?» – «Божиею силою». – «Только ли солнце, землю, воду держит Бог Своею силою? Не поддерживает ли Он еще жизнь коголибо? Вспомните, что вы прочитали в начале урока?» – Дети старшего и среднего отделений говорят, что Бог заботится еще о птицах небесных, о траве полевой и т.д., и подробно вспоминают при помощи вопросов учителя учение о Промысле Божиим в Евангелии от Матфея (Мф. 5:25–33).

Детям младшего отделения предлагается слушать, как Бог заботится о птицах и траве полевой (по связи с одним из предшествующих уроков, на котором говорилось уже в общих чертах о Промысле Божиим). А заботится ли Бог о человеке? Дети вспоминают, что без теплоты солнца, без дождя, который посылает Бог, человек не мог бы жить, потому что не имел бы необходимого для жизни. Для большего впечатления сказанного о Промысле Божиим в отношении к людям учитель предлагает детям вспомнить, как Бог заботился о евреях в пустыне (как посылал им хлеб с неба – манну, или давал мясо – птиц, или источал воду из камня), как заботился о пророке Илии, который пил воду из потока и питался мясом, какое носил ему ворон. – «Как же назвать Бога за то, что не только держит все Своею силою и властью, но и заботится о всем, может быть, слышали слово «промышляет»? – Дети, забывшие название «Промыслитель», слыша последнее слово в вопросе учителя, вспоминают это название. Доведши таким образом детей до сознания, что в 1-м члене мы выражаем веру в Промысл Божий, когда Бога называем «Вседержителем», учитель заставляет еще детей объяснить, что разумеется «под небом», под «видимым и невидимым». Дети старшего и среднего отделений без труда это объясняют, а дети младшего отделения вспоминают данное уже им на уроках объяснение, что под «небом», созданным «в начале», нужно разуметь и ангелов, которых нельзя видеть человеку глазами.

Конспект урока по изъяснению Богослужения в старшем отделении совместно со средним, данного на педагогических курсах в г. Житомире 11 июля 1911 года²⁷

Предмет урока – вступительные сведения о литургии и объяснение литургии оглашенных до малого входа включительно. Главным образом учитель занимается со старшим отделением, привлекая к участию в работе и среднее.

Учитель начинает с вопроса, какие церковные службы детям известны. Дети пересчитывают почти все службы, частью сами, частью при помощи учителя (например, что читают пред обедней, за какой службой дети бывают в Пасху в 12 часов ночи, какая служба бывает всегда в полночь и т.д.). Затем учитель спрашивает, какая главная из всех служб, и, получив ответ, что самая главная – литургия, заставляет детей объяснить, почему она – главная. Дети старшего отделения говорят, что на литургии совершается таинство Святого Причащения Тела и Крови Христовых (детей среднего отделения учитель при этом спрашивает, за какой службой они причащаются) и потому литургия самая важная служба. Учитель дополняет сказанное указанием на то, что остальные службы только «подготовительные» к литургии. Выясняя это название, учитель спрашивает детей, пошли ли бы они в гости, не умывши лицо, руки, не причесавши волосы, не почистивши загрязненную одежду и т.д., – что нужно сделать сначала? Дети отвечают, что сначала нужно вообще подготовиться. – «Не тем ли более нужно подготовиться к литургии? И вот для этого подготовительные службы».

«А вспомните, как вы готовитесь к литургии, когда причащаетесь, прямо ли к обедне приходите?» Учитель нарочно спрашивает это, чтобы выяснить, как худо следовать укоренившемуся в Малороссии обычаю приходить к Святому Причащению во время уже литургии и иногда почти прямо во время самого причащения. Дети говорят, что нужно выстоять накануне все службы, чтобы подготовиться к Святому Причащению. – «Да только ли в этот день?» – «Нет, в течение недели».

Выяснив значение литургии среди всего круга служб церковных, учитель спрашивает детей, зачем мы совершаем литургию. Так как дети затрудняются сразу ответить на этот вопрос, учитель предлагает им

вспомнить, что сказал Господь о совершении таинства причащения на Тайной вечери. Для большей наглядности детям среднего отделения показывается и картина Тайной вечери. Дети говорят, что Господь велел творить таинство Святого Причащения «в Его воспоминание». – «В воспоминание чего же особенно?» – Дети говорят, что в воспоминание страданий и смерти. – «Но только ли?» – Дети отвечают, что и в воспоминание рождения Иисуса Христа, явления Его в мир, торжественного входа в Иерусалим (детям среднего отделения предлагается вспомнить, когда бывает этот вход, что выносится из алтаря), воскресения и вознесения на небо (учитель спрашивает, когда именно что вспоминается). – «Как же сказать одним словом, что вспоминается?» – «Вся земная жизнь Господа Иисуса Христа», говорят дети при помощи учителя.

«Скажите теперь, дети, часто ли мы должны вспоминать Господа, ходить для этого к литургии?» Дети говорят, что необходимо ходить каждое воскресенье и праздник. Учитель напоминает, что древние христиане причащались даже каждый день (Деян. 2, 42, 46). Если нельзя занятому человеку каждый день быть, то нужно каждый воскресный день и праздник обязательно бывать за литургией, а если кто не будет в три воскресных дня подряд без причины (не по болезни, например), тот отлучается от собрания церковного, от Святого Причащения, – так строго нужно соблюдать этот обычай посещения литургии в воскресенья и праздники. – «Часто ли вы, дети, вспоминаете отца и мать?» – «Постоянно, каждый день». – «Даже если уедут в дальний город, один ли раз в год вспомните? Видите, отца и мать вспоминаем часто, хорошо ли делают те люди, которые к обедне никогда почти не заходят, не хотят вспоминать Отца Небесного и Господа Иисуса Христа, Который велел творить таинство Святого Причащения на литургии в Его воспоминание. Смотрите же, дети, теперь, в детстве, приучитесь непременно ходить к литургии в воскресенье и праздники, а то, когда вырастете, труднее будет приучиться, все будет казаться, что некогда пойти в церковь, что мешают этому разные дела житейские».

Далее учитель переходит к объяснению названий: «литургия», «обедня». Оказывается, что дети не слышали еще, что литургия означает «общественное служение». Сказав им это значение, учитель предлагает детям выяснить смысл названия. Для этого он предлагает вспомнить, как и где христиане первоначально совершали литургию после того, как установил ее Господь на Тайной вечери. Дети вспоминают, что апостолы собирались по вознесении Господа «единодушно вместе» в Сионской

горнице. Такие сведения учитель дополняет другими, говоря, что первые христиане не только собирались все вместе, но у них было полное общение во всем: «у них было единое сердце и единая душа», и не на словах только, но и на деле. «Не вспомните ли, дети, как они поступали с бедными?» – Дети вспоминают, что богатые продавали имения, приносили деньги к ногам апостолов, и давалось всем бедным на нужды, что было необходимо. У них «все было общее». Поэтому когда они собирались совершать таинство Святого Причащения, то устраивали «вечери любви» (что такое «вечеря», спрашивает попутно учитель детей среднего отделения) в память о Тайной вечери Господа: богатые делились с бедными пищей, и была общая трапеза, вечеря. Теперь христиане так ли поступают? А если не так, то по крайней мере должны быть во время литургии особенно в мире и любви между собою. Отведены ли теперь особые места в церкви для богатых и бедных, знатных и незнатных? Нет, должны в церкви все быть равны, в мире и любви между собою. Угодно ли было бы Богу, если бы пришли мы в церковь к литургии без мира и любви, с гневом в душе на ближнего, с обидой на него. Напоминается хорошо известное детям пятое прошение молитвы Господней, а затем для большего запечатления сказанного в душе и для оживления внимания детей учитель предлагает им найти Мф. 5, 23: «если ты принесешь дар твой к жертвеннику». Дети (среднего отделения) читают по русскому Евангелию и передают слова Господа. – «Скажите, дети, угодна ли Богу была бы наша жертва, например свеча, которую ставим пред иконой, если бы мы обидели ближнего и на кого-либо гневались? Так и когда приносим Богу великую жертву Тела и Крови Христовых на литургии с гневом на душе, хорошо ли поступаем? Вот почему литургия особенно и называется общественным служением, хотя все службы общественные, на всех собирается общество православных христиан, – на литургии особенно все должны быть единоплеменные, в мире и любви между собою.

Скажите теперь, почему литургия называется «обедней»¹. Дети говорят: «потому, что она совершается до обеда». Не отвергая этого объяснения, учитель предлагает детям заметить в названии «обедня» другой, более возвышенный смысл.

«Что совершается на литургии?» – «Таинство Святого Причащения?» – «Когда Господь его установил?» – «На Тайной вечери?» – «А слово «вечеря» что означает?» – «Обед». – «Да, вот и «обедня» называется так потому, что мы на ней причащаемся, вкушаем святого Тела и Крови Христовых, как на Тайной вечери ученики. Поэтому самое причащение наше не называется ли вечерей (обедом), вспомните, что поют пред

причащением в Великий Четверг или священник читает каждый раз, когда причащаемся?» – «Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими». Показывается опять детям среднего отделения картина Тайной вечери.

После этих предварительных сведений учитель переходит к самой литургии. Так как кто-то из детей случайно заговорил уже о разделении литургии на части, то учитель спрашивает, на сколько частей делится литургия. Дети говорят, что на три, и называют их, хотя при помощи учителя (не знали названия «проскомидия»). Учитель пишет названия каждой части литургии на доске, чтобы названия лучше запомнились и произносились правильно (детей среднего отделения учитель даже заставляет прочитать название на доске). Чтобы дети нагляднее представляли, когда начинается и оканчивается каждая часть, учитель спрашивает, что совершается во время часов, что начинается после часов, что после херувимской, точнее, с ектении «елицы оглашеннии, изыдите» (т.е. когда оглашенные должны уже выйти из храма и остаться одни верные, – слышали, дети, эти слова, когда они бывают, в начале, в середине, конце литургии, до херувимской или после нее, спрашивает учитель детей среднего отделения). Объясняется и смысл названия каждой части кратко. «Проскомидия» – «принесение»; название указывает на то, что в древнее время сами христиане приносили хлеб и вино, которые нужны были для таинства Святого Причащения (подробнее учитель не говорит о проскомидии, не ставя себе это целью настоящего урока). – «А кто «оглашенные», кто «верные», – мы все, например, оглашенные или верные?» Дети определяют сами значение названий: верные – те, кто веруют во Иисуса Христа правильно и уже крестились, а оглашенные еще только учатся вере и не крестились.

Начинается объяснение литургии оглашенных. Прежде всего детям предлагается вспомнить возгласы диакона и священника после часов, с которых (возгласов) начинается литургия. Дети (старшего и среднего отделений) вспоминают и произносят возгласы. – «Почему это, спрашивает учитель, диакон испрашивает благословения на начало службы, а священник начинает ее с прославления Бога? Вспомните, дети, что делают люди, когда, например, отправляются в далекий путь, начинают строить или входят жить в новый дом, что делаете вы, когда начинаете учиться в школе, что делаете пред обедом?» Дети вспоминают, что все начинается с молитвы и благословения. Учитель дополняет их ответ напоминанием, что, если бы не призвать благословение Божие, с человеком на пути могла бы случиться беда (мог бы заболеть, утонуть),

дом мог бы сгореть и т.д. Затем предлагает вспомнить, что Сам Господь сделал, когда совершил таинство причащения, прямо ли подал хлеб ученикам. Дети вспоминают, что и Он сначала воздал хвалу Отцу Своему и благословил хлеб.

«Что бывает после (начального) возгласа священника?» – Приходится помочь детям и сказать, что бывает великая ектения. Самое название «ектения» (протяжное, длинное моление) опять записывается на доске.

Учитель объясняет в общих чертах содержание ектении (название «великая» имеется в виду объяснить после, по сравнению с другими ектениями, когда о них будет речь). – «Почему начинается она: «миром (в мире) Господу помолимся?»" Дети, вспоминая данное им уже объяснение о том, с каким настроением нужно приступать к литургии, легко объясняют это. Слова «о Свышнем мире», о мире свыше, с неба от Бога, дети уясняют себе, когда учитель спрашивает детей, кто принес этот мир с неба на землю, что пели ангелы при рождении Спасителя («слава в вышних Богу, и на земли мир» – мир и людей между собою и с Богом, Которого люди прогневали своими грехами). Далее молимся о спасении всех, о мире всего мира – всех людей, о благосостоянии святых Божиих церквей, т.е. о том, чтобы церкви Божии были в покое, не разорялись врагами. – «Вспомните, всегда ли можно было христианам так спокойно молиться, как теперь, когда мы можем всегда спокойно пойти в церковь по желанию?» – Дети вспоминают о временах гонений, когда христиане, спасаясь от врагов, собирались молиться в катакомбах. – «О чем еще далее молимся в ектении?» Дети вспоминают, что о Государе и всем Царствующем Доме, о Святейшем Синоде, об архиерее (кто у нас главный архиерей?), о своей братии – христианах, о воинстве, о царствующем граде, граде сем (каком граде, говорит уже учитель), о благорастворении воздушных (чтобы не было заразы в воздухе, чтобы погода была хорошая), изобилии (что это значит?) плодов земных, временех мирных, о плавающих, путешествующих, недугующих (кто это?), страждущих, плененных. Значит, мы должны молиться не только за тех, кто пришел в церковь, но и о тех, кто не мог придти, – о путешествующих, больных. Далее – об избавлении от всякой скорби и о том, чтобы Бог заступил и сохранил всех своею благодатию, т.е. милостью, по молитвам Пресвятой Богородицы и всех святых.

«Не знаете ли, дети, что далее поется?» – Дети вспоминают про пение псалмов: «Благослови, душе моя, Господа» и «Хвали, душе моя, Господа». – «Господь начал таинство, опять вспомните, дети, с чего?» – «С хвалы Отцу Своему». – «Вот и мы начинаем с прославления Его. За что же мы

прославляем Господа? Вслушайтесь. «Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя (т.е. что? что у нас внутри? Сердце, душа – это и есть «внутренняя»), хвали, душе моя, Господа, восхваляю Господа в животе моем (т.е. во всю жизнь мою), пою Богу моему, дóндеже есмь (пока живу)... Сотворшаго небо и землю, море и вся, яже в них» (значит, за что прославляем? За то, что Бог сотворил все. Послушаем далее). «Очищающаго вся беззакония твоя, исцеляющаго вся недуги твоя... венчающаго тя милостию и щедротами... Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив» (значит, за что еще прославляем Господа? За Его милости и щедроты. – Да. Еще послушайте, как о милостях Его говорится)... «Якоже щедрит отец сыны, ущедри Господь боящихся Его... Господь решит (разрешает, отпускает) окованныя (узников), Господь умудряет слепцы... любит праведники. Господь хранит пришельцы, сира и вдову примет... дает пищу алчущим""». Учитель приводит наиболее назидательные и памятные детям места псалмов, чтобы они видели, за что мы Господа в них прославляем.

Далее учитель напоминает, что мы прославляем Бога в трех Лицах, как говорится в возгласе священника: «Благословенно царство...» Почему антифонов бывает три, а в воскресенье и другие дни вместо третьего антифона поются «блаженны»? За что прославляется (после второго антифона) 2е Лице Пресвятой Троицы – Сын Божий, воплотившийся ради нашего спасения и распятый, поправший смертью смерть (слова песни «Единородный Сыне» читаются, и дети попутно сами говорят, за что прославляем мы Сына Божия; некоторые подробности песни пока не объясняются и оставляются до повторения урока).

«Что далее бывает?» – «Поют блаженны («Блажени нищии духом» и т.д.), и совершается «малый вход""», вспоминают дети. Дети говорят, как он совершается: открываются царские врата, несут Евангелие и пред ним свечу (или 2 свечи). Объясняют дети (на вопросы учителя), что малый вход обозначает пришествие Христа в мир для проповеди Евангелия (Евангелие, в котором записано учение Господа, символизирует проповедь апостолов), а пение «блаженн» напоминает нагорную беседу; свеча пред Евангелием означает, что Христос пришел в мир просветить людей Своим учением; этот же свет Христов, распространившийся во весь мир, означает и осенение верующих на все 4 стороны дикирием и трикирием при архиерейском богослужении (это изобразительное священнодействие архиерейского богослужения описывается самими детьми); пение «приидите, поклонимся и припадем ко Христу» означает, что мы должны все поклониться Христу, пришедшему в мир спасти нас. Наконец, вход в

алтарь, в открытые царские врата, означает, что открылся всем верующим вход в Царствие Небесное, когда пришел Христос спасти людей. То, что архиерей стоял до того времени один посреди церкви, означает, что Иисус Христос до крещения не проповедовал миру открыто, а жил в Назарете, и люди не знали о Нем. – Повторение объяснения частью было во время самого объяснения, частью же оставлено до следующего раза, потому что неудобно было прерывать его ранее малого входа, разрушая тем цельность представления. Частая по возможности смена излагательной и вопросоответной формы в изложении урока (попутные вопросы детям, требующие с их стороны вспомнить или разъяснить что-либо, например, из истории, из хода богослужения), повторение некоторых подробностей детьми младшего отделения, иногда же самим учителем для большего напечатления или точности, спрашивание менее внимательных, показывание картины и т.д. – все это способствовало оживлению внимания детей, особенно среднего отделения, которое могло от долгой работы утомляться.

Конспект урока по Закону Божию во всех трех отделениях, данного на педагогических курсах в г. Житомире 13 августа 1911 года²⁸

Предмет урока – объяснение молитвы «Пресвятая Троице» в младшем отделении совместно со средним отделением и учение о таинстве покаяния в старшем отделении совместно со средним и отчасти младшим отделением. Старшему отделению сначала дается самостоятельная работа – прочитать по Евангелию (по русскому тексту для большей легкости) 18ю главу Евангелия от Матфея, чтобы потом рассказать; работа дается такого рода, что дети ею подготовляются к катехизическому учению о таинстве покаяния. Дети среднего отделения должны облегчать работу младшего отделения.

Учитель начинает с вопроса, какие кто из детей младшего отделения знает молитвы. Оказывается, что кое-кто знает «Пресвятая Троице», «Достойно есть» и др. Учитель заставляет прочитать поднявших руки, исправляя при чтении неправильности произношения. Затем он спрашивает детей, не знает ли кто-нибудь молитв Пресвятой Троице. – Но так как не все дети могли еще знать названия Лиц Пресвятой Троицы, хотя об этом была речь на предшествующих курсах, то учитель сначала спрашивает, как называются три Лица Пресвятыя Троицы. Так как некоторые дети ошибаются, то учитель спрашивает нескольких детей назвать Лица Пресвятой Троицы, сам называет и заставляет повторять за собою хором под такт. Спрашивает также, не в трех ли богов мы веруем, если веруем в Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго. Дети говорят, что мы веруем в одного Бога, а Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой – это Лица Пресвятой Троицы, это – три Лица в Боге.

Убедившись, таким образом, что дети усвоили краткие сведения о трех Лицах в Едином Боге, учитель спрашивает, не знают ли дети каких кратких молитв Пресвятой Троице, в которых назывались бы все три Лица Пресвятой Троицы. Дети некоторые вспоминают молитву «Во имя Отца и Сына», которую произносим мы, когда налагаем на себе крестное знамение (при этом учитель показывает, как это делается); а учитель заставляет детей среднего отделения объяснить слова «аминь» («истинно» то, что мы говорим) и «во имя» – «во славу». – («В чье же имя молимся мы, значит?» – спрашивает учитель затем детей среднего отделения.) Вспоминают дети также славословие «Слава Отцу и Сыну».

Но, не имея времени останавливаться на этих кратких молитвах Пресвятой Троице, учитель переходит к более пространной молитве Пресвятой Троице и заставляет прочитать ее отчетливо, без ошибок одного из детей среднего отделения, а потом начинает читать молитву сам. Читает он два раза, отделяя каждое слово, чтобы дети имели возможность вслушаться в правильное произношение молитвы. Затем заставляет повторять детей хором, в такт, сначала пословно, потом по частям. Каждая часть повторяется два раза, а трудные и три раза. Когда начинается повторение по частям, учитель подсказывает детям уже только каждое слово части «Пресвятая... Господи... Владыко... Святой... имене...»), а потом и совсем ничего не подсказывает, давая только такт рукой. Когда таким образом дети вслушались в слова молитвы, учитель приступает к ее объяснению, привлекая и среднее отделение.

«Пресвятая Троице, помилуй нас» – о чем здесь мы просим Пресвятую Троицу? Что значит «помилуй нас»? Когда преступник за худые дела попадает в тюрьму, а потом его простят, то говорят: его «помиловали». Что же значит «помиловать»? – «Не наказывать», отвечают дети. – «А нас есть за что наказывать? Может быть, мы так хороши все, что не за что наказывать? Или и у нас есть худые дела, грехи, за которые нас нужно было бы наказать?» – «Да, есть и у нас. Все мы недостойны милости Божией изза грехов своих, потому и просим Бога оказать нам милость («помиловать»)). – «Как дальше читается молитва?» – «Господи, очисти грехи наша». – «О чем же здесь молимся? Что такое грехи, какие это дела, хорошие или худые?» – «Худые». Чтобы дети нагляднее представляли, что такое грехи, учитель спрашивает детей, когда мы просим Господа простить грехи свои особенно? – «На исповеди». – «Какие же там грехи, например, говорятся?» – «Если кто не слушается отца и матери, чужое что-либо возьмет, обманет и т.д.». – «Что же значит «очисти грехи»? Когда одежда или тело загрязняются, что с ними делаем?» – «Моем, очищаем от грязи». – «А в молитве просим «очистить» от чего?» – «От грехов». – «Тело становится нечистым от грязи, а душа нечистой от чего, значит?» – «От грехов».

«Что далее в молитве?» – «Владыко, прости беззакония наша». – «Кто это «Владыка»? Некоторые дети привыкли с названием «Владыка» соединять понятие об архиерее, и учитель спрашивает, про архиерея ли говорится в молитве. Чтобы дети же ответили, учитель заставляет вспомнить, к кому раньше мы обращаемся в молитве. – «К Господу».

«Значит, и Владыка – Господь. Чем Он владеет?» – «Всем миром». – «А как заменить другим словом слово «прости»? – Этот вопрос задает

учитель, желая узнать, понимают ли дети слово «прости». Указывает он еще на пример детей, которые сделали что-либо худое и которых отец, мать «прощают». Дети видят, что «прощать» значит тоже «не наказывать» того, кто провинился в чем-нибудь; чтобы нагляднее дети почувствовали необходимость прощения, учитель предлагает им вспомнить первых людей, как наказал их Бог за грехи (к сожалению, не оказалось картины изгнания первых людей из рая), а потом простил. – «А что такое беззакония?» – «Грехи». – «Почему называются грехи беззакониями?» – «Потому, что мы ими нарушаем закон Божий». – Потом учитель, обращаясь к среднему отделению, предлагает ему сказать, где записан закон Божий, откуда мы его узнаем. Дети вспоминают, что записан он в Библии, что закон дан Богом еще чрез Моисея, кратко этот закон содержится в десяти заповедях; есть еще закон Христов, в Евангелии записанный.

При объяснении следующих слов: «Святой, посети и исцели немощи наша» (которые дети так же припоминают, как и вообще слова всей молитвы), опять спрашивается, кто «Святой». Дети говорят, что это говорится о Боге. Изясняя слова «посети и исцели немощи наша», учитель сначала спрашивает, что такое «немощи», какой человек называется «немощным». Дети отвечают, что это – больной человек, но учитель все-таки обращает внимание на корень слова «немощной» – тот, кто «не может» работать как следует, не может иногда встать с постели от болезни. Только о телесных ли немощах говорится в молитве? Нет ли каких немощей, болезней у души? – Дети говорят, что это – грехи, и учитель выясняет на примерах, что грехи делают душу именно немощною, больною. Так, если человек приучится пить вино, может ли он легко оставить пьянство? – Нет, не может. А иной в посте приучился есть скромное, легко ли ему поститься? может ли он как следует соблюдать пост? Если дети привыкли не слушаться старших, им тоже тяжело становится слушаться. Слова «посети и исцели» учитель объясняет чрез сопоставление с «посещением больного врачом», который излечивает больного, и он «исцеляется». Указывает также учитель на то, что Господь «исцелял» многих больных. Значит, мы просим, чтобы Господь посетил нас и исцелил какие наши немощи? Ответ: молимся, чтобы Он исцелил от грехов наши души.

Остается объяснить слова «имене Твоего ради». Дети среднего отделения объясняют эти слова, передавая их: «для славы Божией», как в молитве «во имя Отца и Сына», но учитель дополняет это объяснение напоминанием того, что просят милость именем Христовым, «Христа

ради»; так и мы просим простить грехи наши ради ли себя самих? достойны ли прощения мы, которые постоянно обещаем Богу не грешить и снова грешим? – «Нет, просим мы прощения ради имени Божия». – «Или ради милости Господа», добавляет учитель.

Окончив объяснение, учитель спрашивает детей, кому же и о чем молимся мы в этой молитве Пресвятой Троице. Дети припоминают слова молитвы. «А почему мы три раза обращаемся к Господу («Господи», «Владыко», «Святой»)? Дети отвечают: «Потому, что молимся мы здесь Пресвятой Троице». Учитель добивается, чтобы здесь, как и в других случаях, дети дали полный ответ.

Оставляя дальнейшие повторения объяснений до следующего раза, учитель, чтобы не утомить детей напряженной умственной работой, переходит к старшему отделению, причем, впрочем, привлекает к работе среднее отделение и приглашает слушать младшее, к которому время от времени не перестает обращаться с вопросами. – «Вот, дети, обращается учитель к старшему отделению, мы объясняли молитву, в которой молимся о прощении грехов, – не читали ли и вы сейчас о прощении грехов в Евангелии?» Дети передают содержание 18 главы Евангелия от Матфея (с вопроса Петра «сколько раз прощать брату согрешающему?» рассказывают притчу о двух должниках). – «А когда мы получаем прощение грехов?» – «На исповеди». На этот вопрос обнаруживают готовность ответить и некоторые из детей младшего отделения, и учитель спрашивает их, все ли они были на исповеди, всем ли исполнилось уже семь лет, когда нужно идти на исповедь. – «Что же такое исповедь или как ее еще назвать?» – «Покаяние». – «Как назвать одним именем покаяние, крещение, причащение и т.д.?» – «Таинствами». – «Что такое таинство? что такое крещение, причащение, елеосвящение и т.д.?» – «Это священные действия». – «Да, а благословение (учитель обращается к младшему отделению, спрашивая, кто благословляет), каждение и другие священные действия – таинства ли это? Что в таинствах происходит тайного, таинственного, непонятного?» – «Сходит на нас благодать Святого Духа». – «Значит, таинство что такое?» Дети повторяют, что таинство – священное действие, чрез которое мы получаем благодать Святого Духа. – «Сколько всех таинств?» – Дети перечисляют семь таинств.

«Какая же благодать, или какая сила Божия, подается нам в таинстве покаяния?» – «Мы получаем прощение грехов». – «Перед кем нужно каяться? Может быть, покаяться про себя, в душе своей пред Богом?» – «Нет, нужно исповедоваться пред священником». – «Почему же? вспомните, что прочитали в 18 главе Евангелия от Матфея». Дети

вспоминают, как заповедал Господь брата согрешающего обличать, вразумлять сначала наедине, потом взяв одного или двух свидетелей, наконец, пред церковью (т.е. пред кем? Дети говорят: пред священниками; затем вспоминают и объясняют слова: «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Самим Богом – Мф. 18, 18). Таким образом, детям сообщается понятие о таинстве покаяния и о Божественном его установлении. – За недостатком времени учитель предполагает уже в следующий раз сказать, что самому лечить себя нельзя, а нужно больному показать себя врачу, который посоветует, как лечить болезнь; так нужно и грешнику рассказать свой грех (болезнь души) священнику (духовному врачу), чтобы он лучше знал, как ему лечить болезнь, знал, что посоветовать для исправления грешнику.

Учитель спешит в оставшуюся часть урока сказать о том, что нужно для истинного покаяния, чтобы оно принесло пользу человеку. Дети говорят, что нужно покаяться искренно, т.е. от всей души (а не перечислять только свои грехи, совсем не стыдясь за них и не печальясь, что они сделаны), вспоминают искреннее раскаяние блудного сына и мытаря; при этом учитель показывает детям среднего и младшего отделений картину, заставляя средних объяснять ее содержание, а младшему отделению показывает, как стоит мытарь (наклонив голову, бьет себя в грудь) и где (вдали, позади). Говорят дети и про другие условия истинного покаяния – обещание исправиться (будет ли польза, если покаяться и на другой день начать делать то же?) и прощение ближних. Последнее дети вспоминают благодаря прочитанной им притче о займодавце и двух должниках. Чтобы сделать объяснение назидательнее, учитель напоминает, что в этот день, когда давался урок (13 августа 1911 г.), празднуется 50 лет со дня открытия мощей святителя Тихона Задонского, и рассказывает случай, как он сам поклонился в ноги и просил прощения у обидчика, ударившего его по щеке.

«А как, дети, Бог принимает кающегося грешника? Вспомните, кроме притчи о блудном сыне, что прочитали в 18-й главе Евангелия от Матфея». Дети вспоминают трогательную притчу об овце пропавшей (Мф. 18, 12–13). – «Скажите еще, можно ли на исповеди что-либо утаить, скрыть от священника». Дети (и младшего отделения тоже) говорят, что нельзя, что если человек утаит (это говорят дети других отделений), то грех его будет еще более, чем прежде.

Конспект урока по Закону Божию во всех отделениях, данного на педагогических курсах в г. Житомире 16 августа 1911 года²⁹

В младшем отделении учитель имеет в виду повторить с детьми историю сотворения человека, дополнить ее, равно историю грехопадения, которая не окончена была на предшествующих курсах, остановиться особенно на обетовании о Спасителе. Среднее отделение участвует в работе младшего, а потом в работе старшего, которому сначала дается самостоятельная работа (прочитать по русскому Евангелию чтение праздника 16 августа из Евангелия от Луки, 9я и 10я главы), а потом объясняется 2-й член Символа веры. Младшее отделение привлекается отчасти и к последней работе.

Учитель начинает с вопроса, обращенного к младшему отделению, во сколько дней сотворил Бог мир, в какой день сотворил Он человека, ранее или после света, солнца, рыб и птиц, животных. Дети говорят, что человек сотворен после всех в 6-й день и после него Бог уже ничего не творил. – Затем учитель предлагает вспомнить, как Бог сотворил человека. Дети среднего отделения рассказывают (коечто вспоминают и младшие – например, что тело создано из земли, а душу вдунул Бог). Далее учитель спрашивает, так ли Бог сотворил человека, как, например, свет, животных? Дети младшего отделения говорят, что свет сотворил Бог одним словом: «да будет свет!», а человека не так; как именно сотворен человек, вспоминают отчасти дети среднего отделения, но так как ими забыты подлинные слова Божии, то учитель говорит их сам отчетливо и раздельно: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да обладает рыбами морскими, и птицами небесными, и скотами, и всею землею!» Эти слова повторяют сначала некоторые из детей среднего отделения, затем младшего, а для большей прочности учитель заставляяет, кроме того, произнести те же слова хором, под такт.

После того начинается объяснение данных слов. Учитель спрашивает детей, кто говорит эти слова (ответ: «Бог»), почему не говорит: «сотворю... по образу Моему». Дети соображают, что это потому, что Бог Един, но в Нем три Лица, о чем напоминалось детям в прошлый раз при объяснении молитвы «Пресвятая Троице». – Потом объясняются слова «по образу и по подобию». Сначала учитель останавливается на более легком слове: «по подобию», – что значит «по подобию Божию», что значит, что «подобен»

человек Богу? Дети сначала отвечают, что «подобен» значит «похож», но уяснить себе, в чем состоит образ и подобие Божие, дети не могут без наводящих вопросов.

– «Скажите, дети, животные – они не созданы по образу Божию, могут ли научиться они читать, могут построить дом?» – «Нет, не могут».

– «Почему же?» – «Потому что они не разумны, нет у них разума».

– «Вот, дети, разумом-то и подобен человек Богу, и говорить могут животные без разума?» – «Нет». – «Как же их за то называют?» – «Бессловесными». – «А потом скажите еще вот что: ведь животное – зверь дикий особенно, – когда голодно, что делает?» – «Оно ловит других животных, терзает их и ест». – «Да, оно, что захочется ему, то и делает, будет ли это хорошо или худо. Например, у бедного всего одна лошадь или корова, овца, а зверь, когда голоден, и их растерзает. Поступит ли так человек, например бедный, будет ли убивать другого, чтобы отнять у него деньги или хлеб, хотя бы был очень голоден?» – «Нет». – «Верно. Он может поступать по своей воле, – как же назвать волю человека за то, что он не делает всегда тотчас же то, что ему захочется, а различает, что добро и что зло, добро делает, а от худого удерживается и нельзя заставить его сделать худое против воли?» Дети отвечают, что у человека есть «своя» воля, «собственная», «свободная». Учитель говорит, что, значит, и этой свободной волей человек отличается от животных и подобен Богу. Ввиду трудности предмета учитель заставляет детей разных отделений повторить сказанное о том, что своим разумом и свободой человек подобен Богу. Далее учитель останавливается на бессмертии души, которым человек уподобляется Богу. – «Душа человека умрет ли, перестанет ли жить, когда умрет тело?» – «Нет». – «А душа животных тоже?» – «Нет, и душа их перестанет жить, когда тело умрет». – «Будет ли она что думать, чего желать, когда тело умрет?» – «Нет». – «А у человека так же?» – «У человека душа не умрет». – «Откуда же это видим? Вспомните о святых людях: не делают ли они чего и после смерти?» – Дети вспоминают, что святые являлись людям и по смерти, беседовали с ними, молятся за них и т.д. «Значит, у людей какая душа?» – «Бессмертная». – «Да, у людей и душа бессмертна, и тела воскреснут, а у животных так ли?» – «Нет, они не воскреснут». – «Значит, чем еще подобен человек Богу?» – «Тем, что у него душа бессмертна». – «Что значит теперь, что человек создан по «образу Божию?» Дети перечисляют указанные черты образа Божия.

Чтобы дети видели некоторое различие между «образом Божиим» и «подобием» (хотя в Библии не делается строгого различия), учитель впоследствии предполагал (что не осуществлено за недостатком времени)

спросить, с одной стороны, имеют ли люди образ Божий с самого рождения или после его получают (нет, они уже созданы по образу Божию), а с другой стороны, может ли сам, по своей воле человек сделаться подобным Богу, чтобы получить «подобие» Божие. Желая выяснить детям точнее понятие о «подобии Божиим», учитель спрашивает, одинаково ли подобны Богу люди грешные и святые, как называются последние за то, что по святости своей уподобились Богу. Дети отвечают, что святые называются «преподобными». – «Что же нужно, чтобы сделаться подобным Богу?» – «Нужно быть святым». Так дети доводятся до сознания, что образ Божий человек имеет от рождения (от природы имеет образ Божий, потому что уже создан Богом по образу Божию), а подобие приобретает сам, когда старается быть святым. Последнее объясняется еще примерами: Бог всеблаг, милует, посылает, например, солнце и дождь на всех – праведных и неправедных; и святые любят всех людей, даже врагов своих (кормят, когда они голодны, молятся за них); еще, например, Бог свят, и нет в Нем греха, и святые на небе не имеют и т.д.

После того учитель начинает повторять с детьми среднего отделения и младшего историю блаженства первых людей в раю и грехопадения. Рассказывают главным образом дети среднего отделения, но учитель обращается попутно и к младшему отделению с разными вопросами. Забытые подробности напоминаются вопросами. При этом учитель останавливается на названиях «древо познания добра и зла» и «древо жизни», заставляя повторять первое название несколько раз детей младшего отделения, даже хором, а также выяснить смысл обоих названий. Спрашивает учитель также, зачем диавол вошел в змия, что говорил Еве и т.д.

Далее учитель останавливается на наказании, назначенном за грех диаволу (и первым людям), и обетовании Спасителя: «Семя жены сотрет главу змия». Выясняется сначала ближайший, буквальный смысл этих слов. – «Какая здесь жена разумеется?» – Ответ: «Ева». – «А что такое «семя»?» – Ответ: «Потомство, люди, которые произойдут от Адама и Евы». Учитель спрашивает при этом, все ли люди произошли от Адама и Евы. – «Что значит «сотрет главу»?» – «Сокрушит, раздавит голову змея». – «Что значит это?» – «То, что диавол будет побежден». – «Кем же? Кто произойдет потом из потомства Адама и Евы и победит диавола?» Ответ: «Иисус Христос родится от Пресвятой Девы (и не Ева только, но и Она называется «Женою») и победит диавола, спасет людей».

После того учитель переходит к объяснению 2го члена Символа веры,

причем имеет в виду главным образом старшее отделение. – «Сейчас мы говорили о том, что первым людям, после того как они согрешили, повелел Господь веровать в Спасителя и ожидать Его. Где же кратко мы выражаем веру в Спасителя?» – Дети говорят, что в Символе веры, начиная со 2го члена. – 2-й член после этого громко, отчетливо читается учениками и однажды учителем, незнающие вслушиваются, затем повторяют. – Далее начинается объяснение. Опять детям предлагается сказать, веру в Кого мы выражаем во 2-м члене, а затем предлагается пословное объяснение, в котором принимают большое участие дети, где то можно.

«Во единого Господа», – разве были люди, которые говорили, что Иисус Христос был не один?» – «Да, Сам Господь сказал (отвечает на вопрос сам учитель ввиду новости для детей предмета), что явятся, особенно пред 2-м Его пришествием на землю, многие лжехристы, ложные христы и лжепророки, которые будут говорить: «вот Христос здесь» или «вот там Он», но им не нужно веровать. И теперь есть такие ложные христы. Потом были люди, которые говорили, что Иисус Христос, Который родился на земле, был один, а Сын Божий, 2е Лице Святой Троицы, – другой. А когда мы называем Иисуса Христа Господом, то какую веру высказываем?» – «Веруем, что Он – Бог» (ответ младшего отделения). – «Что значит имя Иисус («Спаситель»), почему Он назван так (потому что спас людей от греха, проклятия и смерти), кто назвал Его так (архангел Гавриил при благовещении Пресвятой Деве?)» Все это дети отвечают сами при некоторых лишь наводящих вопросах учителя. – «Что значит название «Христос» («Помазанник») и почему Господь так назван? кого помазывали ранее, в Ветхом Завете?» Дети вспоминают, что помазывали царей (Саула, Давида), первосвященников (Аарона), пророков (Елисея). – «Зачем помазывали?» – «Чтобы помазываемые получили дары Святого Духа». – «А Иисус Христос как был помазан, тоже миром, елеем?» – «Нет, Он получил Святого Духа при крещении, Сам Дух Святой Его помазал» (этот ответ дается при помощи сопоставления понятия «помазание» и получения даров Святого Духа, «помазание» и есть получение даров Святого Духа). Чтобы оживить внимание детей младшего отделения, учитель спрашивает, не знают ли они, как Дух Святой сошел на Иисуса Христа (как и ранее, они отвечают на некоторые вопросы, например: как иначе называется Иисус Христос? которое Он Лице Пресвятой Троицы? кого мы называем Господом?).

Спрашивает их же потом, кто это «Сын Божий». Детям же старшего и среднего отделений предлагается сказать, не называются ли и люди «сынами Божиими» и такие ли они «сыны Божии», как и Господь Иисус

Христос. Дети отвечают, конечно, отрицательно, но в чем различие, не могут определить без наводящих вопросов. Учитель напоминает, что у людей рождаются дети, одинаковые с родителями, с одинаковой природой человеческой; у всех людей «природа человеческая» (повторяет учитель, чтобы дети вслушались в эти слова, для них в связи понятные, но еще не вошедшие в их детский лексикон). «А у Иисуса Христа только человеческая природа?» – «Нет, у Него и божественная природа, потому что Он не простой человек, но и Бог». – «Значит, Он Сын Божий по Своей Божеской природе или по существу (добавляет учитель, чтобы стало ясным для детей и следующее выражение «единосущна Отцу»), одной природы, одного Божеского существа с Богом Отцом. А у нас природа – Божественная? – Ответ: «Нет». – Если нет, почему мы называемся «сынами Божиими»? Помните, почему мы называем Бога Своим Отцом («Отче наш»), а себя детьми Его». – «Потому что Он любит нас, как детей». – «Поэтому мы называемся «сынами Божиими» только по любви Божией, «по благодати», а не потому, что у нас природа божественная, как у Иисуса Христа, Сына Божия».

Слово «Единородного» выясняется детьми без труда (один Он только Сын Божий у Бога Отца; и у Пресвятой Девы не было еще детей). – «Иже от Отца рожденного» – эти слова требуют только перевода на русский язык, смысл же их понятен детям. – «"Прежде всех век» – что это значит?» – «То, что Иисус Христос, Сын Божий, всегда был, Он вечен, потому что Бог вечен. Он был прежде, чем что-либо было сотворено». – «Да и Кем сотворено все? почему ниже сказано «Имже вся быша» (эти слова сначала переводятся)? Бог сотворил мир словом, чрез Кого, значит?» – «Чрез Сына Божия».

Далее объясняются (с отступлением от порядка слов Символа, но по внутренней связи мыслей) слова: «рожденна, несотворенна»; в объяснение говорится только, что были лжеучители, еретики, которые не считали Иисуса Христа истинным Сыном Божиим, единосущным Богу Отцу, а считали Его сотворенным Богом, таким же творением Божиим, как и все прочие твари. Таков был Арий (пока о Вселенских Соборах за недостатком времени не упоминается). – «Только, дети, как же мы говорим, что Иисус Христос всегда был, прежде неба и земли и всякой твари, что Он их сотворил, а мы ведь теперь считаем какой год? Откуда мы начинаем счет годов?» На это отвечают и дети младшего отделения. Дети же старшего и среднего отделений объясняют, что Иисус Христос не простой человек, но и Бог; от телесного Его рождения на земле идет 1911-й год, но Он Бог, Сын Божий, и родился от Бога Отца прежде всего, от вечности.

Остаются еще не выясненными слова: «Света от Света, Бога истинна от Бога истинна». «Какой свет исходит от света – от солнца? одинаковый с светом солнца или другой какой?» – «Одинаковый». – «Значит, почему называется Иисус Христос «Светом от света», вдумайтесь, что говорится далее» («Бога истинна от Бога истинна»). Дети после этого соображают, что Иисус Христос «Свет от света» потому, что Он такой же истинный Бог, как и Бог Отец. Учитель это объяснение дополняет, спрашивая, «отделяется ли луч света от самого солнца, когда исходит от него». – «Нет, не отделяется, он идет, начиная от самого солнца» (если загородить солнце, луч не дойдет до нас). – «Так и Сын Божий от Отца неотделим: все три Лица – «Троица единосущная и нераздельная''' (добавляет учитель, напоминая о слове «нераздельный» в более или менее знакомом детям песнопении литургии).

Некоторые, более трудные объяснения повторяются попутно детьми разных отделений³⁰

Затем начинается проверка самостоятельной работы старшего отделения, сопровождаемая добавлениями со стороны учителя. Детям дано было прочитать то, что положено читать в праздник Нерукотворенного Образа, – с тем чтобы поставить эту работу в связь и с объяснением 2-го члена Символа веры. – Учитель спрашивает, какой сегодня праздник. Дети некоторые отвечают, что 16-го августа – праздник «Нерукотворенного Образа». Так как дети совсем не знают истории праздника, то учитель рассказывает ее сам всем трем отделениям. Попутно он заставляет детей объяснить самостоятельно смысл названия «Нерукотворенный Образ», и дети на основании рассказа объясняют. Подчеркивает также учитель то место рассказа, где говорится, что художник Анания не мог снять изображения с Иисуса Христа потому, что лице Его сияло Божественной славой.

Затем учитель спрашивает, что дети прочитали в 9-й и 10-й главах Евангелия от Луки. Дети вспоминают про то, как Господа Иисуса Христа не приняли в самарянском селении, про то, как Он ответил человеку, желавшему следовать за Ним: «лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Лк. 9, 58). Спрашивает также учитель, что сказал Господь об апостолах, которые сами своими очами видели Господа (Лк. 10, 23–24). – «В каком же виде Господь явился на землю – в таком же, в каком придет Он во второй раз судить живых и мертвых или нет (если Его даже не приняли в Самарии, если не было у Него, где голову приклонить)?» – Дети отвечают, что Он явится во славе, а в первый раз явился в «уничижении» (слово это повторяется детьми). – «Почему Он явился в уничижении? Вспомните опять, что сказано в Евангелии в том месте, где вы читали». – Дети отвечают, что Господь пришел не губить души человеческие, а спасти и потому не проявлял Своей Божественной славы чрез низведение огня с неба на самарян. – «А если бы явился Он во славе, что могло бы быть? Вспомните про ветхозаветных людей, что было с ними, когда им явился Господь». – Дети говорят, что они боялись умереть от явления им Бога. – «Вспомните еще, что сделалось и с учениками, когда Господь показал им на Фаворе Свою Божественную славу». – «Они очень испугались и пали ниц на землю». – «Значит, зачем Господь явился в образе человека, в уничижении, а не во славе?» – «Для того, чтобы люди Его не боялись,

чтобы лучше научить и спасти людей». – «Значит, Господь Иисус Христос имел Божественную славу и только скрывал ее. Вспомните, почему художник Анания не мог снять изображения с Господа Иисуса Христа?» – «Потому что лице Его сияло Божественной славой». – «Да, нельзя изобразить человеку всей славы Божества. Не скажете ли, дети, одинакова ли эта Божественная слава у Бога Отца и у Господа Иисуса Христа?» – «Одинакова». – «А как Иисус Христос называется за то, что слава Его одна и та же, что и у Бога Отца, что в нем сияет та же Божественная слава?» Напоминается конец кондака Преображения (который разбирался кратко на предшествующих курсах): «мирови же проповедят, яко Ты еси воистину Отчее сияние», говорится также, что Иисус Христос называется «Образом Отца». – «Почему Иисус Христос называется «Образом Отца» Своего, «Отчим Сиянием»? Вспомните, как говорится о Нем во 2-м члене Символа веры». – Дети соображают, что Иисус Христос потому называется «Образом Отца» и «Отчим сиянием», что в Нем та же слава Божественная, какая и в Боге Отце: «Он Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного»; и Он один открыл славу Бога Отца, когда явился в мир.

Так самостоятельная работа из Евангелия и история праздника «Нерукотворенного Образа» связываются между собою и с объяснением 2го члена Символа веры, а чрез то достигается более глубокое уяснение и восполнение объяснений 2го члена Символа веры и самого события праздника.

Конспект урока по Богослужению в старшем и среднем отделениях, данного на педагогических курсах в г. Житомире 17 августа 1911 года³¹

Предмет урока – объяснение первой части литургии верных. Учитель занимается с детьми старшего отделения, привлекая к деятельному участию и детей среднего.

Сначала учитель предлагает детям вспомнить, какая служба главная и почему литургия считается главной службой. Дети отвечают, что на ней совершается величайшее таинство причащения, потому она важнее вечерни, утрени и других служб. Подробно учитель на этом (и на названии «литургия») не останавливается, потому что имел уже случай говорить с детьми о том же на одном из предшествующих уроков. Он прямо переходит к разделению литургии на части и значению каждой из них. Дети говорят, что литургия делится на три части и называют каждую. Названия «проскомидия», «литургия оглашенных» и др. («агнец», «ектения») повторяются детьми среднего отделения, которым эти названия еще незнакомы, и пишутся на доске. Назвав каждую часть, дети говорят, где начинается каждая и каково значение каждой. Так, они говорят, что проскомидия совершается во время чтения часов и на ней готовится «агнец», т.е. вынимается из просфоры часть в воспоминание Господа Иисуса Христа, Который принес Себя Самого в жертву, как в Ветхом Завете приносили агнцев, т.е. ягнят, баранов. О литургии «оглашенных» дети говорят, что она начинается после часов, что на ней могли присутствовать только оглашенные, т.е. наставляемые в вере и приготовляемые ко Святому Крещению; вспоминают также дети по требованию учителя, что главное в этой части есть чтение апостола и Евангелия. Наконец, о литургии «верных», вникая в самое название, дети говорят, что это самая главная часть литургии, на которой могут присутствовать только верные, т.е. правильно верующие («православные», а не еретики или раскольники), на этой части литургии уже совершается самое таинство причащения.

«С чего начинается эта часть литургии, какими словами наминается, что оглашенные не могут присутствовать за этой частью литургии (кто произносит эти слова, спрашивает учитель для более наглядного представления о начале 3-й части)?» – Дети легко вспоминают слова «елицы оглашении, изыдите... елицы вернии, паки и паки миром

Господу помолимся», объясняя по требованию учителя слово «елицы» («те, которые»). Затем, вспоминают дети, как начинается пение «Иже херувимы», или «Херувимская песнь». На объяснении этой важной, торжественной и назидательной песни учитель останавливает особое внимание детей.

Спросив, не знает ли кто из детей наизусть Херувимской песни, прочитав затем сам песнь дважды (для того, чтобы дети вслушались в правильное, толковое и благоговейное произношение песни и вдумались в смысл ее), учитель приступает к объяснению (читается сначала половина песни). – «Вслушайтесь, дети, к чему мы призываемся в этой песни», – говорит учитель, повторяя еще раз слова ее. Дети, вслушавшись, говорят, что мы должны «отложить» (заменяют словом «оставить») всякое житейское попечение («попечение» заменяется словом «забота», а «житейское» – «земное»). Выделив, таким образом, главную мысль песни, дети легче уясняют себе смысл остальных слов песни. – «Почему же мы должны оставить всякие житейские заботы? Вдумайтесь в начало песни». Дети переводят начальные слова «Иже херувимы тайно образующе»: «мы, которые тайно (таинственно, непонятно) изображаем, уподобляемся херувимам». Объясняют при этом дети, что херувимы – один из чинов ангельских (ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и т.д.). – «Чем мы уподобляемся херувимам? Вспомните слова, которые следуют в песни далее. Чем постоянно занимаются ангелы?» Дети переводят дальнейшие слова: «и Животворящей (подающей жизнь всему) Троице Трисвятую песнь припевающе» (припевая, поя, по связи: «мы, которые поем»). Затем они вспоминают, что «Трисвятую» песнь «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь (полны) Небо и земля славы Твоя» постоянно воспевают серафимы (как открыто было пророку Исаии в видении), что ангелы и вообще заняты непрерывным прославлением Бога. После этого детям становится понятным, что мы уподобляемся херувимам, если непрерывно прославляем Господа. – «А еще чем? Вспомните слова, которые далее следуют». – «Еще тем, что не заботимся ни о чем земном, как ангелы, у которых нет и тела».

Предлагается детям вспомнить 2ю часть Херувимской песни, начиная со слов: «яко да Царя всех подыдем». «Кто называется Царем всех?» – «Бог, Иисус Христос», отвечают дети, соображаясь с общим смыслом песни и литургии. – «Как сказать порусски «Царя всех»? – «Царя всего, всей вселенной». – «Что значит: «подыдем Царя»? Вспомните, что совершается в середине Херувимской песни». – Дети вспоминают, что в это время Святые Дары переносятся с жертвенника на престол и диакон

несет их поднятыми на голове. Имея в виду мало осведомленное среднее отделение, учитель заставляет детей подробнее описать Великий вход: где престол? где жертвенник? кто несет Святые Дары? что говорят священнослужители? как вход называется? кроме Великого, какой есть еще вход? что выносится на Малом входе? что несется вперед Евангелия? что поется тогда («приидите, поклонимся»)? что Великий вход обозначает? На последний вопрос дети отвечают, что Великий вход обозначает шествие Господа Иисуса Христа в Иерусалим на страдания после торжественного входа в Иерусалим. – Из этого уяснения себе священнодействия Великого входа дети видят, что слово «подыдем» означает: «чтобы нам принять Христа», шествие Которого на страдания изображают поднятые на голову и несомые диаконом Святые Дары. – «Ангельскими невидимо дориносима чинми» – в этих словах детям непонятно выражение «дориносима». Учитель объясняет, что как в древнее время Царя земного воины торжественно (в боевом порядке) сопровождали с копьями («дори» – значит «копье»), так Царя небесного, Христа, окружают и сопровождают ангелы. – «Для что нужно прежде примириться с братом, а потом приходить и при чего же, значит, должны мы уподобиться херувимам и оставить все житейские мысли и заботы?» – «Для того, чтобы («яко да») достойно принять Христа, Которого в то время с нами славят и Которому невидимо служат ангель». – Слово «аллилуиа» («хвалите Бога») оказывается детям известным.

«Вспомните, дети, что бывает после Херувимской песни». – «Ектения просительная». – Приходится напомнить детям, что такое ектения, кто ее читает, что поется во время ее произнесения («Господи, помилуй!» «подай, Господи!»). Припомнив это (что поются во время ее молитвенные возгласы «Господи, помилуй!» «подай, Господи!»), дети говорят, что ектения – молитва, моление протяжное. Затем учитель предлагает детям вслушаться в слова ектении просительной и читает ектению, делая попутно и некоторые объяснения; например, «исполним молитву» – «дополним, будем еще молиться»); спрашивает также, какая кончина называется доброю христианскою кончиною, что непременно нужно постараться христианину сделать пред смертью (покаяться в грехах и причаститься Святых Таин, чтобы предстать на Страшный Суд Христов). Прочитав слова ектении, учитель спрашивает, о каких благах – для тела или для души – мы молимся в просительной ектении («прощения и оставления грехов», «добрых и полезных душам нашим», «прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати», «христианския кончины»). Дети соображают, что мы молимся о благах духовных.

Предлагается вспомнить дальнейший ход литургии. «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы». – «Что значит «единомыслием» и «исповемы»?» – «"С одними мыслями», «будем прославлять"». – «Да, дети, вспомните, как называется эта часть литургии (литургия верных) и можно ли быть на ней человеку с другими, неправильными мыслями, еретиком, например, раскольнику». – «Нельзя». – «А для чего, не знаете ли, дети, говорится: «возлюбим друг друга», как, с какими чувствами мы должны приступать к литургии, как Господь велел приносить дар к жертвеннику?» Дети вспоминают слова Господа о том, прежде примириться с братом, а потом приходить и приносить дар свой (Мф. 5, 23–24). Учитель предлагает вспомнить и то, что ради этой любви друг к другу делали древние христиане, когда совершали таинство Святого Причащения («вечери любви», на которых богатые делились с бедными по любви христианской; подробно обо всем этом не говорится, потому что учитель имел уже случай беседовать с детьми на одном из предшествующих уроков о данном предмете). – «Кого же должны мы прославлять «с одними мыслями»? что поют далее певцы?» – «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную» (смысл этих слов после объяснения 2-го члена Символа веры детям понятен, тем более что учитель при объяснении 2-го члена напоминал уже указанные слова песни церковной). Учитель предполагал (за недостатком времени не успел) при этом обратить внимание на то, что отвечать (как и делали древние христиане) слова: «Троицу Единосущную», «аминь», «и духови твоему» должны были бы все люди, стоящие в церкви, а не только певчие, чтобы все молились со священником одним сердцем и одною душою.

Далее возглас: «Двери, двери, премудростию вонмем!» Учитель объясняет, что в древнее время у дверей храма стояли привратники, которые во время литургии не впускали в церковь оглашенных, еретиков, язычников; и этим-то привратникам говорилось: «двери, двери!», т.е. чтобы они внимательно смотрели за дверями. – «А у нас хорошо ли делают, если в это и в любое время многие направляются к дверям и выходят из храма? Не должны ли мы затем и еще наблюдать за какими-либо дверями, кроме дверей храма? Какие у нас еще двери могут быть?» – Дети и на этот общий вопрос (без наводящего) отвечают, что есть двери у души, у сердца, в которые входят худые мысли, желания. – «Да, вот за ними-то и нужно наблюдать, чтобы во время литургии не входило в душу ничто худое. Поэтому к чему призываются стоящие в церкви? Как далее говорится?» – «Премудростию вонмем». – «Что значит «вонмем»?» – «Будем внимательны» (дети соображают это по корню слова). – «А

«премудростию»? Значит, далее нужно быть к чему внимательным?» – «К премудрости Божией». – «К какой? что будет совершаться далее такое, что для разума человеческого совсем непонятно, непостижимо?» – «Таинство Святого Причащения: хлеб и вино сделаются чудесно истинным Телом и Кровию Христовыми».

– «Что поют далее певцы?» – «Символ веры».

– «Не догадаетесь ли, почему это? Какая часть литургии идет?» – «Литургия верных». – «Значит, чтобы присутствовать на литургии верных, что нужно в себе иметь?» – «Правильную веру». – «А она где изложена?» – «В Символе веры».

Потом слышим возглас диакона: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, Святое Возношение в мире приносить»³². Учитель предполагал здесь заставить детей прежде всего перевести возглас: «Добре» – «хорошо». «Со страхом» – «благоговейно». «Возношение» – «приношение», жертва наша, совершение таинства Святого Причащения на хлебе и вине, которые приносятся нами для таинства. Почему нужно «в мире» приносить жертву, уже объяснено ранее. – Певчие поют, какую же жертву мы будем приносить: «милость мира, Жертву хваления». – «Значит, какую жертву мы будем приносить?» – «Жертву хваления» (хвалы, прославления). – «Почему жертва Иисуса Христа, Который Себя отдал на смерть за грехи мира, называется жертвой хвалы? вспомните, что сделал Сам Иисус Христос, когда хотел эту жертву принести, когда шел Он на страдания и на Тайной вечери говорил: «Сие есть тело Мое, которое за вас предается» (Лк. 22, 19)». – «Он прежде воздал хвалу Отцу Своему и благодарил Его». – «За что же? за то, что помог Ему Отец что совершить?» – «Помог пострадать за грехи мира, для спасения его». – «А не скажете ли, Его страданиями, Его жертвою, которую принял Он, чтобы мир спасти, кто прославился?» – «И Сам Он, и Бог Отец». – «Почему же жертва Христова называется «Жертвою хваления?»» – «Потому, что этою жертвою, которая принесена для спасения людей, прославился Бог». – Чтобы подготовить детей к пониманию первой части возгласения «милость мира», учитель спрашивает: «Для чего принес Господь жертву, для чего все жертвы и прежде совершались?» – «Чтобы Господь простил грехи и умилился над людьми, виновными пред Ним». – «Вот и слово «милость» означает здесь «умиловительная жертва», а слова «милость мира» означают «умиловительная жертва за наш мир (ради нашего мира)». С Кем же мир дал Господь нам? с Кем мира у людей не было? Кого они прогневали грехами?» – «Бога». – «Да, прежде люди навлекали на себя худыми делами гнев Божий, и на душе у них не было мира, а

теперь, когда Господь принес Себя в жертву за грехи людей, привлекают что?» – «Любовь Божию». – «А на душе у них что, когда грехи Бог простит?» – «Мир, спокойствие». – «Значит, что же означает слово «милость мира»?» – «Будем приносить умиловительную жертву, чтобы получить мир с Богом».

«А можем ли мы сами достойно приносить такую жертву, что нам для того нужно? Вслушайтесь, какие слова произносит и о чем просит далее священник? Он говорит: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви (любовь) Бога и Отца, и причастие Святаго Духа (т.е. общение с нами Святого Духа, снисхождение Его на нас) буди со всеми вами!»³³.

Певчие (или все люди) отвечают: «И со духом твоим», т.е. да пошлет Господь и твоей душе благодать, любовь Божию, дары Святого Духа. Священник произносит: «Горе имеим сердца», – что это значит, куда нужно обратить сердца? Что значит «горе»? например, «возвел очи горе» – куда это? или «горница» – какая часть дома, нижняя или верхняя?» Дети легко могут сообразить, что «горе имеим сердца» означает: «обратим их к небу, забудем о всем земном». Далее «благодарим Господа» – самая важная часть литургии верных, доселе же верующие только подготавливались к этой части.

Таким образом предполагалось довести детей до самой главной части литургии верных, хотя это за недостатком времени не совсем осуществлено, потому что учителю пришлось часть урока употребить на проверку самостоятельной работы детей старшего отделения, заданной вчера, и на рассказ о Нерукотворенном Образе. При полном незнакомстве детей с порядком службы приходится вопросоответную форму изложения довольно часто менять на излагательную, – впрочем, только там, где дети обнаруживают почти полную неосведомленность или где путь наводящих вопросов отнял бы очень много времени.

**Конспект урока по Закону Божию во всех отделениях,
данного на педагогических курсах в г. Житомире 6
июля 1912 года³⁴**

Предмет урока – история Рождества Христова в младшем и среднем отделениях, а затем объяснение 3-го члена Символа веры в старшем и среднем отделениях, при некотором участии младшего. Старшему отделению дается на первую половину урока самостоятельная работа – прочитать о Благовещении Пресвятой Девы и Рождестве Христовом (Лк. 1:26–56, 2:1–20) с отношением и к предстоящей им самим работе, и к работе младшего отделения.

Учитель начинает с вопроса, какой сегодня (т.е. 6 июля 1912 г.) день недели. Дети отвечают, что пятница (хотя и этого ответа от младшего отделения можно было добиться не сразу). – «А какую сегодня нужно есть пищу: постную или скоромную, т.е. мясо, молоко, яйца и т.д.?» Ответ: «Нужно есть постную». – «Почему?» – «Потому что в пятницу Господь Иисус Христос был распят». Младшему отделению показывается при этом картина с изображением распятия, и дети объясняют, что изображено на ней.

«Для чего же Господь Иисус Христос потерпел распятие?» – Дети среднего отделения отвечают, что для избавления нас от греха, проклятия и смерти. Чтобы этот книжный ответ был нагляднее для детей, особенно младшего отделения, учитель предлагает детям среднего отделения вспомнить, что первые люди уже после согрешили, а прежде не имели грехов и жили в раю. Мы же теперь, вспоминают дети, каемся в грехах на исповеди, и грехи прощаются, но не было бы и исповеди, прощения грехов, если бы Господь Иисус Христос не умер за грехи наши. Потом дети вспоминают, что после греха на земле и на людях было проклятие Божие («проклята земля за тебя»), а Христос снимает проклятие: на Страшном Суде Господь скажет некоторым людям, которые не покаются: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (злым духам), людям же праведным: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие (Божие) от создания мира». Что Иисус Христос избавил нас от смерти, это видно из читаемого детьми тропаря Пасхи: мертвые люди не вечно будут в земле лежать, но оживут во Второе Пришествие. – «Христос, значит, умер за нас. Что же? Он простой человек, как мы, обыкновенные люди, или

нет?» Дети отвечают, что Он Бог. – «А вместе как сказать то, что Он и Бог и человек?» Ответ (детей среднего отделения): «Богочеловек».

Этот ответ повторяется и детьми младшего отделения. – «Мы не будем, дети, говорить о распятии Иисуса Христа, а о том скажем, как Он родился на земле. Не слышали вы, дети, как родился Иисус Христос?» Оказывается, познания детей ничтожны. Чтобы вызвать более воспоминаний в умах детей, учитель показывает детям младшего отделения картину, изображающую Рождество Христово, и они кое-что объясняют, и дети среднего отделения дополняют сведения младших. Это делается для того, чтобы, узнав известное детям, учитель мог постепенно переходить к неизвестному. Учитель старается при этом предварительном выпрашивании остановить внимание детей на всех главных трудностях, которые мешали бы ясности и последовательности рассказа, желая потом приковать к рассказу все внимание. Учитель спрашивает детей, когда бывает праздник Рождества Христова, Кто изображен на картине: младенец Иисус Христос, Мать Божия, Пресвятая Дева, по имени Мария, затем Иосиф, пастухи. Об Иосифе дети вспоминают, что он был родственник Пресвятой Девы Марии, ему поручено было охранять Пресвятую Деву, что он называется Обручником, потому что Пресвятая Дева была ему обручена (назначена в жены), но не была Его женою и всегда оставалась Девою. Далее дети вспоминают, что Господь Иисус Христос родился в городе иудейском Вифлееме, откуда был родом и Царь Давид; из Его потомства происходил Господь Иисус Христос, – что, собственно, Иосиф и Мария жили в Галилее, в городе Назарете, а в Вифлееме пошли для того, чтобы записаться, потому что нужно было записаться в том городе, откуда кто был родом (слово «перепись» детям младшего отделения объясняется наглядно чрез сравнение с тем, как учитель переписывает имена учеников). Указывают дети на картине пещеру (пустое место в горе, скале – в эти пещеры загоняли скот с поля во время непогоды) и ясли (объясняют, смотря на картину, что это такое); при этом разные названия, например император Август, ясли, Иосиф Обручник и т.д., повторяются детьми младшего отделения в отдельности и хором.

Подготовив таким образом детей к рассказу, учитель говорит: «Слушайте теперь, дети, как рассказывается про все это в Евангелии». Рассказ ведется близко к подлиннику по 2-й главе Евангелия от Луки; выпускается только 2-й стих; изменения делаются незначительные; например, вместо «была беременна» говорится: нужно было Пресвятой Деве родить; или в 7-м стихе присоединяется объяснение: сходилась для

переписи много народа отовсюду, и все гостиницы поэтому были заняты (объясняют дети и самое слово «гостиница»); в 11-м стихе «город Давидов» называется Вифлеемом, в 12-м стихе к словам «вот вам знак» добавляется объяснение: знак того, что это истинно; в 13-м стихе вместо «воинство небесное» говорится прямо «ангелы»; славословие ангелов читается попутно детьми среднего отделения и повторяется не раз; объяснение пока не делается, чтобы не прерывалась нить рассказа (не объясняется песнь и во вступительной беседе, потому что смысл ее яснее в связи с самым рассказом); 19-й стих опускается.

За рассказом следует повторение его детьми среднего отделения в связном виде, и только кое-где даются для напоминания вопросы в общем виде (например, о пастухах что говорится? что сделали пастухи после явления ангелов? еще что? и т.п.). Младшие повторяют то же самое по вопросам учителя подробным, например: где родился Господь Иисус Христос? зачем туда пошли Иосиф и Мария? где там остановились? что там случилось? кто был в поле тогда? кто явился пастухам? один ли ангел явился? что пели ангелы? что сделали пастухи после того, как ангелы отошли? что сделали они, когда поклонились Христу и возвестили слова ангела? и т.п. При воспроизведении рассказа дети вспоминают слова ангельской песни. Вопрос: «Когда ее мы слышим – в середине всеобщей или в конце?» Присоединяется и объяснение песни. «Слава в вышних Богу», т.е. на небесах, где живут ангелы. «И на земли мир», – сначала учитель наглядно объясняет детям слово «мир», напоминая о товарищах, которые, например, сердились, гневались друг на друга, побранились, поссорились, подрались, а потом что сделали? помирились (слово говорится самими детьми). За грехи людей Бог на людей гневался, а теперь, когда Господь Иисус Христос родился спасти людей от грехов, уже не стал гневаться, наступил мир у людей с Богом. Господь перестал гневаться, и настало вместо гнева что? как сказано далее? – благоволение к людям, милость Божия к ним. Да и между собою-то люди стали жить в мире, любви, добавляет учитель, чтобы закончить объяснение слов: «в человецех благоволение».

Работа детей младшего и среднего отделений незаметно связывается здесь и с работой детей старшего отделения, которые также читали о Рождестве Христовом, кое-где даже и принимали участие в ответах. Теперь детям старшего и среднего отделений предлагается вспомнить, где в Символе веры говорится о Рождестве Христовом. Дети вспомнили было 2-й член, но сообразили, что там говорится о рождении Христа не на земле от Пресвятой Девы Марии, а от Бога Отца. После этого они догадываются,

что нужно прочитать 3-й член Символа веры. – По прочтении третий член объясняется. В первых словах: «нас ради человек и нашего ради спасения», объясняют дети, говорится, зачем Господь Иисус Христос родился на земле; вспоминают дети, что спас нас Господь от греха, проклятия и смерти (сопоставляется это объяснение со вступительной беседой); так как дети младшего отделения слушали вступительную беседу, то теперь и они принимают некоторое участие в общей работе. «Сшедшаго с небес». – Иисус Христос был Бог, а потом родился на земле и стал человеком, Богочеловеком (сравн. вступит. беседу). «Воплотившагося» – «плоть», объясняют дети, означает «тело»; Господь Иисус Христос не был призраком, за который принимали Его по воскресении или при хождении по волнам моря (дети младшего отделения отвечают при этом на вопрос, мог ли бы простой человек ходить по морю); объясняют и то, что если бы призраком было тело Иисуса Христа, то и страдания Его были бы не настоящими – призрак не может страдать, спасти людей Он не мог бы. «От Духа Свята» – эти слова дети объясняют на основании прочитанной ими истории Благовещения, подробно вспоминая слова ангела («Дух Святой найдет на Тя... раждаемое свято наречется»). «Марии Девы» – Она осталась Девой и после рождения Христа Спасителя и называется за это как еще? Ответ: «Приснодевою» («присно», говорят дети, значит «всегда, постоянно»). «Вочеловечшася» – принял Господь не одно тело, но и душу человеческую, радовался, скорбел, как все люди. Когда особенно сильно, «смертельно» скорбел?» Ответ: «При распятии и еще ранее в саду Гефсиманском». Дети опять объясняют, что если бы не было у Господа души, которою Он радовался и страдал, то пострадать и спасти людей Он не мог бы. Дети младшего отделения и здесь привлекаются к участию: они отвечают, что у человека не одно тело, но есть и душа, отвечают и на вопрос, каким бывает обыкновенно пот у человека, бывает ли, как капли крови, как у Господа Иисуса Христа, когда Он сильно скорбел и страдал в саду Гефсиманском?

Так как урок катехизиса в старшем отделении совместно со средним отделением соединяется с уроком младшего отделения, которому не могло быть дано самостоятельной работы, то последнее необходимо было как-либо привлечь к работе других отделений.

Конспект урока по Закону Божию, данного на педагогических курсах в г. Житомире 7 июля 1912 года³⁵

Предмет урока – изъяснение молитвы «Царю Небесный» детям младшего и среднего отделений и объяснение 8го члена Символа веры детям старшего и среднего отделений.

Дав детям старшего отделения в виде самостоятельной работы почитать о Святом Духе из прощальной беседы Господа (Ин. 15; Ин. 16, 1–13), учитель переходит к занятиям с младшим и средним отделениями. Давая работу старшему отделению, учитель несколько подготавливает к ней детей, предлагая им сообразить, что было бы с веткой, если бы ее отсечь от дерева, почему она может жить только будучи на дереве, объясняя затем, что общение со Христом, подобное общению ветки с деревом, совершается чрез любовь ко Христу, исполнение Его заповедей, что людей, любящих Христа, весь мир ненавидит; но Господь послал в помощь им Духа Утешителя. Вся эта беседа ведется в вопросоответной форме, и дети младшего отделения сидят не безучастно, потому что наглядные образы (ветки, например, сухой и зеленой) и им понятны.

Приступая к работе с детьми младшего и среднего отделений, учитель сначала ведет с ними беседу о Пресвятой Троице. Чрез это урок настоящий связывается и с предыдущим. Предложив детям вспомнить, что им вчера было рассказано о Рождестве Иисуса Христа и что Он есть Бог, Богочеловек, а не простой человек, учитель спрашивает детей младшего отделения, не слышали ли они, Кто есть Дух Святой? человек ли? ангел ли? или кто другой? Добившись ответа, что Он есть Бог, учитель старается ввести некоторую наглядность в смутные представления детей младшего отделения о Святом Духе. – «Мы говорили, что Господь Иисус Христос сошел с неба, родился на земле, а Дух Святой сходил ли, сходит ли к нам на землю?» Дети среднего отделения вспоминают о сошествии Святого Духа на апостолов, в самых общих чертах рассказывают, дети же младшего отделения объясняют при этом содержание соответствующей картины. То же самое и с картиной Крещения Господа. Дети припоминают еще, что на нас, когда мы крестились, сходил невидимо Дух Святой (не просто тогда в воду нас опускали), что без этого мы не были бы православными христианами, не отличались бы от евреев, татар и т.д.

После наглядного сообщения детям сведений о Святом Духе учитель имеет в виду предотвратить путаницу в их понятиях вообще о Боге Троицею. – «Мы говорили, что Христос – Бог, Дух Святой – Бог, а еще

есть Кто? Вспомните молитву: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»? Что же это три особых Бога или Бог один?» – Ответ: «Бог один». «Как же назвать Бога Отца, Сына и Святого Духа? Это особые Боги или как иначе назвать?» Дети среднего отделения отвечают, что это три Лица Святой Троицы. Дети младшего отделения повторяют, называя имена Лиц Пресвятой Троицы то хором, то поодиночке. Учитель же объясняет при этом, что Лица в Боге – это не наши лица, видимые, человеческие (у Бога тела нет, Он невидим). Это значит только, что Бог один, но есть Бог Отец, есть Бог Сын и Бог Дух Святой (формула «Бог един по существу и троичен в Лицах» пока не сообщается).

«Дети, мы сказали, что Дух Святой приходит к нам, когда, например, крестимся. А нет ли молитвы Святому Духу о том, чтобы Он пришел к нам?» Дети вспоминают молитву «Царю Небесный». Сначала учитель осведомляется, кто из детей младшего отделения знает молитву «Царю Небесный». Оказывается, знали ее только двое из детей. Молитва читается однажды детьми среднего отделения, затем самим учителем, который читает ее, отделяя каждое слово (для отчетливости и предотвращения ошибок в произношении), кроме того, делая большие остановки на знаках препинания и по смыслу («Царю Небесный... Утешителю... Душе истины... Иже везде сый... и вся исполняй... прииди и вселися в ны... и очисти ны... от всякия скверны... и спаси, Блаже... души наша»), выделяя голосом логическое ударение (например, «везде», «прииди», «спаси»). Читает учитель один, читает, заставляя повторять за собою детей хором и отдельных учеников по группам или поодиночке.

Когда дети вслушались в слова молитвы, учитель начинает ее объяснять. Приводя эти объяснения в связь со вступительною беседою, учитель спрашивает детей, о чем же мы молимся Святому Духу в молитве «Царю Небесный». Дети, вспоминая беседу и слова молитвы: «прииди и вселися в ны» и т.д., которые и читают, – говорят, что молимся мы Святому Духу, чтобы Он пришел к нам и вселился в нас, очистил от скверны, спас души наши. Таким образом, сразу освещается для детей общий смысл молитвы и чрез то предотвращается разрозненность дальнейших объяснений. Последние ведутся так.

Учитель читает или заставляет детей среднего, а отчасти и младшего отделений читать молитву по малым частям, затем каждое слово и мысль объясняет. Ведется объяснение в вопросоответной форме. – «Царю Небесный», – кто называется «Царем Небесным? кроме Небесного, есть какой еще Царь?» Дети, смотря на портреты Царей, висящие на стене, говорят, что есть и Цари земные, например Царь русский над землею

Русской, Царь же Небесный есть Бог, Который пребывает на небе вместе с ангелами и святыми. Желая при этом предотвратить ложное понятие о пребывании Бога только на небе, учитель спрашивает, обитает ли Бог и на земле, владеет ли ею. Дети отвечают, что на земле Бог тоже везде находится, владеет небом и землю, а учитель добавляет, что на небе Бог особенно находится с ангелами и святыми. – «Утешителю» – кто называется Утешителем? какие далее слова?» Вспоминая слова «Душе истины», дети соображают, что и Утешителем, и Царем Небесным назван в молитве Дух Святой. Желая наглядно выяснить понятие о Духе как Утешителе, учитель спрашивает не только то, почему называется Дух Святой Утешителем (утешает в печалях, объясняют дети), но и то, кого, например, утешал Дух Святой. Вспоминая картину сошествия Святого Духа на апостолов, дети приводят на память, как Дух Святой утешал апостолов, когда Господь вознесся на небо и оставил их одних («сиротами») в мире (дети младшего отделения указывают на картине, изображающей Вознесение, то, о чем рассказывается), когда их заключали в темницы, гнали, мучили, отдавали на смерть. Говорят дети и про мучеников, перечисляя виды их мучений, что их утешал также Дух Святой, так что они не только не печалились и не роптали на Бога, как другие люди во время мучений, но еще радовались и пели псалмы (последнее добавляет учитель)

«А нас утешает ли Дух Святой, когда тоже на душе печаль, скорбь; что нужно сделать, чтобы печаль прошла?» – Ответ: «Нужно помолиться Богу, и на душе будет мирно, спокойно, радостно». – «Как дальше называем мы Духа Святого в молитве?» Ответ: «Духом истины». – «Почему?» – Ответ: «Потому, что Он научает нас истине». – Желая выяснить это наглядно, учитель спрашивает, какая книга у него в руке (Евангелие), истинно ли все, что в ней написано? Как это узнать, что все истинно? Дети говорят, что Священное Писание написано апостолами, а на них сошел Дух Святой и научал их истине; они не сами придумывали то, что писали, но Дух Святой наставлял их. Продолжая выяснение, учитель рассказывает (с целью оживить и внимание) причту о неразумном богаче, у которого был урожай и который построил новые житницы, чтобы собрать все добро свое, но Бог в ту же ночь душу (жизнь) взял у него. – «Знал ли богач, что хорошо и что худо, в чем истина? Ведь когда он ел, пил и веселился, то думал, что это хорошо? И нас Дух Святой также не вразумляет ли иногда? Например, когда кто из вас кого обидел и обиженный начинает платить злом обидевшему, хорошо ли он делает? Как Христос заповедал?» – «Христос Сам прощал врагам Своим и молился за

них, поэтому и обижать нехорошо, грех». – «Да, а ведь самому человеку кажется, что он поступает хорошо, когда платит злом за зло, думает, что так и нужно. Кто же нас научает истине и правде?» Ответ: «Дух Святой».

Слова «Иже везде сый» сначала переводятся детьми среднего отделения («Который везде находишься») и уясняются примером: когда человек взял чужое и никого из людей не было при этом, значит ли это, что никто не увидит вора? Дети отвечают, что видит вора Бог, Который везде находится. Слова «и вся исполняй» – тоже сначала переводятся: «все исполняешь», потом объясняются наглядным сравнением: вода наполняет во время сильного дождя всю яму до края, воздух наполняет не только все место кругом, но есть он в самом теле нашем, в воде; так Дух Святой находится везде – на небе, на земле и в нас самих. Благодаря наглядности объяснение делается (как и всегда) не учителем только, но в значительной мере детьми. – «Сокровище благих» – для объяснения этих слов учитель предлагает прежде всего сказать, что называют сокровищем (например, золотые, серебряные вещи, деньги, драгоценные камни и т.д.), где их хранят (запирают, прячут куда-либо, скрывают в потаенном месте, даже в земле, – отсюда и название «сокровище», или «сокровищница», место, где сокровища хранятся). – «Но сокровищем какого добра («благих» – всего доброго, всякого блага) называется в молитве Дух Святой? Такого ли, например, какое собрал богач, о котором мы сказали? для тела или для души особенно подает блага Дух Святой? А если для души, то какие именно? Припомните, какие блага подавал Дух Святой, например, апостолам?» Дети отвечают, что Он их научал истине, утешал в страданиях и т.д. Учитель напоминает им для наглядности, что они и сами учатся добру в школе и Духа Святого просят пред началом урока, чтобы помог учиться.

«Жизни Подателю» – к объяснению этих слов учитель привлекает и детей старшего отделения, которым нужно было предложить объяснение 8го члена Символа веры, в частности слова «Животворящаго». – «Какую же жизнь подает Дух Святой? Вспомните, дети, о сотворении мира». Дети вспоминают величественную картину творения мира, когда над «землею невидимою и неустроенною», или «водою», носился Дух Божий, оживляя все созданное, как птица сидит на яйцах и из них выходят живые цыплята (такой смысл еврейского слова, соответствующего славянскому слову «носился»). Наглядное сравнение действует и на воображение детей младшего отделения, продолжающего принимать участие в работе. – «Но телу ли только нашему дает жизнь Дух Святой? Посмотрите, дети, на эту картину». Дети старшего и среднего отделений объясняют содержание

картины (изображающей притчу о блудном сыне), а младшее отделение указывает, где отец, где сын, как отец встречает сына, в какой он одежде, отчего. – «Вспомните, дети, что сказал отец, когда встретил сына». – Дети вспоминают слова: «Сын мой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся». – «Но как же он назван мертвым, когда он живой?» Дети отвечают, что не телом он мертвый, а душой. – «Но душа может разве умереть? Она ведь бессмертна?» Дети сообщают, что мертвою душа названа за грехи, пороки, в которых проводил жизнь свою блудный сын. Чтобы еще нагляднее было для детей понятие о духовной смерти, учитель спрашивает детей (младшего отделения), как узнать, умер ли человек или нет. Дети говорят, что мертвый не дышит, не движет ни рукой, ни ногой, не открывает глаз и т.д., ничего не может делать. – «Ну а мертвый душой чего же не может делать?» Ответ: «Ничего доброго». – Этот ответ еще более уясняется посредством примеров: например, пьяница хотел бы не пить, но может ли остановиться? скупой видит, что ближнему нужно помочь, но делает ли это? – «Значит, Дух Святой как оживляет и душу?» – Ответ: «Он помогает нам делать добро».

«Как же называется Дух Святой во всей молитве?» Дети говорят первую половину молитвы и перечисляют названия в ней Духа Святого. – «А о чем мы Духу Святому молимся в этой молитве?» Дети читают молитву до конца. Таким образом, содержание молитвы обобщается и между частями ее устанавливается связь. – «Прииди и вселися в ны», – слова эти переводятся детьми среднего отделения. – «Как Дух Святой поселяется в нас? видим ли мы это?» Дети вспоминают сказанное ранее о том, что Дух Святой приходит и к нам, после молитвы особенно, поселяется в нашей душе невидимо, потому что у Него нет тела. – «Очисти ны от всякия скверны» – эти слова дети объясняют, вспоминая про тело или одежду грязную, запятнанную, которую нужно очистить, вымыть. – «От чего нужно очистить душу, что делает ее скверной, мерзкой, как мерзко и прикоснуться к одежде измаранной, грязной?» Дети говорят, что душу нужно очистить от грехов (когда именно? Ответ: «На исповеди»), что скверны души – это ее грехи. Остальные слова: «и спаси, Блаже, души наша» – требуют не столько объяснения, сколько одного перевода, который и делается детьми среднего отделения.

Объяснения, делаемые при живом участии детей среднего отделения, повторяются и детьми младшего; повторение делается и после отдельных объяснений, и по объяснении всей молитвы, особенно на следующем уроке, на котором, собственно, оно и было окончено; на первом уроке объяснение было доведено до слов: «Иже везде сый», хотя уже дети

отчасти были введены и в общий смысл молитвы, как сказано выше.

Окончив работу с младшим и средним отделениями, учитель переходит к старшему, причем привлекает к работе и среднее, отчасти младшее. Дети среднего отделения на вопрос учителя, где мы кратко выражаем свою веру в Духа Святого, отвечают, что в 8-м члене Символа веры, и читают 8-й член. Далее идет объяснение. Дети без труда объясняют, почему мы называем Духа Святого Господом (потому что Он Бог; на этот ответ обращается внимание и детей младшего отделения). – Слово «Животворящего» уже объяснено. Только учитель еще раз напоминает прочитанное детьми о лозе истинной (Ин. 15), чтобы объяснить, как сила Духа Святого переходит в нашу душу подобно соку из ствола в ветви, когда мы от Бога не отходим, а с Ним пребываем. Доводит детей до сознания и того, что жизнь, подаваемая нашей душе Духом Святым, это жизнь святая, почему Он и особенно называется «Святым». – Слова «Иже от Отца исходящего» дети объясняют, сопоставляя их со словами Самого Господа в прощальной беседе, которые они читали (Ин. 15, 26). Добавить приходится только замечания, что о Сыне Божиим говорим мы, что Он родился от Бога Отца, а о Духе Святом как нужно говорить? Он «исходит» от Отца. Остальные слова 8го члена («Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима») дети объясняют без труда, говоря, что Духу Святому нужно так же поклоняться и так же Его славить, как Бога Отца и Сына, потому что Он такой же истинный Бог; «глаголавшим же пророки» (через пророков) Дух Святой называется потому, что пророки и апостолы не сами от себя говорили и писали, а научал их всякой истине и будущее открывал Дух Святой.

Конспект урока по Закону Божию, данного на педагогических курсах в г. Житомире 9 июля 1912 года³⁶

Предмет урока – дальнейшее объяснение молитвы «Царю Небесный» в младшем и среднем отделениях, а затем объяснение вечерни детям старшего отделения вместе со средним.

Пред уроком учитель предлагает детям хорошенько вслушаться в слова молитвы «Царю Небесный», которую сейчас будут петь. Затем говорит детям старшего отделения, чтобы они нашли в Часослове чин вечерни, просмотрели его внимательно, что сначала и потом читается или поется, вспомнили, так ли совершается вечерня в праздник, как обычная, порядок которой изложен в Часослове, вчитались, наконец, в псалом: «Благослови, душе моя, Господа». После того начинаются занятия с младшим и средним отделениями (о которых см. в предыдущем конспекте). – Сначала молитва снова читается детьми среднего отделения и младшего – хором, группами и в одиночку. Окончив объяснение тех или иных слов молитвы, учитель предлагает вспоминать дальнейшие слова детям младшего или среднего отделений. Окончив объяснение молитвы, учитель дает детям младшего отделения самостоятельную работу – писать палочку, крестик (дети среднего отделения говорят, что первую можно обозначить слово «Иисус», а вторым – слово «Христос»), крестик прямой двухконечный и восьмиконечный (дети при этом смотрят, как нужно писать: написать прямой крест, затем добавить сверху палочку прямую, а внизу наискось; учитель напоминает, имея в виду картину, что вверху была надпись, а внизу стояли ноги Иисусовы), наконец, треугольник, напоминание о Пресвятой Троице. Чтобы работа получила больший смысл, учитель говорит детям, что в прежнее время христиан мучили, преследовали и они убегали в подземные пещеры, катакомбы, изображать Иисуса Христа им было нельзя, но они, чтобы напоминать себе постоянно об Иисусе Христе, не только на себе изображали крест, но и на дверях, блюдах писали имя Иисуса Христа буквами, изображали Крест Его и т.д.

Затем учитель переходит к старшему и среднему отделениям. Спросив детей, почему вечерня так называется, учитель заставляет их сказать, как она начинается, почему с возгласа «Благословен Бог наш» (потому что всякое дело нужно начинать с благословения Божия, объясняют дети). Затем дети вспоминают начало вечерни праздничной: после возгласа («Слава Святей») поется трижды (в честь Святой Троицы,

объясняют дети): «приидите, поклонимся», – это потому, что нельзя прийти в церковь с улицы с обычными пустыми, иногда грешными мыслями, нужно сосредоточиться, и вот святая Церковь призывает к тому словами «приидите, поклонимся», чтобы мы оставили все житейское и начали поклоняться Богу с вниманием и благоговением (это дети объясняют при помощи учителя). – «Что далее?» – «Поется «Благослови, душе моя, Господа''''. – «За что прославляется Господь в псалме?» Ввиду затруднения детей учитель напоминает детям слова «вся премудростию сотворил еси». Затем отдельные слова: «одейся светом, яко ризою, простираяй небо, яко кожу», «на горах станут воды, от запрещения Твоего побегнут», «прозябаяй траву скотом, и злак на службу человеком», «сотворил еси луну во времена, солнце позна запад свой», «тамо птицы вогнездятся», «тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими», «изыдет человек на дело свое». Дети видят и говорят, что в псалме говорится о дивном сотворении мира Богом и о каждом из шести дней творения (указывают, в каких именно словах говорится о каждом дне). – «Что делает священник в это время?» – «Кадит». – «Что означает каждение? Вспомните о Духе Святом, как о Нем сказано в истории творения». Дети догадываются, что каждение напоминает, как при сотворении мира Дух Божий носился над землею «невидимую и неустроенною». Объясняют затем дети, почему царские врата в то время открыты (сравнивая с отверстием царских дверей в течение седмицы пасхальной в знаменование того, что Христос отверз двери Царствия Небесного); дети догадываются, что это отверстие означает блаженство первых людей в раю, где открылось для них Царствие Божие. Догадываются дети и о том, почему потом опять закрываются царские двери, а священник выходит из алтаря и молится пред царскими вратами: этим обозначается изгнание Адама из рая и то, как он плакал, каялся и молился потом Богу, как каялись и молились Богу и все люди после грехопадения первых людей.

Ектения великая (начало ее «миром Господу помолимся» дети вспоминают, равно как повторение слов «Господи, помилуй», объяснение же откладывается до другого раза), пение «Блажен муж» (или чтение кафизмы³⁷ в другие дни), пение «Господи, воззвах», «да исправится молитва моя» – все это напоминает, как люди каялись, желали жить праведно («Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых» и другие псалмы), молились, чтобы Господь их услышал («Господи, воззвах»). Каждение во время пения «Господи, воззвах», «да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою» обозначает то, догадываются дети, как

молитвы людей восходили к небу подобно дыму кадила. Стихи «Господи, воззвах» и «да исправится» детьми читаются и кратко объясняются, ввиду их назидательности (например, «вонми» – «будь внимателен, услышь»; «внегда воззвати ми к Тебе» – «когда я взываю к Тебе»; да «исправится молитва моя... воздеяние руку мою, жертва вечерняя» – «да направится молитва моя к Тебе, как... и воздеяние – поднятие моих рук – да будет приятно, как жертва вечерняя»).

Упоминает учитель далее про стихиры после «Господи, воззвах», т.е. песни в честь Господа, Божией Матери, святых ангелов: ими обозначаются те же молитвы и покаяние падших людей, а отчасти то, как Бог спас их и услышал, совершил наше спасение, грешников сделал праведниками. – Далее совершается вечерний вход (порядок службы отчасти вспоминается самими детьми, отчасти напоминается учителем). Дети описывают, как совершается вечерний вход, и объясняют, что открытие царских врат, несение свечи впереди означает пришествие в мир Спасителя, Который просветил мир Своим учением и открыл Царствие Небесное людям. В честь пришедшего в мир Спасителя поется, вспоминают дети, песнь «Свете Тихий». За недостатком времени учитель спрашивает детей только, кому эта песнь поется, и дети, вспоминая слова песни («Сыне Божий, живот даяй»), говорят, что это песнь в честь Господа Иисуса Христа, Который пришел в мир. Учитель обращает внимание детей еще на слова «пришедше на запад (доживши до заката) солнца, видевше свет вечерний» и говорит, что с наступлением заката солнца и вечернего света мы вспоминаем на вечерне (совершаемой в это именно время), как люди были во тьме (в грехах и не знали Бога истинного), но Христос пришел просветить их, а потому и достойно следует Ему всегда петь песни устами святыми («преподобными»), очистившись от грехов. – На следующем уроке предполагается продолжить объяснение этой высоко назидательной песни в целом виде.

Приложение

Речи, произнесенные архиепископом Фаддеем в семинариях, гимназиях и церковных школах, на открытии и закрытии педагогических курсов

Слово при открытии педагогических курсов для учителей и учительниц земских школ³⁸

«Бе свет истинный, иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир» (Ин. 1, 9).

Посмотрим ныне, братие, на предстоящее нам дело народного просвещения с той высоты духовного созерцания, на которую возводит нас «зритель неизреченных откровений» и изъяснитель будущих судеб всего мира святой апостол Иоанн Богослов, написавший «духовное» Евангелие и глубже всех предызобразивший духовное настроение человечества во времена последние в своих писаниях. Этот возлюбленный апостол Христа Бога, который возвестил о «Слове жизни» то, что он видел и слышал, который осязал руками это Слово, имевшее «славу Единородного от Отца, исполненного благодати и истины» (Ин. 1, 14), как бы прозревав сквозь духовную тьму, в течение веков имевшую облегать мир, указывает нам на истинный свет, всегда «во тьме светившийся» и тьмою заблуждений людских никогда не объятый. Этот саможизненный свет давал всегда жизнь миру, «во зле лежащему», и в «належащей мгле языков» сиял всегда, как «звезда светлая и утренняя» (Откр. 22, 16).

Но к сему ли свету «тихому святяга славы безсмертнаго Отца небеснаго» устремлены взоры людей? Увы! все более и более люди хотят искать света только в учениях человеческих, не дающих жизни. Учения эти, составляющие мудрость земли, пытаются сдвинуть с места тот «камень краеугольный», который положил в основание жизни мира Сам Бог, камень же сей Христос. Таково прославленное в последнее время учение Ницше, которого считают провозвестником новых откровений и звездю современной философии. Его учением, составляющим плод современных, нередко ложных изысканий науки, особенно естественной и исторической, и открывающим полную свободу для страстей, увлекаются более, нежели учением другого современного лжеучителя, требующего строгости жизни, Л. Толстого. По его учению – христианство, требующее борьбы со страстями, далеко от природы человека, развитию которого должна быть предоставлена полная свобода. И вот, хотя многие не знают в точности учения Ницше, называющего себя антихристом и любимыми своими мыслями самые злейшие и разрушительные (см., например, конец книги «По ту сторону добра и зла»), однако его учением об естественности грубых, диких страстей и невозможности осуществить заповеди христианства в действительной жизни проникнуты весьма многие.

Озирая лице земли Русской, со скорбью мы видим, что из высших, иногда лишь по имени только интеллигентных, классов общества волна этой разнузданности мысли и воли все более идет в народ и грозит опустошить любимое достояние его – веру Христову. Еще по преданию и привычке он крепко держится этой веры, но холод страстей может корень и его жизни погубить, сделав его маложизненным, как подточен он уже сомнениями в большей части так называемого интеллигентного общества. И может случиться с ним то же, что с одною из древних христианских Церквей: «ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Откр. 3, 1). Не за то ли постигают его и постоянные бедствия: то голод, то засуха, то град, то землетрясение, что он оставляет веру отцов и не держится ее всем сердцем? Не оттого ли высшие классы общества озираются в недоумении, где найти исход из современного печального порядка вещей, и нигде не видят помощи человеческой, ибо бессильною оказывается эта помощь там, где необходима высшая помощь Божественная, к исканию которой и призываются ныне от лица самого Государя в его последнем рескрипте на имя министра народного просвещения все деятели этого просвещения?

И вот, ныне все мы, призванные быть просветителями народа, что должны положить в основание этого просвещения, как не веру Христову? В течение многих веков делались попытки ниспровергнуть этот камень краеугольной жизни человечества, но «всуе трудились» (Авв. 2, 13) и надрывали силы свои. «Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным?» (Пс. 2, 1). Ибо всякий, пытавшийся ниспровергнуть камень сей, сам сокрушался и повергаем был в неисходную скорбь, тоску и смерть души. Посему «будем приступать к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устроить из себя дом Духовный» Христу! Ибо не сожмет ли сердце каждого из нас от скорби, когда увидим, что отнимается от нас Царствие Божие и отдается другому народу, более нас способному приносить плоды его (Мф. 21, 43)?

Возвратим же Господу Богу нашему и Христу Его «любовь юности нашей» (Иер. 2, 2), принесем в дар Ему то, что каждый имеет лучшего: кто имеет ум, тот пусть употребит его, во первых, на распространение «ведения Господа» на земле (Ис. 11, 9); кто имеет доброе сердце, тот пусть постарается вселить любовь к Богу и к людям меньшей братии Христовой, во всех, с кем будет обращаться; кто имеет сильную волю, тот пусть постарается «обратить сердце отца к сыну и сердце человека ко искреннему его», ибо без послушания не может стоять ни семейная, ни государственная, ни общественная жизнь!

Не отступим от заветов, оставленных нам отцом русской педагогики К. Д. Ушинским и недавно почившим самоотверженным подвижником народного просвещения С. А. Рачинским, которые высшее всяких учений человеческих учение Христово хотели положить в основание педагогики! Сохраним и в себе этот свет Христова учения, глубоко внедренный в сердцах наших еще при самом вступлении в мир сей, и взыщем его, как драгоценного сокровища, ради которого мы готовы были бы оставить все, лишь бы его приобрести прежде всего! И весь разнородный материал просвещения, из которого духовно создается человек, постараемся приспособить к единой высшей цели человеческого существования! Цель же сия – приготовить в душе каждого внутреннюю храмину для обитания Христа, Который бы был светом вечным и истинным, «просвещающим всякого человека грядущаго в мир» (Ин. 1, 9)! Аминь.

Слово при закрытии педагогических курсов для учителей и учительниц земских школ³⁹

«Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (1Кор. 2, 14).

Эти слова боговдохновенного апостола и возьмем, братие, в руководство при оценке значения приобретенных вами здесь сокровищ ума. Прошло около месяца напряженных занятий, в течение которого вы хотели сделаться обладателями всего лучшего, чем располагает современная наука, чтобы поставить учебно-воспитательное дело в школе на надлежащую высоту. Часть занятий ваших была направлена непосредственно на подготовку к учебно-воспитательному делу и уяснение способов сообщения знаний в школе, часть – на то, чтобы найти доступ к пользованию открытиями, какие успела сделать современная наука. Весьма много было заметно оживления во всех этих занятиях, так что, по-видимому, вправе вы были считать свои занятия относящимися к самым существенным запросам жизни и возводящими на ту высоту, которая представляется вожделенным пределом для неутомимо пытливого человеческого ума. Так это действительно и было бы, если бы эта высота, с которой рассматривает ум человеческий в течение веков разные проявления бытия и жизни, сама была тверда и неподвижна, если бы, поднявшись на эту высоту, человек не чувствовал головокружения от неестественности своих полетов, напротив, испытывал спокойное состояние удовлетворенности, свойственное человеку, ощутившему сладостную полноту уравновешенной во всем жизни.

Всмотримся же теперь в самый характер приобретенных вами познаний, чтобы видеть, во всех ли отношениях направление занятий ваших следует назвать (вполне) благотворным для составляющего предмет ваших забот дела народного просвещения и подлинно ли открытие неведомых доколе многих тайн науки сообщило уму надлежащую ясность и способность к легкому разрешению занимающих его вопросов жизни. Обязанный по долгу пастыря Церкви возвестить вам слово не человеческое, а Божественное, я должен ныне, братие, напомнить вам о том, что истинно велико не в очах людских, а в очах Божиих. "Будут ли тебя слушать или не будут, – говорил некогда Господь пророку Иезекиилю, – пусть знают, что было к ним слово Господне!" (Иез. 2, 5–7). Посему обратимся опять к приведенным нами ранее словам апостола.

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия. Можем ли мы сказать, что «мудрость», которой мы здесь искали, была по направлению «духовной», т.е. направленной к высшим требованиям человеческого духа, а не «душевной», которая вращается около забот о земном лишь существовании? И прежде всего, многие ли из вас стремились к тому духовному назиданию, которое приобретается в храме Божиим, многие ли в «день Господень» оставляли свои суетные занятия и попечения, чтобы принять участие в общем церковном собрании? Не могу не засвидетельствовать вам в настоящую минуту о той радости, которую испытывал я, когда видел некоторых из вас в церкви в дни христианских праздников; но не могу в то же время и скрыть той «великой для меня печали и непрестанного мучения моему сердцу» (Рим. 9, 2), которое испытывал, когда видел, что многие относятся к этой потребности христианской души с непростительным легкомыслием и пренебрежением. Я видел, что многие из вас сами тяготились таким стеснением высших требований духа, и однако лишь сравнительно мало замечал исповедующих это открыто пред всеми.

Но, может быть, скажут многие в ответ, что взамен того приобрели они такие сокровища умственные, ради которых следует признать извинительным и стеснение религиозных требований духа? В подобном-то ответе и сказывается неискоренимая привычка к тому иностранному западноевропейскому порабощению свободной русской мысли и жизни, на которое столь давно еще начали указывать наши русские писатели. Доселе русский народ не чувствует потребности освободиться от нигилистического ига Запада, которое все сильнее и сильнее ложится на высшие потребности духа, вытравляя в сердце его потребность веры в Бога. Ибо какие приобретения ума могут заменить ту «душу живую», которая столь необходима в деле обучения, особенно же воспитания? Пусть на уроках русского чтения дети постигнут все совершающееся во внешней природе, строение растений, жизнь животных и т.д., – неужели к знанию этого более всего стремится их душа? Что сделается с нею, если, постигши все это, она останется в неизвестности относительно величайших сторон собственной жизни и ее жизнь не приобщится в жизни «Лозы истинной» (Ин. 15, 1), к которой она привилась бы, как одна из ветвей? Что будет с детской душой, когда взор ее будет всецело устремлен вне себя и не будет совсем различать совершающегося внутри?

Наука естественная хочет самого человека рассматривать исключительно как механизм вещества и его разум – как одно лишь из самых удивительных сочетаний того же вещества; вместо естественной

жизни. Она своими силами хочет создать жизнь искусственную, которая могла бы заменить первую. Но тщетны эти усилия, ибо чем более веков

существует мир и удаляется от естественной жизни, тем более охлаждается в нем любовь людей друг к другу, которая составляет истинное существо и главное счастье человеческой жизни. Наука историческая пытается вывести все явления человеческой жизни из несложных потребностей телесной жизни и из условий страны, которые или благоприятствовали, или не благоприятствовали ее развитию. Но она забывает нередко, что, кроме этих явлений низшего порядка, есть еще высший, не объяснимый из первого. Когда явилось на Руси христианство, – то из потребностей ли найти пищу, одежду, жилище оно возникло и для их ли удовлетворения создалось затем духовное просвещение? И напротив, влияя на нравы общества и просвещение, не видоизменяло ли оно само весьма многое в означенных явлениях низшего порядка? Кто, например, может сказать, что освободительная реформа Александра II, при всей даже ее экономической необходимости, не зависела также от христианского учения, которого величие несоизмеримо с веками?

Вот те мысли и чувства, которые особенно занимали меня в продолжение курсов. Посещая их с благим и искренним намерением ознакомиться с постановкою просвещения народного в земских школах, которое не менее дорого пастырям Церкви, чем земским деятелям просвещения, я считаю ныне благовременным еще однажды напомнить вам то, что должен был сказать я по сознанию долга пастыря Церкви. Я питаю уверенность, что во многих легкомысленное отношение к вере и Церкви христианской не есть выражение вполне искреннего и установившегося окончательного настроения, как это сказал и известный всей России пастырь ее Церкви преосвященный Антоний в своей вступительной речи к волынской пастве об интеллигентном классе русского общества. Пророку Илии, когда во дни крайнего усиления нечестия в Израиле он исполнен был ревности о Боге Израилеве и думал, что никого не осталось в Израиле верного своему Богу, – было открыто Богом, что Он сохранил в Израиле 7000 человек, не преклонивших колен пред Ваалом (3Цар. 19, 18). Тем более среди вас, просветителей народа, в котором еще столь много простой и искренней веры в Бога, найдется весьма много искренне служащих Богу и нелицемерно носящих достопоклоняемое имя Христово. Аминь.

Слово на молебне при закрытии курсов для учителей церковноприходских школ⁴⁰

«Слово Христово да вселяется в вас богатно, во всяцей премудрости, учаще и вразумляюще себе самех во псалмех и пениих и песнех духовных» (Кол. 3, 16).

Вот, братие, слова, показывающие, какое настроение должен стараться созидать в себе каждый христианин, особенно же призванный быть учителем народа. Не блеск земной мудрости должен более всего привлекать его, а «живое и действенное» (Евр. 4, 12) слово Божие. Не разнообразием познаний, касающихся земли и того, что происходит на ней, должен он прежде всего наполнить сокровищницу своей души, а «богатно вселившимся» в нее словом Христовым.

Это слово должно быть для него источником премудрости, который вливал бы живительную струю во все хранящиеся в ней знания и целительно действовал бы на возрастающие в душе добрые насаждения разных учений. Пусть это слово Божественной премудрости многим кажется однообразным, но велика ли цена разнообразной земной мудрости, когда она вместо того, чтобы приводить к Богу, еще более окутывает ум мраком суетных страстей, к которым приспособляется, чтобы сделаться приятною? Напротив, какие дивные действия в сердцах производит Божественное слово и как они, вначале будучи незаметными, все более и более покоряют сердце и все движения души приводят в единение с законом, данным Богом! Посему в чем ином, как не в слове Христовом может находить воспитатель неисчерпаемый и главный источник для добрых влияний, из которых, как из какого-нибудь вещества, «слагается стройно здание» (Еф. 2, 21) духовного человека? И в самом деле, в самолюбии ли человека искать опоры для добрых влияний на воспитываемого, когда самолюбие естественного человека, не возрожденного действием слова Божия (1Пет. 1, 23), направляется по преимуществу на зло, а не на добро и самолюбие одного человека, воспитываемого, встречает непреодолимое препятствие в самолюбии другого, воспитателя, пока «не ищущая своего» и в единение всех приводящая любовь, высочайший образ которой показан нам Христом, не проложит путь доброму влиянию слова.

И вот, ныне мы, братие, прежде чем рассеяться каждому в свою сторону для распространения Боговедения и других полезных в этой жизни знаний, должны дать себе отчет, насколько проникло в душу нашу

действие Божественного слова: не осталось ли оно только на поверхности нашей души, как какой-то придаток, которым мог бы каждый пользоваться или не пользоваться, смотря по собственному желанию, или оно так глубоко проникло в нашу душу, что она не приходит и в движение без воспоминания этого слова? Ибо если наша собственная душа не преобразовалась от действия Божественного слова, то как наше, носящее всегда на себе следы нашей душевной нечистоты, слово может преобразить души других людей?

Не для того, чтобы возбудить в вас какую-либо суетную гордость, не для того, чтобы вселить в вас самоуверенность, о которой столь любят говорить люди мира сего, а для того, чтобы вы знали, что составляет истинную похвалу пред Богом и еще более твердо шли по пути, который избрали и возлюбили, – ныне, в день вашего разъезда, должен сказать вам, возлюбленные братие, словами апостола, что проповедь наша к вам была не тщетна и «вход наш к вам был не бездейственным» (1Кор. 15, 14; 1Сол. 2, 1). Поистине пришлось нам видеть, что «проторжеся вода в пустыни и дебрь в земли жаждущей», призыв к жаждущим «идти на воды» (Ис. 35:6, 55:1) нашел отклик в сердцах многих, если не во всех вас. С каким усердием и охотой занимались вы всем, касающимся близкого вашему сердцу дела воспитания и обучения детей! Как много и безропотно переносили вы труда и как мало при этом сравнительно позволяли себе развлечений! С какою любовью и доверием относились вы к тем, кто призван был передать вам необходимые знания и наставления, хотя бы и сам он не чужд был многих недостатков! Пусть в ваших собственных занятиях с детьми не было заметно особенной какой-либо обработанности приемов преподавания и воспитания, но зато как заметна была обыкновенно в них душа живая! Пусть в вашей пении также было, может быть, немало недостатков, которые неприятны для изящного слуха, но зато какое одушевление слышалось в самых словах молитв, которые вы пели в церкви, или во время учебных занятий, или утром и вечером! Даже самые дети, которые приходили сюда во время пребывания вашего здесь, как нередко могли умилять взоры внимательного наблюдателя! Как они молились пред началом и после урока, как устремлялось их внимание к говорящему, когда он одушевленно излагал им жизнь и учение Божественное или сообщал вообще какие-либо другие сведения, возбуждавшие работу их ума и сердца!

Все эти мысли и чувства, которые, вероятно, испытываются теперь многими из вас, должны вы постараться запечатлеть в душе своей, так чтобы они оставили след в ней на всю жизнь. Пусть всегда вспоминаются

вами добрые слова, слышанные здесь, пусть всегда слышатся вам как бы отзвуки тех «псалмов, пений и песней духовных», которые научились петь здесь! Пусть слово Христово, вселившееся в сердца ваши, и впредь очищает вас, дабы вы, сами очищаемые им, могли и других очищать от скверн мира, приводя их в единение чрез Христа с Богом: «да будут совершены воедино, и да уверует мир, что Бог послал вас и возлюбил вас, как возлюбил Сына Своего», «освятившего Себя» в очистительную жертву за грехи мира. Тогда откроется слава (Ин. 17, 19, 23–24) Церкви Христовой на земле и «царство мира соделается царством Господа нашего Иисуса Христа" (Откр. 11, 15). Аминь.

Речь, сказанная окончившим курс воспитанникам и воспитанницам Олонецкой гимназии на молебне⁴¹

Чувствуется, друзья мои, особенная потребность сказать вам в настоящий прощальный час слово, которое было бы для вас некоторым напутствием при вступлении в жизнь или в высшее учебное заведение. Трудная задача сказать такое слово! Жизнь столь многообразна и уклончива в путях своих, что только всеобъемлющее око Божие, которое надзирает за всеми путями жизни человеческой, может удобно обозреть все эти пути. Для слабого же человеческого взора это тем труднее, что с течением веков люди все более и более отдаляются от Бога сердцем, хотя «ходить путями своими» (Деян. 14, 16), последним основанием своих действий начинают считать, особенно под влиянием ложного мыслителя Ницше, лишь слова: «я хочу».

Как представителя Церкви меня объемлют опасения особенно за то, чтобы кто-либо из вас «не претерпел кораблекрушения в вере», по слову апостола (1Тим. 1, 19), тем более тогда, когда при вступлении в высшее учебное заведение гордый ум сам начнет усиливать опасности подобного кораблекрушения. Умственному взору моему предносятся различные опасности, которым по выходе из гимназии может подвергнуться ваша вера во Христа и преданность Его Церкви. И прежде всего для тех из вас, которые с учением Церкви Христовой познакомились только из учебников, восприняли его только по доверию к Церкви, не вдумывались сами в жизненное содержание христианства, не имели никакого опыта духовной жизни, – грозит опасность со стороны лжеучений Л. Толстого. Вас могут поколебать в вере нападки на хранительницу веры – Церковь этого мудреца века и великого писателя, возомнившего, будто он понял учение Христово лучше, чем Церковь, обвиняющего Церковь в непонимании и извращении учения Христова, в том, что Церковь старается усыплять совесть людей, вместо того чтобы пробуждать ее.

Еще сильнее могут поколебаться основы веры у тех из вас, умы которых будут ослеплены блеском модного в наше время позитивизма, ограничивающего область познаваемого данными внешнего опыта, ощущениями внешних чувств, отказывающегося или даже не признающего никакой достоверности за данными опыта внутреннего, – учащего даже о том, что все происходит в мире по действию естественных физикохимических сил природы или что, по крайней мере, нельзя открыть в мире никаких следов действия сверхъестественной Божественной силы.

Но если позитивизм сам по себе не делает еще области веры совершенно запретною, а только недоступною точному исследованию, то еще более сомнительною по своей достоверности представляется эта область для приверженцев эволюционизма, т.е. учения об естественном развитии жизни на земле из низших форм до высших, – о том, что не только физическая, но и духовная природа человека дошла лишь путем постепенного развития до той ступени развития, на которой стоит теперь, что высшие духовные потребности развились из низших, например из потребностей в пище, питье, одежде (политикоэкономические учения).

Что же противопоставим мы в настоящий час всем этим, опасным для не утвердившейся еще веры, ложным учениям? Противопоставим неложное обетование Христово: «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18). Лжеучению Л. Толстого, составляющему плод заблуждающегося естественного разума, весьма суживающему неисчерпаемое учение Евангелия, противопоставим учение Церкви, во всей полноте содержащей учение Евангелия и живущей по нему в лице лучших своих представителей. Произвольным извращениям текста Евангелий, основанным на сомнении в подлинности последних, противопоставим здравую историческую критику, основывающуюся не на поверхностном знакомстве с выводами отрицательной немецкой науки, а на несомненных свидетельствах о подлинности писаний апостольских, начиная с I века христианства. Обвинение в том, что Церковь будто бы удалилась от чистоты учения и жизни христианской Церкви первых веков (см., например, брошюру «Возстановление ада»), легко опровергнем указанием на недостаточное знакомство Л. Толстого с историей Церкви, благодаря которому он, не стесняясь хронологией, переносит события из одного века в другой и получает свои произвольные выводы (см., например, критику проф. А. Лебедева или иеромонаха Михаила на означенную брошюру в «Богословском Вестнике» и «Миссионерском Обзрении»). Обвинению в том, что Церковь извратила учение Христово, противопоставим указание на то, что Л. Толстой не хочет знать истинного учения Церкви, как оно излагается у святых отцов и учителей Церкви или лучших богословов последнего времени, духовных и светских, например у о. Иоанна Кронштадтского, преосвященного Феофана, епископа Антония Волынского, А. С. Хомякова и др.; изобличим еще Л. Толстого в том, что он возводит прямо клеветы на святую Церковь, не желая вникнуть в ее учения и доходит до кощунственного богохуления.

Учению позитивистов об единственном значении внешнего опыта противопоставим учение о внутреннем опыте, к которому, по признанию

многих мыслителей или даже естествоиспытателей, сводится внешний опыт со своими ощущениями внешних чувств, – учение о внутреннем опыте, который мог бы приобрести каждый верующий сын Церкви, если бы внимательнее стал всматриваться в пути своей жизни, управляемой Промыслом Божиим; противопоставим далее общий (коллективный) опыт Церкви, к которому не может легкомысленно отнестись беспристрастный ученый, ибо ведь не с последнего только времени начала свою жизнь Церковь Христова на земле и не среди малочисленного какого-либо общества людей существует доселе, так что мы можем повторить слова святого апостола Павла, сказанные им язычнику Фесту, обличавшему его в сумасшествии: "не в углу все это происходило» (Деян. 26, 24–26).

Противопоставим, наконец, исторический опыт жизни Церкви Христовой, пригласим к исследованию жизни ее, начиная с евангельских повествований, подобно тому, как апостол Филипп сказал недоверчивому Нафанаилу о Христе: «прииди и виждь» (Ин. 1, 46). Сторонникам постепенного чисто естественного развития жизни на земле от низших форм до высших, опирающимся, главным образом, на исследования остатков жизни, скрытых в недрах земли, и на наблюдения за развитием живого существа, начиная с его зарождения в утробе матери, укажем на мужей совершенных в Церкви Христовой, соблювших во всей чистоте образ и подобие Божие и чрез то особенно наглядно свидетельствующих о невозможности перейти грань между сотворенным по образу и подобно Божью человеком и неразумными тварями; укажем на неисчерпаемое богатство идеализма или возвышенных духовных стремлений, вопреки учению о постепенном развитии, неизменно хранящееся в Церкви в течение едва не 2-х тысячелетий, и даже более, потому что дух Христов обитал еще в праведниках ветхозаветных, живших до пришествия Христа на землю. Укажем на то, что тщетно мы стали бы искать подобного духовного богатства вне Церкви, хотя отдельные проявления человеческой естественной добродетели, вроде подвига Муция Сцеволы, тщательно записываются историей, и в то же время она безучастно относится или даже закрывает глаза на вышечеловеческие подвиги бесчисленного множества мучеников, проливших кровь свою за Христа и приводивших скорее в изнеможение своих мучителей своей непреклонностью, – преподобных, которые, удалившись в непроходимые, безлюдные пустыни, отказывались от всех удовольствий земной жизни, пастырей Церкви, полагавших души свои за овец стада и т.д. Как странно, в самом деле, из низших потребностей в пище и питье или из чувства самосохранения, борьбы за земное существование выводить подвиги святых Церкви,

которые, воспламенившись любовью ко Христу, удалялись на необитаемые острова, где иной раз едва можно было достать пищу или воду для питья, в непроходимые леса, где грозила постоянная опасность их жизни от лютых зверей, в неизвестные страны для проповедания веры Христовой диким народам, грозившим постоянно истребить проповедников! Воистину это были люди, которых не был достоин весь мир, благодаря нечестию своему побуждавший их удаляться от него. И однако более, чем коголибо, всегда должен был узнавать их мир, как носителей действующей в мире высшей Божественной жизни и силы, по слову апостола: «Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы... мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2Кор. 6, 9–10).

Вот тот Камень, на Котором непоколебимо основана Церковь Христова, о Который суждено разбиться всем ложным учениям человеческим! И блажен тот из вас, кто не отторгнет себя от этого Камня! Блажен, кто не в минуту отчаяния лишь будет прибегать к нему, как, например, главный герой повести Гарина (Карташев в повести «Гимназистъ»), но и всегда! Такой человек, по слову Господа, уподобится мужу благоразумному, построившему дом свой на камне. «И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне» (Мф. 7:24–25).

Вера ваша будет подвергаться, быть может, весьма сильным колебаниям от лжеименных учений века сего. Но помните, что ведь вы еще сравнительно мало изучили веру Христову, более по книгам, чем по опыту жизни, что вы, быть может, не видели сокровенных по большей части для мира живых носителей ее, мало читали о них и слышали. Далее, сама точная наука возвещает, что многие тайны природы нам остаются неизвестными и, быть может, навсегда останутся такими (*ignotamus et ignoabimus* – Дюбуа Реймон), а потому было бы несогласно с приемами исследования этой самой науки, ради стремления разума подвести все под известные уже ему законы, отвергать учение веры, без надлежащих фактических данных против нее и имея весьма многие данные за нее. Наконец, напомним вам о том неизреченном блаженстве, твердости и непоколебимости, которая отличает всегда жизнь истинных сынов Церкви, по слову апостола Иоанна Богослова: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими... Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1Ин. 3, 1–2); увидим, по слову другого апостола – Павла, то, чего "не

видело око, не слышало ухо и что не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор. 2, 9). И пусть не укоряет никто истинных сынов Церкви в том, будто ради малодушного избежания зол жизни, не желая бороться с бедствиями ее и помогать прочим в этой борьбе, ищут они подобного блаженства. Нет, никто не идет путем более тесным, чем истинные последователи Христовы, которые более, чем все прочие люди, отрекаются от своего собственного покоя ради Бога и ближних своих.

Да сохранит же всех вас Господь Иисус Христос в единении с Собою во все дни жизни вашей, чтобы, по слову Его, «радость Его в вас (всегда) пребывала и радость ваша была (всегда) совершенна» (Ин. 15, 11)! Аминь.

Несколько слов о необходимости для проповедника тщательного изучения Священного Писания Ветхого и Нового Завета и пользования им в проповедях⁴²

Некогда Господь сказал слушавшим Его ученикам: «Всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф. 13, 52). Таким правилом всегда руководилась Церковь Христова в отношении к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета. Читая и извлекая назидание для верующих из священных книг Нового Завета, она никогда не переставала пользоваться и Ветхим Заветом. Святые отцы и учителя Церкви (как, например, Ефрем Сирийский, Иоанн Златоуст, Василий Великий и др.) объясняли своим слушателям целые книги Ветхого Завета; в богослужении эти книги постоянно читались наравне с новозаветными; содержание богослужебных песней, стихир, канонов, прокимнов и т.д. в значительной степени заимствовано из священных ветхозаветных книг, сообщивших какую-то особенную поэтическую прелесть и живость песнопениям и молитвословиям Церкви.

Та чистая, детская, непосредственная вера, которою дышат писания ветхозаветных мужей, столь же обаятельно действует на сердце, как воспоминания о днях детства и юношества нередко служат для людей, достигших возраста мужества и старости, источником самых возвышенных настроений, возгревающих охладевшее сердце и возбуждающих волю на новые и новые подвиги. В особенной же степени подобное значение имеют псалмы и книги ветхозаветных пророков. Своими боговдохновенными созерцаниями ветхозаветные пророки как бы перекидывают мост от тех чаяний и надежд, которыми жила Церковь, а чрез нее в той или иной мере и все человечество с самого начала, к той действительности, в которой живем мы и которая, развиваясь пред нашими глазами, найдет свое завершение в конце времен, когда вместо этого обветшавшего неба и земли явится новое небо и земля новая.

И если в настоящее время лишь очень немногие знакомы с ветхозаветною Библиею в ее непосредственном виде, а не по учебникам лишь Священной Истории, в которых значительно утрачен бывает обыкновенно самый дух ветхозаветной Библии и ее своеобразный язык, то об этом следует глубоко сожалеть. Мифы и легенды классической древности встречают более внимания и сочувствия себе в нашем обществе,

чем чистые источники веры, какую жила Церковь в период своего детства. Никто почти не хочет заметить, сколько разумения духовной жизни и мыслей самых возвышенных о всех ее явлениях сокрыто в этих архивах древности. При внимательном отношении к ветхозаветным пророчествам в них не только нельзя заметить следов какой-либо первобытной дикости и некультурности, но, напротив, в них сияет всегда тот же свет небесной истины, который сиял в воплотившемся Слове и который до явления Его на земле лишь во тьме светился, ею не обнимаемый.

Все это, налагая какую-то особенную печать на писания ветхозаветные, ясно свидетельствует об их боговдохновенности и побуждает нас высоко ценить «вернейшее пророческое слово... как светильник, сияющий в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах наших» (2Пет. 1, 19). Единый Дух Святой есть Источник вдохновения как новозаветных, так и ветхозаветных священных писателей, а не какая-либо инородная мудрость, и всякий, имеющий способность ощущения духовного, тотчас заметит это, когда начнет внимательнее вчитываться в книги Ветхого Завета. В книгах пророческих замечаем мы предчувствие иной, высшей, духовной жизни, которая впоследствии открылась на земле чрез явление Христово. И хотя это предчувствие не всегда было ясно у пророков, однако всетаки они могли им руководиться в жизни. Ведь и мы не живем ли нередко подобною же предчувствующею будущие события верою, пока не видим осуществления своих лучших чаяний и идеалов? Мы живем верою в пророчества о втором пришествии Христа на землю, заключенные в книгах новозаветных, как пророки жили верою в первое пришествие Христово.

Отсюда само собою понятно, какое значение должны иметь для проповедника книги Священного Писания Ветхого Завета. Пусть он чаще прибегает к ним, как памятникам самой живой, чистой, как бы детской веры, и воодушевляет слушателей живыми проявлениями ее в ветхозаветных людях! Пусть засвидетельствует он, что истина Христова, содержащая Церковью, не нова, но развивалась, подобно развивающемуся постепенно из семени ростку, с самого начала существования на земле Церкви, что «Novum Testamentum in Vetere latet, Vetus in Novo patet», т.е. «Новый Завет скрыт в Ветхом, Ветхий открывается в Новом». Седая древность не делает ли предмет особенно ценным и привлекательным? А вместе с тем не является ли изначальное почтительное отношение к этому предмету народов наглядным свидетельством того, что не напрасно же чтился он в течение столь многих веков? Пусть покажет проповедник на

основании священных книг Ветхого Завета, как начатки веры и жизни духовной постепенно раскрывались в людях от возраста, так сказать, духовного детства до возраста «мужа совершенна», привести в который людей явился на землю Христос Спаситель! Пусть тем, кто не достиг возраста совершенного, он предлагает начальное учение Ветхого Завета и от начатков постепенно возводит к совершенству! Пусть покажет, что сбылись чаяния людей Ветхого Завета, и это является залогом того, что сбудутся и наши чаяния, касающиеся «откровения сынов Божиих», соединенные со стенанием и воздыханиями о наступлении времен и событий, которых мы еще теперь не видим и ожидаем в терпении (Рим. 8, 19, 22–25)! Пусть, наконец, извлекает назидание из священных книг Ветхого Завета и для всех, так как пребывают вовек и, следовательно, вечное значение имеют глаголы Божии, источником всегдашнего назидания служат боговдохновенные псалмы, молитвы в день скорби, хвалы и славословия в дни духовной радости, исповедание помыслов сердца и грехов, размышления о краткости, мимолетности человеческой жизни, ее суетности, радостное восхищение духа от служения Богу, правила богоугодной жизни и т.д.

Если столь велико значение для проповедника знания Ветхого Завета, то что сказать о Новом? Чрез боговдохновенные книги Нового Завета, написанные апостолами, сподобились люди услышать слова лучшие, чем когда-либо приходилось слышать людям на земле: они слышали чрез проповедь учеников Слова те глаголы, которые возвещало Само Ипостасное Слово и Премудрость. Что же может быть выше и действеннее этих слов и какое слово от себя самого, лучшее этих слов, сказать мог бы какой угодно мудрец века сего или красноречивый проповедник? Всю силу и действенность слова проповедник получает от сохранившегося слова Христова, изъяснением и приложением которого к современной жизни и настроению слушающих должен заботиться проповедник. Его слово может быть исполнено разума и блистать красноречием, но какой разум может сравняться с разумом Божиим и какое слово может быть столь же привлекательно, как то «слово благо», о котором сказано: «излияся благодать во устнах Твоих» (Пс. 44, 2–3)? Поэтому пусть не надеется проповедник на свой разум и красноречие своего слова, но приложит их лишь к изъяснению слова Божественного! Пусть никогда не проповедует он от себя, но пусть мысль его всегда покоится на слове Божиим, как на прочной и непоколебимой опоре! Пусть Слово Божие будет корнем, его же собственное слово – листвием и ветвями, заимствующими силу жизни от корня, хотя бы уничиженного в глазах

многих людей, но неистощимо жизненного и воистину никакими усилиями человеческого ума непоколебимого! И проповедник заметит, как заключенный в его сердце росток духовный, заимствуя силу жизни от «Корня Иессеева», постепенно возрастит многоветвистое древо, видимое далеко кругом: птицы небесные будут укрываться на ветвях его, и народы будут находить в листьях этого дерева источник исцеления (Мф. 13, 32; Лк. 13, 18–19).

Между тем многие из проповедников не сознают или забывают о такой важности изучения Священного Писания для проповедника. Они забывают, что ищущий пастырства должен «измлада Священная Писания умеши», так как «всяко писание богодухновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию еже в правде» (2Тим. 3, 15–16). Многие проповедники полагают, что достаточно пользоваться готовыми проповедями, которых теперь так много печатается в духовных журналах и сборниках, или же ограничиваться избитыми наставлениями, переходящими от отцов и дедов и не основанными на самостоятельном, твердом, глубоком и основательном изучении Священного Писания. Такие проповедники забывают о неизменном требовании церковных правил, по которым вменяется в обязанность ищущему священства знать Священное Писание; забывают о святом Иоанне Златоусте, который в «Книгах о священстве» так настоятельно говорит об изучении ищущими священства Священного Писания; забывают о правиле 19-м Шестого Вселенского Собора, по которому предстоятели не только каждый воскресный день, но и «по вся дни» должны поучать вверенный им народ «словесам благочестия». Пусть вспомнят пастыри и нового подвижника преподобного Серафима, который в пустыне столь усердно читал книги Священного Писания, да и всех подвижников, наставлявших братию, которые всегда хорошо знали Священное Писание! Пастырь должен быть "учителем", по слову апостола, и тех, которые «трудятся в слове и учении», апостол называет достойными «сугубой чести» (1Тим. 3:2, 5:17). Понятно, что такой труд должен состоять не в чтении лишь готового по книге.

К сожалению, не только пастыри, не прошедшие полного курса семинарии и достигшие священства по экзамену, не сознают значения Священного Писания для проповедника – сами семинарии нередко не вселяют в воспитанников семинарии, будущих пастырей, такого сознания. В некоторых семинариях текст Священного Писания не только Ветхого, но и Нового Завета изучается мало: изучается, например, в некоторых семинариях скорее краткое изложение текста в учебнике (вместо

Евангелия – Священная История), чем самый текст в его непосредственном виде; или текст только читается и объясняется, но не изучается так, чтобы потом, сделавшись пастырем, питомец семинарии мог свободно пользоваться своим знанием Священного Писания. Конечно, многие тексты изучаются наизусть на уроках богословия догматического, нравственного, обличительного и т.д. Но ведь отрывочное знание текстов, без знания того, какое место занимают и какое значение имеют они в целом, очень мало приносит пользы. Проповедь делается жизненной не тогда, когда представляет механический подбор текстов, сохраненных памятью, а тогда, когда тексты извлекаются из целого с сознанием связи их с целою книгою или всеми писаниями известного апостола или пророка. Несколько отрывочных изречений известного лица получают для нас полное значение лишь при основательном знакомстве с характером, образом мыслей и настроением этого лица. Поэтому не столько на изучение догматики должно опираться Священное Писание, как на вспомогательное средство, сколько сама догматика и всякое богословие должно иметь свою основу и корень в Священном Писании.

Итак, пусть проповедники проникнутся сознанием того, что необходимее всего для них Священное Писание. Если о царе в Ветхом Завете было сказано: «когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов, и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей» (Втор.17:18–19), – то не тем ли более обязательно все это для священника, о котором сказано: «уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа» (Мал. 2, 7)? Пусть и каждый священник приобретет себе книгу Слова Божия (ибо все ли имеют ее в доме или хотя бы при церкви?) и поучается в ней если не «день и ночь», то хотя каждый день, ежедневно прочитывая по известному отделу, какой может назначить себе при прочих делах своих, и пусть назидает этим чтением дух свой, равно как извлекает назидание для паствы своей! Слово Божие есть «слово, которое слышали мы от начала», но в то же время и слово новое, «обновляющееся со дня на день» (1Ин. 2, 7; Откр. 21, 5; 2Кор. 4, 16) в сознании читающих, если только они читая размышляют, прилагают к сердцу читаемое и подвизаются поступать согласно с ним. Если же встречаются будут места непонятные, то пусть поступают согласно наставлению святого апостола Иакова: «Если у кого... недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, – и дастся ему» (Иак. 1, 5). Или пусть ищет толкователя, подобно евнуху царицы Кандакии, не понимавшему слов

пророка Исаии о страданиях Христовых и наученному апостолом Филиппом (Деян. 8)! Если Бог «открылся не вопрошавшим о Нем (язычникам), Его нашли не искавшие Его» (Ис. 65, 1), то не тем ли более близок Он всем ищущим Его?

Речь от Братства святого благоверного князя Александра Невского при гимназии⁴³

Кроме местной духовной школы, я имею поручение приветствовать гимназию от православного Братства, находящегося под духовным покровительством святого благоверного князя Александра Невского, покрову которого вверен и храм гимназии, а вместе с последним и сама она.

Еще так недавно при насчитывающей уже теперь сто лет своего существования гимназии возникло это Братство. Оно возникло из ревности о вере и Церкви некоторых родителей, воспитателей учащихся здесь или вообще лиц, сочувствующих и близко принимающих к сердцу жизнь гимназии, – из высказывавшегося означенными людьми задушевного желания, чтобы сердца питомцев гимназии более озарялись светом веры Христовой. В годы, когда устои религии колебались, – конечно, не сами по себе, а в умах и сердцах общества, тем более учащегося, еще не установившегося во взглядах юношества, – необходимо было усиленнее напоминать о звании христианском юношеству, волновавшемуся тогда совершенно иными вопросами, нежели вопросы святой веры Христовой. Гораздо чаще слыша отовсюду голоса, призывающие к разного рода званиям земным, светским, юношество очень мало сравнительно слышало о звании небесном, христианском. А реже слыша о последнем, юношество, естественно, забывало о нем, становилось к нему равнодушным, заглушало в себе голос этого звания, даже проникалось враждою к нему тайною или даже явною.

И вот нужно было что-либо сделать для напоминания христианскому юношеству о его высшем христианском звании, столь обесценившемся в его глазах в годы волнений: нужно было взрослым, родителям и воспитателям особенно, сплотиться в более тесное и как бы более осязаемое, а не именем только объединяемое христианское Братство. Но чтобы всетаки напоминания этого Братства о звании христианском не были лишь пустым звуком, Братство, кроме деятельности проповеднической и книжной, кроме различных мер для оживления в сердцах учащихся обеих гимназий любви к святой вере и Церкви, решило вступить на путь любви деятельной, поставило себе задачи благотворительные – помогать различными средствами желающим учиться и не имеющим на то необходимых денежных средств воспитанникам и воспитанницам.

Еще немного, конечно, сделано Братством для достижения своей главной задачи за немногие годы своего существования; будущее Братства еще впереди: оно в руках Божиих. Братство явилось при гимназии в конце столетнего ее существования; но бывает ведь иногда, что дети, появившиеся на свет у родителей в пожилые их годы, пользуются их особенною любовью. Приветствуя искренно гимназию со столетием ее существования, молодое Братство просит гимназию продолжить свое отеческое к себе попечение, столь необходимое, особенно в нежном юном возрасте, каждому живому существу.

Речь на молебне по окончании учебных занятий в Олонецкой Духовной семинарии⁴⁴

Много мыслей и чувств теснится в душе в нынешний прощальный день.

И прежде всего хотелось бы сказать вместе с вами: «Приидите, поклонимся и припадем Цареве нашему Богу», – припадем в чувстве благодарности за все блага жизни, какие получили от Него в течение уже многих лет, а вместе с тем «и восплачемся пред Господом, сотворшим нас» (Пс. 94, 6), о тех неправдах, которые сделали, вероятно, всех нас во многом худшими, чем были мы некогда, во дни детства.

Затем теснит душу и чувство печали при мысли о том, что уже не придется увидеть многих, а быть может, и всех вас, с которыми мы так долго вместе жили, беседовали и связаны были многим, кроме обитания под одной общей кровлей. Присутствуя вместе в последний раз в доме молитвы, которою здесь обвевалась столь многократно наша жизнь и наполнялась душа порывами к лучшему, невольно вспоминаем мы столь подходящие к настоящим минутам слова псалмопевца: «что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься?» (Пс. 42:5), помышляя, что уже, быть может, не придется нам снова входить вместе в этот дом молитвы, как прежде, когда мы «ходили в многлюдстве, вступали... в дом Божий со гласом радости и славословия празднующего сонма» (Пс. 41:5).

Охватывает душу и чувство беспокойства при мысли о том, куда же уйдут от нас те, с которыми доселе мы вместе жили и для блага которых старались трудиться? Возрастут ли в душах их те семена, которые мы, делатели недостойные и ленивые, сеяли все же с любовью и не без вздыханий? Или пойдет жизнь некоторых из них по совершенно иному пути, к иной цели, которые расходятся с нашей проповедью и учением о Христе, с этого места многократно возвещавшимися?

И вот все эти помышления и чувства невольно заставляют обращать взор к святым, которым совершаем мы празднование в нынешний прощальный день. Для того установлен праздник в честь Всех святых, чтобы показать, что дело Христа на земле не погибло, но было совершено до конца посланным Им в мир Духом Святым, действиями Которого и возвращены столь разнообразные и бесчисленные плоды «жизни по духу» в святых апостолах, мучениках, преподобных и прочих истинных сынах Церкви Христовой. Не им ли должны быть подобны и все мы? Итак, устремлены ли сегодня наши взоры и помышления к святым, в которых

каждый мог бы найти себе соответственно дарованиям своим лучший образец для подражания? Мы, носящие имя учеников и последователей Христовых, исполнены ли вместе со святыми желанием восполнять лики отпадших от Бога ангелов, не на земле, а в обителях небесных возвращать, каждый соответственно полученным дарованиям, плоды Христу, собирая сокровища не на земле, а на небе (Мф. 6, 19–20) и принося в Иерусалим небесный, по слову апостола тайнозрителя Иоанна Богослова, все почитаемое за «славу и честь народов» (Откр. 21, 26)? Или многие, выходя из стен этого духовного училища, вовсе не помышляют работать для Христа, но лишь для себя, для жизни на земле, работать лишь во имя светских идеалов и стремлений (не говорим уже – страстей), не увлекутся ли даже настолько жизнью «по обычаю мира сего» (Еф. 2, 2), что будут работать во имя движений жизни общественной, явно антихристианских, столь в наше время умножившихся?

Но прошло уже время наставлений и призывов: время уже настало, братие, вверить вас «Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более» (Деян. 20, 32). Ибо не можем мы сказать такого слова, которое простерло бы влияние свое на всю последующую жизнь. Не можем мы запечатлеть в вас сегодня и того светлого образа, какой мог запечатлеть святой апостол Павел в сердцах пресвитеров ефесских, прощаясь с ними (см. Деян. 20, 10–38). Итак, оставляем вам, братие, лишь свои молитвенные благожелания, которые здесь, пред этим престолом, так часто возносили. Что иное можем сделать мы, делатели немощные, ленивые и недостойные, как не отпустить вас с этими нашими молитвенными пожеланиями вам благ от Самого Христа, Господа нашего, бывшими лучшим, как думается, залогом прочности и пользы нашего общения в течение шести лет совместной жизни? Пусть же направит Сам Господь Иисус Христос пути вашей жизни так, как молитвенно желали мы во имя Его!

Вы вступаете на пути самостоятельной жизни в тот день, когда святая Церковь оканчивает пение Триоди Цветной и начинает круг богослужения обычный, будничный. Это как бы напоминание о том, что наступило для вас время возвращать не цветы лишь, но и плоды – время будничного труда, нередко столь тяжелого и притом настолько иногда лишенного чего-либо воодушевляющего и поднимающего дух, что люди, забывающие об истинном, указанном в христианстве источнике воодушевления, сами прерывают нити своей, уже ранее убитой в душе их жизни.

Ищите же этого источника воодушевления всегда и неизменно до конца своей жизни во Христе, пребывая в искреннем общении с Обещавшим пребывать в Церкви Своей до скончания века, и бодро

вступайте на пути жизни, какие кому Господь укажет, помня Его радостное обетование! И вы не будете посрамлены в своем уповании на Того, Кто сказал (как слышали мы сегодня) апостолам, оставившим ради Него все и последовавшим за Ним: «Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради Меня и Евангелия и не получил бы ныне, во время сие, во время гонений (за Христа, в наши дни так умножившихся), во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем – жизни вечной» (Мк. 10, 29–30; Мф. 19, 29).
Аминь.

Речь, сказанная воспитанницам Олонецкого Епархиального женского училища 15 июня 1908 года на молебне по окончании курса⁴⁵

Отныне, дорогие питомицы этого училища, пресекается нить вашей школьной жизни, которая, что бы ни говорили о ней, представляла в себе столько приятного, возвышающего душу, восхищающего, воодушевляющего. С настоящего дня в течении вашей жизни совершается важный перелом: вы вступаете, некоторые отчасти, другие же совершенно, в самостоятельную жизнь.

Быть может, для некоторых из вас путь самостоятельной жизни будет широким, пространным и гладким, для других же – тесным, тернистым, требующим тяжелой борьбы, в которой истощатся ваши духовные и телесные силы. По-видимому, не должно было бы являться каких-либо беспокойных мыслей о вашем будущем: так много прекрасных задатков создавалось в душах ваших духовным воспитанием! Смотри на вас, иногда думалось, что вы представляете собою как бы оазис в пустыне мира, в котором столь распространилось неверие и развращение. Особенно было приятно смотреть на проявления вашей религиозности, которые можно было замечать в столь многих случаях и которые нередко дышали всею свежестью и искренностью юного женского сердца.

Но невольно приходит при этом на мысль и то, что ведь добрые задатки воспитания бывают прочны лишь тогда, когда самостоятельно воспринимаются и усваиваются самими питомцами. Нужно ведь, чтобы последние свободно избрали себе идеал добра, который потом был бы путеводною звездой в их жизни, нужно, чтобы этот идеал был «написанным в сердцах» (Рим. 2, 15) ваших, как слышали вы сегодня в апостольском чтении, чтобы вы искренно отдались ему всем сердцем, по сказанному в Священном Писании: «даждь ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23, 26), нужно, чтобы в вас создалось непреклонное решение ходить по требованиям этого идеала. Сколько раз, например, мать ставит на ноги дитя, чтобы научить его ходить, и научиться оно может лишь тогда, когда будет прилагать самостоятельные усилия к хождению! Точно так же учебно-воспитательный строй школы ставил вас здесь в известные пределы, требовал соблюдения установившихся порядков и обычаев; однако последние могут сделаться достоянием жизни лишь в том случае, если сердце ваше лежало к ним и воля создала свободное решение усвоить

их для жизненного руководства.

Вы вступаете в самостоятельную жизнь, и добрые задатки, созданные в вас школой, могут подвергнуться в этой жизни нелегкому испытанию. В вас пробудится много новых потребностей, не изведанных еще влечений; быть может, придется выдержать и неизбежный в жизни большинства напор страстей, которые как бы огнем будут сожигать жизнь вашу... И вот устоит ли против этого напора бури и волн житейского моря слабая тростинка, с которой невольно хочется сравнить жизнь юной девицы, выходящей из-под попечительного крова школы? Не разрушится ли эта легкая постройка от порыва сильных бурь, бывающих столь нередко в человеческой жизни?

Не спешите же тотчас воспользоваться всею широтою свободы, которая по необходимости ограничивалась здесь, в стенах школы, не спешите как можно скорее испытать крепость духовного своего здания, которое построено воспитанием, не потрясите его прежде времени в самых его основах! Не увлекайтесь ложным идеалом современной свободы, проповедники которого, различные современные писатели (и вам, вероятно, неизвестные), подобны волкам хищным, приходящим в овечьей одежде: столь многих из учащегося юношества, в том числе и женского, увлекли они уже на широкий путь пагубы – разврата и смерти!

Гордо и свободно носить голову над землей призывают они современных людей, невзирая на пределы свободы, указанные христианством. Но насколько на самом деле прочно здание счастья, построенное этим гордо ходящим по земле человеком? Созданный из персти человек не возвращается ли неизменно в персть, из которой создан, притом не тогда, когда хочет сам, а когда Творцом это будет назначено? «Дух пройде в нем, и не будет, и не познает ктому места своего» (Пс. 102, 16) – вот что следовало бы сказать об этом здании счастья, которое хочет построить современный человек, руководясь своею собственною мудростию, хотя бы на основании всех данных современного научного знания. Если бы непоколебимым и надежным было это здание, то откуда же такое отчаяние, все более и более растущее во многих современных людях, откуда все увеличивающиеся жалобы на то, что нечем будто бы жить, нет будто бы смысла жизни, и это даже у юных девиц, пресекающих свою жизнь самоубийством?

Храните же и развивайте в себе сокровища духовные, приобретенные здесь чрез духовные воспитание, сокровища «нетленной красоты кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1Пет. 3, 4)! Правда, эти сокровища чужды внешнего блеска, свойственного идеалу современного

гордого свободного человека; но помните, что и Царствие Христово вообще чуждо внешнего блеска: «Не придет Царствие Божие приметным образом... Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 20–21). "Входите" лучше, по заповеди Господа нашего, «тесными вратами», а не пространными, широкими вратами современной свободы, ведущими в пагубу (Мф. 7, 13). Ведь расточительный человек скоро может растратить самые большие богатства и остаться нищим; то же самое может случиться и с человеком, слишком широко пользующимся всеми благами свободы в современном ее понимании.

Вместо мудрости человеческой лучше ищите себе всегда опоры во Христе, к чему так часто призывала вас духовная школа! Он есть Камень непоколебимый, так что построивший на нем здание своей жизни безопасен будет от всяких ветров и наводнений, неизбежно случающихся в море жизни с каждым. «Блажени вси надеющиеся Нань» (Пс. 2, 12). В Нем найдете вы неистощимый источник воодушевления во всех делах вашей жизни, опору во время бурь и бедствий жизни, врачующий бальзам в скорбях ее, умиротворяющую и поднимающую дух радость во всех событиях ее, хотя бы кажущихся иногда печальными! Благословение Его, – говорим вам в последнее напутствие, – да сопровождает вас во все дни жизни вашей! Аминь.

Речь на закрытии педагогических курсов для учащихся церковных школ Олонецкой епархии⁴⁶

В настоящий прощальный час, когда, казалось бы, легко и свободно должна литься пространная речь, полная прощальных напоминаний и благожеланий, я чувствую свои уста как бы связанными. И это потому, что не могу обнять одним мысленным взором всей массы разнообразных впечатлений, мыслей, чувств, настроений, которые пришлось вам пережить во время курсов, из которых некоторые еще не продуманы вполне вами и не уложились в душе прочно; от моего мысленного взора ускользают те пути, посредством которых можно было бы всю разнообразную массу впечатлений и настроений направить в русло жизни Христовой. Но, стоя сегодня в последний раз пред вами на этом священном месте, на которое с такою любовью я входил несколько раз во время вашего пребывания на курсах, я не могу не открыть еще раз уста свои и не напомнить еще раз вкратце, о чем более всего хотелось мне говорить с вами.

Мне хочется еще однажды засвидетельствовать вам, что я чувствовал себя сжигаемым огнем желания возвестить вам о славе Церкви Христовой, о том, как вам, деятелям школы церковной, ввести в ограду Церкви те пути жизни вашей, которые от этой ограды в тех или иных отношениях уклонялись. Этот огонь понуждал меня говорить вам здесь и преподавать уроки духовной жизни. Он влек меня и в беседах учебного характера показать, что и как можно сделать для того, чтобы жизнь народа, вами просвещаемого, стала истинно христианскою. То же самое влекло меня и к личным беседам с вами, из которых хотелось мне узнать, какие благоприятные условия или затруднения встречает каждый из вас в деле распространения света Христова по личным обстоятельствам и настроению, а узнав все это, и помочь по мере данных мне сил. Христос и Его Церковь, жизнь во Христе под сению Церкви – вот чем пламенела душа моя, когда стремилась к общению и беседам с вами, деятелями церковных школ; и в минуты наибольшего духовного просветления хотелось бы сказать: этого желаю более всего для вас, это сокровище духовное более всего хотел бы видеть распространяемым вами посредством школы. Все прочее, что не служит «приобретению Христа», хотелось бы тогда сказать с апостолом, да вменяется в сор и тщету (Флп. 3, 7–8); не в черный только день пусть вспоминается вами Христос с искреннею любовью, но пусть будет Он вашим прибежищем всегда и

дыханием вашей жизни – на всякое время и на всякий час!

Но все мы слишком обложены немощами, чтобы постоянно так помышлять. Не легко воспаряет дух наш ко Христу, тысячами сетей привязано сердце наше к земле. И как больно разрывать многие из них! Чувствуется, что многие из этих сетей может разорвать разве всемогущая благодать Христова и чрез тяжкие испытания жизни действующий Божественный Промысл. Только от внешнего мы способны постепенно восходить к внутреннему, только, научившись взирать на отражение солнца в воде, делаемся способными устремлять взоры к самому свету (святитель Василий Великий – беседы к юношам). Поэтому соберите усердно все полезное и прекрасное, что слышали и видели вы здесь, на курсах, на уроках русского языка, арифметики, природоведения, географии, истории и т.д., и подобно трудолюбивой пчеле, собирающей с различных цветов вещество для приготовления меда, постарайтесь все приобретения мудрости человеческой превращать в сладостный мед учения Христова, чтобы преподавать его народу.

Однако при напоминании об этом опять хотелось бы выразить пожелание, чтобы не пропали без следа, как рассеивающийся в воздухе дым, и мои беседы о жизни духовной. Быть может, это были беседы и скудные по влиянию на душу по сравнению со многими, что видели и слышали вы во время курсов, но все же внушенные любовью, ревностью о святой Церкви, любовь к которой только и может быть истинным венцом всех занятий наших на курсах и в школах наших. Не из обилия слов, накопившихся вследствие долговременных упражнений в речи, состояли эти беседы, но из слов, переплавленных испытаниями жизни, бывшими в разных местах моего служения. И мне приходилось иногда как бы снестать тот свиток книжный, который, как говорили мы в прошлый раз, исписан был внутри и снаружи словами: «плач, и стон, и горе» (Иез. 2, 9–10); и мне приходилось быть сжигаемым огнем ревности при виде того, как унижается слава Церкви Христовой, испытывать подобное тому, что испытывал пророк, падая на лице свое и вопия: «О, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?» (Иез. 9, 8).

Впрочем, конечно, в этот прощальный час более всего нужно молитвенно пожелать вам, чтобы вместо моего слова, слабого и униженного, учила и назидала вас все-действующая благодать Христова. Да пошлет вам она уроки жизни действенные и более сильные и чрез вас да сохранит она «остаток Израиля» христианского – святой Церкви – в народе, которому посвятили вы себя на служение, чтобы сделаться вам «делателями достойными и неукоризненными» (2Тим. 2, 15) в

винограднике Христовой Церкви и чтобы, понесши «тяжесть дня и зной" (Мф. 20, 12), как говорится в читанной сегодня евангельской притче, сподобиться должной награды от Хозяина небесного виноградника – Церкви! Да даст Господь вам еще здесь на земле приобрести любовь народа, а еще более – видеть совершающийся при вашем содействии подъем его духовной жизни под сению святой Церкви и школы ее, на небе же потом – сподобиться блаженного общения с Самим Христом, во имя Которого трудитесь для школы, народа и святой Церкви. В этом общении со Христом – источник радости истинной, ведомой лишь любящим Христа, вовеки не оскудевающей! Аминь».

Речь на молебне пред началом учебных занятий в 1908–1909 учебном году в Олонецкой Духовной семинарии⁴⁷

По обычаю с молитвы начинаем мы, братие, наступающий учебный год. И пусть будет эта молитва не простым выполнением издавна установленного обряда или одного из условных приличий общественной жизни, но пусть вводит она нас в область живой веры – той веры, которая воодушевляет на подвиги и труды жизни, скорби ее, в которой должны бы мы почерпать силы и для труда учебного, труда воспитания и самовоспитания. Для нас, деятелей и питомцев духовной школы, тем более молитва не должна быть пустым обрядом, а как бы вдыханием воздуха, без которого не могли бы в нас начать совершаться и различные отправления жизни.

Мы вступаем в учебный год в такой момент, когда явно усиливается повсюду в юношестве желание учиться, когда во имя науки отказываются от увлечения политикой, столь сильно охватившего учащееся юношество в последние годы, когда начинаются занятия в бойкотируемых доселе учебных заведениях. По видимости – весьма добрый залог успешности учебного дела. Но все же всмотримся внимательнее в эту жажду учения. Везде ли, прежде всего, она открылась? Увы! Мы видим усиленное стремление юношества в светские учебные заведения, в духовной же школе видим продолжающееся духовное запустение, особенно в высшей: не видим усиленного стремления юношества в ее стены, скорее даже как бы ослабевает с годами желание попасть в эту школу. Зато, скажет, может быть, кто-либо, остались в стенах духовной школы более ей преданные, избранные. Увы! как всегда и везде, «мало избранных». И те, которые остаются в стенах духовной школы, иногда остаются в ней не по любви и преданности ей, а потому, что не имеют возможности перейти в другую школу. Сердце и оставшихся в духовной школе нередко «далеко отстоит от нее», духовные сокровища книжные и иные, какие отличают собственно духовную школу, попрежнему остаются и будут, вероятно, у большинства оставаться в неведении, забвении, пренебрежении, скрытые в пыли книгохранилищ.

Что же? Быть может, духовная школа так плоха? Быть может, она, как все говорят и пишут о ней, «разваливается» и близка к полной смерти? Не будем хвалить свою школу, так как это было бы в устах наших похвалою

как бы самим себе. Но если плоха школа наша, то чем же и почему, собственно, плоха? Постановкою учебного дела? Но она едва ли хуже, чем в светских учебных заведениях, учебные силы школы духовной нередко бывают и лучше, чем в последней. Постановкою воспитательного дела? Но духовное юношество по своему трудолюбию, поведению и вообще нравственным качествам, по высоте нравственных и жизненных идеалов едва ли ниже юношества светского, а нередко гораздо и выше.

Если плоха наша школа, то скорее всего тем, что нередко в ней как бы недостает «духа жизни». В школе светской нередко как бы более жизненности, и это потому, что в ней веет свободнее дух иной, светской жизни, в котором действительно легче дышится обычному человеку, воспитанному и живущему в понятиях и обычаях светской жизни, пока, впрочем, после легкомысленного отношения к забытым и оставленным надолго в пренебрежении потребностям духа различные тяжелые испытания жизни не заставят человека отнестись к означенным потребностям сознательнее и искать настойчивее их удовлетворения. В школе духовной, конечно, веет также с избытком дух жизни светской, но, благодаря самому строю духовной школы и поставленной ею задаче, встречается и сталкивается он с веянием иной, духовной жизни. Этого-то духа жизни высшей, духовной, жизни во Христе, по заветам святой Церкви, и не чувствуется нередко в школе духовной, хотя воспитать в этом духе юношество духовная школа ставит своей задачей и только не может ее осуществить или не хочет.

Что же причиной тому? Кто более всего виновен в недостатке «духа жизни» в школе духовной? Самый ли строй ее? Или более те, кто наполняет стены ее? Скорее, по-видимому, в себе самих последние все-таки должны видеть виновников упадка духовной школы. Как слышали мы в читанной сейчас притче о сеятеле, «обольщение богатством и другие пожелания» (Мк. 4, 19), жажда благ и наслаждений житейских – вот что заглушает потребность знания духовных предметов, подавляет потребность жить высшею стороною жизни духа. Отсюда усиленное стремление в учебные заведения светские, открывающие более широкий доступ к благам земным, и запустение школы духовной. Правда, иногда бывает жажда знания светского чистая, благородная, бескорыстная, но такая жажда совсем не подавляет духовной, если же подавляет, то опять-таки вследствие слишком укоренившейся привычки обращаться в круге предметов, понятий земных, видимых, влечений жизни исключительно светской. Но думать, будто самый учебно-воспитательный строй духовной школы, преждевременность, чрезмерность, отрешенность от жизни

духовных занятий и упражнений в духовной школе по необходимости угашают в юности дух жизни школы духовной, было бы совершенно несправедливо. Ведь знания из области предметов духовных вводятся из года в года, от низших классов до высших, в школе духовной с тою строгою постепенностью в переходе от знаний внешних, светских к более глубокому изучению самого Слова Божия, на какую указывает святитель Василий Великий (в письме к юношам о пользовании произведениями писателей языческих), даже, быть может, с постепенностью большею, чем следовало бы. И по существу дела, неужели вопросы духа, исследуемые, например, в литературе, психологии, философии, богословии, в здоровом человеке могут возбуждать менее внимания и интереса, чем исследование земли и всего видимого мира с его явлениями? Неужели Слово Божие, в разнообразных его разветвлениях, изучаемое в школе духовной, менее ценно, чем слово и мудрость человеческие, изучаемые в школе светской?

Итак, не строй лишь школы духовной должны обвинять учащие и учащиеся, воспитатели и питомцы школы духовной в недостатке «духа жизни» в последней, но и самих себя, даже более себя самих. Временное забвение, отстранение, заглушение, искажение высших потребностей духа, иногда ненамеренное, иногда же и намеренное, объясняемое тем, что многие люди, особенно последнего времени, «возлюбили нынешний век» (2Тим. 4, 10), – вот что служит главною причиною охлаждения многих к школе духовной, ее запустения и «развала».

Приступим же к занятиям в наступающем учебном году, живее напечатлев в умах и сердцах своих картину того духовного ослепления от страстей житейских, изза которого богоизбранный народ «видя не видел и слыша не слышал и не разумел» (Мф. 13, 13; ср. Мк. 4, 12), из-за которого он не только утратил любовь к истине (2Сол. 2, 10), «более возлюбил тьму», зло и неправду (Ин. 3, 19), но и распял Господа своего. Будем хранить себя от подобного же духовного ослепления, которое производит запустение и наших сердец, равно как и нашей духовной школы! А для этого внимательнее будем присматриваться и немедленно искоренять тщательно терние житейских страстей, угашающих дух жизни в нас и в духовной школе. Только если предпримем означенный труд над своим сердцем, может возрасть в нем жажда знания чистого, бескорыстного, притом не словесного только, но и оправдываемого делами жизни.

Будем бодрствовать и трудиться тем более над своим сердцем, что только таким образом может храниться и развиваться в нем жажда познания предметов мира духовного, познания души, сохранить которую важнее, по слову Господа, чем «приобрести весь мир» (Мф. 16, 26), –

познания законов и проявлений ее жизни, равно как средств спасения от гибели в мире греха и страстей. Такое знание стремится дать и любовь к нему воспитать в питомцах своих духовная школа, если не всегда на деле, то по задаче своей. Аминь.

Речь на молебне по окончании занятий в церковных школах г. Житомира⁴⁸

К вам особенно, учащиеся дети церковных школ, сейчас обращаю свою речь, хотя и к прочим. Вам, здесь присутствующим деятелям церковной школы и любящим ее, следует приводить себе на память то, о чем я хочу сказать.

Сегодня, в день святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, собрались мы в храме, посвященном их имени, для того чтобы возблагодарить Господа по окончании учебных занятий в церковных школах. Хорошо благодарить Господа всегда, потому что «благ Господь всяческим, щедроты Его на всех делах Его» (Пс. 144, 9). Каждый день на литургии мы слышим: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи», и этими словами научает нас святая Церковь постоянно благодарить Господа за все благодеяния Его к нам, особенно же за то, что Он так возлюбил нас и пострадал за нас. Праведник – за неправедных, чтобы привести нас к Богу. Мы не можем за благодеяния Божии воздать Богу такими же добрыми делами и потому должны хотя словами от искреннего сердца благодарить Его. Только очень грубый человек не благодарит за сделанное ему добро; такой человек не лучше, чем животное, потому что и животные проявляют некоторую благодарность людям, которые делают им добро. А как приятны Господу хваления детей! Вспомните торжественный вход Его в Иерусалим, где Он из уст младенцев и грудных детей устроил хвалу, вспомните, с какою любовью Он привлекал к Себе детей и благословлял их, когда они приходили к Нему или даже приносимы были матерями своими по малому своему возрасту! Итак, возблагодарим Господа по окончании учебных занятий.

Вам, детям, учащимся в церковных школах, следует возблагодарить Господа не за то только, что получили в школе много знаний, полезных для вас в жизни, но и за то, что учились вы в школе церковной. Учение в школе церковной несколько особенное, не такое, как в других школах. Что значит учиться? Значит ли это только научиться читать, писать, считать и получить разные другие знания? Нет, особенно следует человеку научиться быть христианином, сделаться учеником Христовым. За Иисусом Христом постоянно следовало множество учеников и учениц, – чему они учились, слушая Его? Не обычные знания из разных наук Он сообщал им, а учил тому, как жить по заповедям Его. Они, например, желали быть больше один другого; но Господь научал их быть

смиренными, заповедал им не гордиться и не желать господствовать над людьми, как земные князья и вельможи; Он представил им в пример малое дитя, сказав, что всем людям нужно умалиться, как детям, которые не горды и не хотят господствовать друг над другом. Или, например, ученики Иисуса Христа гневались на врагов своих, ненавидели их и однажды хотели низвести огонь на людей, которые не приняли Иисуса Христа, как сделал Илия; но Господь учил Своих учеников кротости и говорил, что нужно не губить людей, а прощать им, любить их и спасать. Еще апостолы желали царства земного и славы человеческой, просили Господа, чтобы дал сесть им по правую или по левую сторону в Его царстве; но Господь сказал, что друзья Его должны пить чашу страданий, что вот Он Сам идет в Иерусалим и там враги Его осудят Его на смерть, предадут язычникам на поругание, биение и распятие, но Он в третий день воскреснет.

Церковная школа именно и заботится о том особенно, чтобы учащиеся в ней не только получили разные знания, но и делались истинными учениками Христовыми. Один святитель сказал, что грамота для человека, не имеющего страха Божия, то же, что меч для безумного, которым безумный может себе повредить, даже убить себя. Это и сбывается в жизни, особенно, например, во Франции, в которой не хотят учить детей Закону Божию в школах; за это там среди детей все более и более является преступников, чем более заботится правительство учить грамоте всех детей. Святые равноапостольные Мефодий и Кирилл, напротив, самую азбуку славянскую изобрели для того именно, чтобы просветить славян верою Христовою. Для этого же просвещения и школы устраивали первые русские князья, устраивали при церквях и обителях. Для того и учиться в школах начинали по Псалтири, в которой с первого псалма идет учение о том, как жить по закону Божию, в благочестии: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь» (Пс. 1, 1–2).

Читайте же чаще и вы, дети, святое Евангелие, чтобы вам с детских лет полюбить Бога и Христа, нашего Спасителя. В первые времена христианства дети христиан настолько любили Христа, что терпели за Него мучения и смерть, некоторые были замучены всего трех лет от роду. Вы любовь свою ко Христу должны показать хотя в том, чтобы всеми силами стараться исполнять заповеди Христовы, о которых написано в Евангелии. Возлюбите Христа, как святые, которые с детства начали любить Его всем сердцем. Так, святой равноапостольный Кирилл, когда еще был отроком, видел во сне прекрасную отроковицу, которой было имя

София, т.е. премудрость Божия, и вот с того уже времени возлюбил Бога и премудрость Его. Преподобный Сергей точно так же в детстве еще очень любил молиться Богу, и по усердной молитве его Бог помог ему хорошо учиться грамоте, и потом он сделался великим святым, к которому на поклонение приходят русские люди со всех концов земли Русской. Из недавно еще умерших людей вспомните о. Иоанна Кронштадтского, который еще в детстве очень усердно и часто молился Богу, например, где-нибудь в лесу или пред церковью своего села, когда шел в школу, – и вот он сделался великим пред Богом и людьми пастырем Церкви. Так и вы, если будете в школе еще учиться любить Бога, то ваша жизнь делается радостною при всех скорбях, какие будут случаться в жизни с каждым, и вы возрастете родителям и воспитателям вашим на утешение, Церкви и отечеству на пользу.

Поблагодарите же Бога по окончании трудов и помолитесь Ему, чтобы помог Он вам во время ученья в церковной школе сделаться истинными учениками Христовыми.

Действия Духа Святаго в душе человека. Духовному юношеству⁴⁹

В день святой Пятидесятницы святая Церковь призывала к молитве о ниспослании Святого Духа, Которого, по обетованию Христову, «хотяху приимати верующии во имя Его» (Ин. 7, 39).

Нас, воспитывавшихся или воспитывающихся в духовной школе, напоминание об этом обетовании должно было бы, по-видимому, исполнить особенной радости: об общении с Духом Святым должны были бы мы слышать, как о чем-то вполне родственном, известном, столь же необходимым для нас, как для жизни тела необходимо вдыхание воздуха. Ведь о Духе Святом напоминает нам постоянно и самое название нашей школы – «духовная», и потому если мир (не знающий Христа) не видит, не знает и не может приять Духа Святаго, то питомцам духовной школы Он должен быть ведом, как в них, подобно ученикам Христовым, пребывающий.

Но в том-то и горе, что наша школа называется нередко духовною более по имени, которому по существу она бывает иногда совершенно противоположна. Потому ли она, например, может быть названа духовною, что в ней изучаются духовные науки? Но как мало духовности в изучении, например, Библии, если богодухновенные страницы ее, входя в ум и память, не вызывают ни малейшего отзвука в сердце, тем более если встречают в нем злое неверие и осмеяние! Но не так должны отзываться на действия Духа Святаго сердца наши, – они должны отзываться живыми, свободными движениями. Не внешним соприкосновением духа нашего с богодухновенными словами святых апостолов и пророков свидетельствуется духовность и общение с Духом Святым. Господь Иисус Христос для того послал Духа Святаго в мир, чтобы Он научил всему и воспомянул людям словеса Христовы. Итак, в том состоит наиболее верный признак пребывания в нас Святого Духа, если мы, по апостолу, приобретаем «ум Христов» (1Кор. 2, 16), если «сие мудрствуется в нас, еже и во Христе Иисусе» (Флп. 2, 5), т.е. если в нас бывают те же мысли и чувствования, как и во Христе Иисусе, если чрез богодухновенные слова Евангелия Христова напечатлеваются в душах наших и дела любви Христа, положившего душу Свою за други Своя, если образ Христа все более и более пленяет дух наш, с любовью привлекает к себе, «умерщвляя плоти наша мудрование» и попаляя всякую скверну страстей в сердцах наших, которая затмевает чистейший лик Христов, в них начертанный.

Для того посылается Дух Святой, чтобы собрать воедино движения созданного по образу Божию духа нашего, которые, как зеркало разбитое, не могут в совершенстве отражать в себе свой первообраз, дабы «изобразился в нем Христос» (Гал. 4, 19).

Если же вообразится в наших сердцах Христос, то хотя мы не будем знать, «откуда приходит и камо идет» Дух Святой (Ин. 3, 8), т.е. действия Его будут непостижимы для нас, однако мы «глас Его» будем слышать, т.е. ощущать явственно действие Его в нашем сердце. Они будут ощущаться в неведомо откуда являющемся в душе нашей притоке сил для совершения заповедей Христовых, в том, что перестают быть пленительными для нас страсти, без которых ранее существование наше казалось нам пустым, мрачным и бесцельным, и дух наш начинает ощущать сладость свободы от связывавших его оков-страстей, по слову апостола: «идеже Дух Господень, ту свобода» (2Кор. 3, 17), – ощущать мир Христов, какого не может дать мир, и «радость о Дусе Святе» (Рим. 14, 17).

Итак, памятуя, что, «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9), потщимся, особенно мы, духовные, умолять Христа, дабы не отнял Он от нас Духа Своего Святаго, чтобы нас, особенно желающих сделаться вскоре продолжателями дела Христова на земле, – ибо для того мы учимся и воспитываемся в духовной школе, – «наставил Дух благий» (Пс. 142, 10) на путь правый во всех делах жизни нашей.

Духовному юношеству, оканчивающему курс семинарии⁵⁰

Оканчивающим курс духовной школы юношам естественно спросить себя при вступлении на предстоящее им служение Церкви, насколько их сердце осталось верным Христу среди всех мерзостей нынешнего времени. И прежде всего, сохранилась ли в них живая вера во Христа, Сына Божия? Или сделался близким к истлению этот корень духовной жизни в сердцах некоторых, так что осталось им, даже при желании иметь прежнюю веру, лишь вздыхать бесплодно о том, как блаженны верующие? Такие пусть испытают себя прежде, чем отказаться от веры, не от них ли самих зависела утрата веры. Ведь душа человека не делится на какие-либо самостоятельные клетки, между собой не сообщающиеся, а потому вера и убеждения человека находятся в неразрывно тесной связи со всем строем жизни человека. Следовательно, от самого человека зависит сохранить в себе хотя остатки веры, эти как бы остатки разбитого, но неизгладимо напечатленного в душе образа Божия. Если, несмотря на материалистическое мировоззрение, у людей сохраняется вера в истину, добро и красоту, в идеалы духа, то не более ли непоследовательным было бы отрицать самый источник и средоточие их – Живаго Бога и не применимы ли к подобным отрицателям слова псалмопевца: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог» (Пс. 13, 1)? Религия и вся область жизни духовной если и есть «надстройка» (идеологическая) над более могущественными и основными (как говорят социалисты) факторами общественной жизни (экономическими), то надстройка, не силами природы, не усилиями самого человека устроенная, но Самим Богом, – потому-то и оказываются бесплодными все попытки вывести эту «надстройку» из экономических условий, как следствие из причины: может ли произвести причина действие, по природе ей противоположное?

Но скажет кто-либо: я не сохранил веры, какую имел с детства, но заветы Христовы живы во мне, и я, будучи неверующим, быть может, лучший христианин, чем официальные последователи Церкви. Это излюбленное самооправдание людей нашего времени. Не говорим уже о том, что дух гордого самооправдания, которым проникнуты заявления подобных людей, чужд смирению Христа, «Себя умалившего до зрака раба» и смирившего Себя даже до смерти крестной (Флп. 2, 7–8); и потому мы не можем отнестись с доверием к таким заявлениям. Но кроме того, не подменили ли подобные люди заветов Христа иными заветами,

заимствованными из учений века сего, особенно социалистических, при видимом сходстве с христианским учением имеющих нередко, по существу, совершенно противоположный последнему смысл? Христос говорил: «Блаженны алчущие и жаждущие правды», о благах же земных: «Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и это все приложится вам» (Мф.5:6, 6:33); а последователи социализма все помышления низших, обездоленных классов общества хотят сосредоточить на ощущениях голода и на разных потребностях телесных, по удовлетворении которых только и находят возможным прилагать заботу о духе. Так подменяется в христианстве понятие об истинном благе вообще и о благе ближнего в частности, попечение о котором должно составлять первую обязанность каждого члена общества. Затем Христос возвещал свободу, состоящую в победе добра над злом, духа над плотью, а современные поборники освободительного движения подменяют это высокое понятие понятием о широком, беспрепятственном удовлетворении всех естественных потребностей, какое свойственно животным.

Если бы со Христом были в общении и Его заветы искренно возлюбили бы современные люди, то имя Его постоянно было бы у них на устах и в делах их, по словам церковной песни, которую часто мы повторяем: «разве Тебе иного не знаем, имя Твое именуем». Но не видим ли мы, что вместо имени Христова гораздо чаще повторяются иные имена, нередко имена ярых врагов Его (к каковым принадлежат многие вожди социализма), вместо знамения Креста Христова дерзновенно водружается иное знамя, столь соответствующее кровавым насилиям, которыми сопровождается осуществление идей века сего, особенно социалистических? И это не только в обществе, но даже в наших духовных школах! Со Христом ли таковые "собирают" или «расточают» (Мф. 12, 30)?

Впрочем, зачем перечислять и изображать все уклонения школы духовной от Христа, Его Евангелия под влиянием различных современных общественных движений? Уже поздно было бы сеять, когда наступило время жатвы. Посему, выходя из школы в жизнь, соберем в житницы духа нашего то, что уже посеяно, – «плоды Духа» (Еф. 5, 9), какие возросли в назначенное для этого возрастания время. Соберем остатки веры во Христа, молитвенного общения с Ним, любви к Нему. Сохраним и укрепим в сердцах наших оставшуюся верность законам Духа, чтобы не сделаться пленниками законов мира сего и побороть в себе «закон греховный» плоти, "во удех наших» действующий (Рим. 7, 23). К этому призывает нас в настоящий праздник и святая Церковь в одной из песней

своих: «решительное очищение грехов, огнедохновенную приимите Духа росу, о, чада светообразная церковная, ныне от Сиона бо изыде закон, языкоогнеобразная Духа благодать» (канон Пятидесятницы). Этот закон Христов, силою Духа Его, и напечатлеем в сердцах наших, исходя на делание в «мир, во зле лежащий». И тогда будем мы иметь в себе мир Христов, которого не может дать мир сей, не будем смущаться духом при виде возрастающего все более в мире зла, но с дерзновением во Христе, победившем мир, выступим на борьбу с его злом, имея всегда радость Христову, «исполнену в себе» (Ин. 17, 13).

Речь при закрытии педагогических курсов для учительниц церковных и министерских школ в г. Владимирволынске⁵¹

Наступившее окончание курсов побуждает невольно вспомнить, что «нет ничего вечного на земле». Все, как тень убегающая, невозвратно. Как солнце заходящее нельзя остановить, так нельзя возвратить то, что уже совершило свой временный круг. Месяц тому назад начались наши курсы, и вот уже нет их навеки, осталось совершить один печальный разъезд.

Вот наглядный образ того, насколько все мы, люди, должны быть на земле «странниками и пришельцами». Странник не может слишком привязываться к отдельным местам, которые встречаются ему на пути, иначе он не мог бы совершить путь свой, запаздывал бы или и совсем приобрел бы оседлость там, где сердце его нашло бы для себя слишком ценное сокровище, которое заставило бы его забыть о самой цели путешествия. Недаром древним апостолам, странствовавшим благовестникам Евангелия, было заповедано, чтобы они не останавливались в известном доме более трех дней, после которых шли бы далее, не ища ничего для себя, а только того, чтобы распространять благо Евангелия возможно многим.

Не то же ли должен помнить всегда и народный учитель? Чтобы успешно совершать свое дело, он должен всецело отдать ему свое сердце, не раздвояться, не рассеиваться своими мыслями, чувствами и желаниями по многим лицам, местам и предметам, – возможно всецело сосредоточить внимание и сердце на народе, школе и детях, чтобы сердце его, как бы магнит, привлекала школа или, по крайней мере, оно разгоралось бы, когда учитель войдет в школу и начнет свое привычное в ней дело. И даже добрые воспоминания о прошедшем (хотя бы о бывших курсах) не должны расслаблять сердца учителя, наполняя его мечтательными и грустными думами о невозвратно прошедшем. Пусть лучше эти добрые, светлые воспоминания будут как бы звездами, освещающими дальнейший путь среди мрака ночи. Слаб и холоден этот свет, но все же он разгоняет холодный мрак ночи; так и светлые воспоминания пусть разгоняют мрак печали, который, может быть, наполнит сердца некоторых из вас потому, что уже окончились светлые дни курсов. Не вечна ночь: после холодного мерцания звезд начинают снова сиять яркие, живительные лучи дневного светила – солнца; так и в ваши сердца воспоминания о курсах, после

неизбежной печали в день разъезда, да прольют, как лучи восходящего солнца, живительную теплоту и одушевленным сделают ваш последующий труд!

Но как все-таки примириться со всеми скорбями и утратами? Как утишить неизбежную при этом боль сердца? Как сделаться странниками и пришельцами на земле, знающими лишь высшую цель своего путешествия и ничем на пути не отвлекающимися? Беспристрастными вполне нам, конечно, не суждено быть на земле: нам предлежит постоянная борьба «плоти и духа», путь житейский человека совершается всегда среди терний. Взирай поэтому чаще на «треблаженное древо» Креста Христова, чрез которое насажден рай среди терния страстей человеческих, и на Распятого на сем древе. Не мрак ли был на Голгофе, видимый по всей земле? Однако отсюда же, с Креста Христова, воссиял и свет миру, указан путь жизни, и множество народов стало ходить во свете Христовом.

Множество было и теперь есть людей грешных и падших, душа которых погрузилась на дно и во мрак самого ада, но вот они идут к живительному свету Христову, отогреваются их души теплотою Христовой любви, и благодатью Духа Христова отныне «всяка душа живится».

Предайся же искренне Христу, ведущему тебя за Собою путем креста, и не будет у тебя неутолимой боли сердца ни от какой утраты. Преданность воле Божией – это сокращенный путь креста, которым призывается идти христианин, это высшая мудрость жизни, это лучшее целебное средство для освобождения сердца от всяких болезненных страстей. Вспомним слова великого Пирогова, которые мы приводили уже во время занятий на курсах: «Опять под сень священную Верховной Воли пусть склонит (человек) главу свою. Тогда исчезнут призраки, затихнет гул различных мыслей, поднявшихся из хаоса души. Их уничтожит и рассеет светлый луч и сладкозвучный голос этой Воли».

Итак, исходя отсюда в глухие углы сел и деревень, начертайте на знамени своего сердца, нить жизни которого в настоящую минуту как бы обрывается, священные слова: «Да будет воля Твоя!» Вспомните слова великого праведника, лишившегося всего на земле: «Бог дал, Бог и взял, да будет благословенно имя Господне!» – и повторите слова великого святителя: «Слава Богу за все бывшее!»

Речь при закрытии педагогических курсов в Житомире⁵²

При вашем разъезде, быть может, следовало бы еще однажды поднять ваш дух, еще однажды озарить лучами света в вашей душе все то, что пережили и приобрели вы на курсах прекрасного. И как после удаления светлого предмета долго еще виднеется светящаяся точка, пока все удлиняющееся пространство, наконец, скроет ее от взора, так долгодолго еще и озаренные последнею речью все сразу воспоминания о курсах должны были бы быть подобною яркою, светлою точкою в ваших душах, пока не побледнеют они от бегущего все вперед и вперед времени, вернее же, не от времени собственно, а от оскудевающей к дорогим когда-то воспоминаниям любви: ибо ведь то, что мы всем сердцем любим, то не забудется нами никогда, в том начатки жизни вечной. Нужна была бы, говорим, одушевленная, яркая речь, но... утомленное от усиленного труда сознание воспроизводит нередко только бледные образы, и оттого бледною становится прощальная речь. Боюсь, как бы и моя последняя речь к вам не произвела впечатление, подобное впечатлению тех, пылью покрытых книг, к которым притупился интерес после утомительных трудов в течение учебного года.

Но пусть будет и так! Изменились ли от этой пыли самые книги? И не делаются ли они по прошествии известного времени опять источниками воды живой для человека? Хотелось бы, чтобы то же было с нашими трудами учебными и беседами по вопросам жизни на курсах. Пусть изменяется в своем течении жизнь ваша, которая не может быть втеснена целиком в школьные, учебные рамки; но если на курсах было много хорошего, что теперь более ценным кажется при разъезде, то пусть и воспоминаниями о курсах, оттесненные прочими впечатлениями жизни, оживут со временем в душах, хотя и побледнеют на время. Пусть будят они лучшие струны души, высокие ее порывы, когда опять придется приняться за рядовую, безвестную, подчас как бы бесплодную работу земледельца и сеятеля на ниве народной души. Если общение наше здесь во время школьных занятий, в промежутках между ними, а также в церкви было источником некоторого подъема души, возбудителем лучших ее настроений, то пусть не сглаживаются окончательно следы этого общения и от текущего и все с собою уносящего времени, которое не само по себе, впрочем, а благодаря заботам житейским и растлевающим жизнь души страстям все покрывает плесенью. Все ветшает от времени, но обветшание

это можно задержать на целые годы, даже десятки лет, пока не настанет время, по слову Христову, «приготавливать себе влагалище неветшающее, сокровище неоскудевающее (для жизни) на небесах» (Лк. 12, 33). Душа имеет способность быть всегда юною. Такими были по душе великие педагоги и писатели Песталоцци, Ушинский, Пирогов. Таковы в особенности люди, на Христе основавшие все движения души и дела жизни. На таких людях сбывается во всей полноте слово Христово: «се, творю все новое» (Откр. 21, 5). У них сияет седина мудрости и разума в дни юности, в дни же старости остается душа столь же юною и чистою, как прекрасная душа младенца.

Итак, с глубокой, вдумчивой мыслью, озаряющей то, что было в период занятий на курсах, порвем нити, прикреплявшие к этому месту не тело только, но и душу. Если дороги нам эти нити и жаль их теперь порвать, то заменим внешние нити более тонкими, но более крепкими и надежными нитями души, протягивавшимися незаметно в течение месяца в сердцах. А они не могли не протягиваться, потому что множество труда, интереса, жизни души вообще вложено было вами в работу на курсах. Если же по свойственным каждому человеку немощам по временам замедлялся темп этого жизненного интереса, благодаря разным сторонним впечатлениям, если то, что истинно дорого, ценилось по временам менее, чем дешевые блески этих сторонних впечатлений, – от чего предостерегала, между прочим, и моя вступительная, всеми забытая теперь речь, – то да будет оценено то, что дорого, теперь, при его лишении.

А совпадение дня разъезда вашего с днем памяти князя-просветителя народа русского, оценившего бесповоротно при взгляде на картину Страшного Суда, что истинно дорого, что ожидает людей, находящихся здесь (в раю) и там (в пламени огня геенского), да напоминает нам, как всегда должны мы искать и дорожить прежде всего тем, что воистину наиболее ценно, что освящено Христом, минуя все прочее, что нас столь обманчиво увлекает.

Речь при закрытии певческо-педагогических курсов⁵³

Дорогие учителя нашей скромной, но носящей в себе глубоко жизненную идею церковной школы!

Да будет дозволено мне при прощании с вами высказать несколько прощальных сожалений. Первое из них касается того, что я, обремененный подчас безмерной работой в дни курсов, не мог отнестись с надлежащим вниманием к главному вашему делу, не мог наблюдать, как вы занимаетесь и воодушевляетесь церковным пением, не мог беседовать с вами об осмогласии, основе пения церковного, об обиходе, в звуках которого скрыта такая полнота духовно-церковной жизни и настроений. А между тем и я ведь так люблю церковное пение, и я ведь, хотя мимоходом, упоминал вам на своих лекциях по дидактике о мифическом Орфее, пением своим укрощавшем диких зверей, о том, как звуки пения церковного легко и без труда заставляют звучать лучшие струны нашей души, воскрешать, казалось бы, давно уже погребенные забвением лучшие воспоминания прежней жизни. Теперь остается высказать лишь свое запоздалое сожаление по поводу того, что отнята была возможность даже следить за занятиями, вас на курсах наиболее увлекавшими, а также радость по поводу того, что, как слышу, увлечение ваше было велико. Затем другое сожаление, которое теснится в душу, – это о том, что так пришлось мне сократить и урезать курс дидактики. Я успел едва, и то с обрезом, сказать вам о задаче начальной школы и о том, каков должен быть ее учитель и воспитатель. Правда, значение этих вопросов в дидактике равносильно значению головы и туловища в теле, но все же тело не может быть без ног: мне же и не пришлось коснуться отдела о самых методах или как бы путях обучения и воспитания.

Я успел наметить только общее направление этих путей, именно постарался как можно глубже запечатлеть в умах ваших ту истину, что вся жизнь школы, все малейшие пути и шаги учителя и воспитателя должны быть обвеяны христианством, как воздухом, которым всякое живое существо дышит. Это не значит, что умственное развитие в школе обесценивается. Напротив, я старался и в отделе о задаче начальной школы показать, что христианство лишь дает свободу уму человека, открывает самый широкий простор его деятельности, дает ключи к самым глубоким откровениям школы в науках истины, – и в отделе об учителе школы, очертив ясно качества ума учителя и характер истинной образованности, и в отделе о том, как учить и воспитывать в школе, указывал постоянно

способ всестороннего развития ума; мало того, в отделе методики Закона Божия хотел выяснить, что поставленное на философско-психологическую основу (путем особенно вопросо-ответной формы обучения в катехизисе) преподавание Закона Божия ведет лучше всего и к умственному развитию. Точно так же неисчерпаемую сокровищницу не только религиозно-нравственного, но и умственного развития является славянский язык.

Но все-таки везде старался я выставить на вид, что умственная жизнь есть лишь верхний слой духовной жизни человека; что дело учителя – провести борозды и в более глубоких слоях духовной жизни – в жизни сердца, «источника жизни», и в воле, с ее страстями и привычками, составляющими «вторую правду» человека, – что душа, если присмотреться к этим более глубоким слоям ее жизни, по самой природе своей оказывается христианской (Тертуллиан). И вот я видел с сожалением, даже с огорчением, как приходится мне обрезать свой курс, лишив его как бы столь важных частей, как ноги в организме. Я сознавал, что мой предмет не главный на ваших певческих курсах, и никого не виню, принимая во внимание краткость курсов, но все же подавить совершенно сожаления не мог. Наконец, не могу я не выразить сожаления, что мало имел возможности входить в общение с вами. Видя ваше внимание к лекциям, наблюдая, как вы по временам «ловили» каждое слово лекций, я все более воодушевлялся для беседы с вами. Тем не менее, хотя дух мой все более разгорался при вид вашего воодушевления, я должен был насильственно пресечь свои беседы, как бы на полуслове, и теперь в последний день ограничиться лишь сожалениями о том. Моя душа порывалась многократно возобновить прерванную беседу, но никак было нельзя. Поэтому в заключение поблагодарю вас за ваше внимание, за то, что своим вниманием и усердием вы воодушевляли меня здесь, воодушевили и на дальнейший подвиг, который, «Богу содействующу», я буду продолжать.

Примечания

¹ - Пирогов говорил, что нужно воспитывать прежде всего человека, – это значит, что нужно не то ставить первую задачей воспитания, чтобы создать механиков, моряков, врачей, юристов, но прежде всего людей. Только последняя мысль у Пирогова высказана довольно отвлеченно и туманно. Он говорил, что нужно возвышаться над материей, возвышаться над узкоматериальными интересами, основой которых служит стремление к счастью и наслаждениям в настоящей жизни; нужно, вопреки этим стремлениям, возвышаться в область идеального. Все, что есть высшего, прекрасного на свете: искусство, вдохновение, наука, – не должны слишком сродняться с всегдашнею жизнью; «нужно жить на земле для усовершенствования, приготовить себе через земное бытие путь к бессмертию; с этой точки зрения на жизнь наши мысли, намерения, речи получают другое направление (Е. Водовозова, «Умственное и нравственное развитие детей», с. 89–92).

² - В Париже, по словам Фулье, из ста детей, привлекаемых к суду, едва двое приходятся на воспитанников школ церковных. На сто детей, содержащихся в тюрьме (ЛяРокетт), приходится 87 питомцев школы светской и только 11 – школы церковной (Народ. Обр. за 1897 г., апр., ст. «Грамотность и просвещение»).

³ - Художественное воспроизведение той путаницы понятий, какую способен бывает вызвать в детской головке обширный круг сведений, сообщаемых детям на первых уроках грамоты «с целью развития их умственных способностей», мы находим в одном рассказе Глеба Успенского, где автор описывает встречу с одним мальчиком, слышшим несколько лет тому назад за внимательнейшего ученика, а потом вдруг «ни с того ни с сего» сбежавшим из школы. Разговор происходит между мальчиком и бывшим его учителем. На вопрос учителя, почему мальчик бросил школу, последний отвечал: «Скука! Такую скуку вы нагнали на меня тогда – страсть». Необходимо заметить, что сам учитель был из числа упомянутых радетелей «всестороннего развития». Начав с буквы «а», он заканчивал урок устройством вселенной; в конце же урока на вопрос, какая это буква, сбитые с толку одни ученики отвечали: рыба, другие: пароход, третьи: дуга! Немудрено, что при таком преподавании мальчик вдруг заскучал, стал дремать на уроках и скоро совсем оставил школу. Из дальнейшего повествования мальчика видно, что главной целью поступления его в школу было научиться читать, – «выучил азбуку, и

никакого любопытства мне в школе не осталось». Что «до научных сведений», то они его не интересовали. «Вы думаете, что я просвещения вашего желал?» – спрашивает мальчик. – «Совсем нет!» Какого именно хотелось ему «просвещения», это видно из другого места повести Глеба Успенского, где действующим лицом является мальчик, оставивший школу именно вследствие недостатка в ней церковнохристианских начал, олицетворявших собою идею ожидаемого им от школы «просвещения». Его любознательный ум занимали мысли о высшей правде в людских поступках: «за обиженного» человека он готов был отдать душу, лишь не знал, как это сделать, куда для этого идти – в затворники или в разбойники? Школу он оставил как раз перед Святой Пасхой. «Мы, деревенские ребята, – рассказывает он, – да и большие, ждали Светлого Воскресения, как, Бог весть, необычайной радости!.. Бывало, за целую неделю сердце от радости изнывает. В ту пору о божественном думал я крепко. Вот в таком расположении пришел я к вам в класс... и думал я, что вы нам, мальчикам, все это подробно растолкуете – как Пилат, что Иуда, и все до нитки, а вы что же? Вместо того свернули дело в три слова, всю историю в одну минуту... Иуда предал, Пилат, мол, распял, а через три дня Господь воскрес, – да потом сразу: где подлежащее, где глагол? Подчеркните собственные слова. Подлежащие, запятые, – а радости мне никакой не вышло». Разумеется радость, заключающаяся в родном для детей мире евангельских сказаний («Народное образование» за 1897 год, февраль, с. 3–84).

⁴ - «В основание народной школы – училища, основанного на Псалтири, была положена тенденция превратить эгоистическое сердце человека в сердце всескорбящее (приведены слова Герцена)... Цифири учили плохо – были бирки, а землю мерили (да и сейчас меряют) лаптями... Но воспитание сердца было настойчивое... Ничего практически полезного в каком бы то ни было виде выгоды или удобства эта школа не давала; напротив, она учила прямо необходимости в некоторых житейских отношениях нести убыток – подавать нищим, убогим, жертвовать на храмы и т.д. А между тем такую школу народ почитал за серьезную, гораздо более серьезную, чем теперешняя, где можно узнать массу чисто практически полезных сведений об удобрении, навозе и т.д. Практической пользы в хозяйстве, в доходе и т.д. не могло быть ни от какого чтения или заучивания наизусть, например, Псалтири. Всякий знал, что из этих рыданий псалмопевца «не сошьешь шубы», а долбили и плакали и наказывали за неуменье выдолбить, потому что видели нравственную необходимость глядеть на себя и на окружающих не с одной только точки

зрения дремучего леса. «Божественное» знакомило с нравственными обязательствами и задачами человека... Вот эту-то Божескую правду народ и считал важною в старинной псалтирной и часословной школе». («Власть земли», гл. XI – «Школа и строгость», с. 649–650.) «И вот за эту-то науку, касающуюся «строгости», т.е. высшей правды среди новых сложных общественных отношений, сложившихся в современной народной жизни, народ наш и был бы, несомненно, благодарен школе и сказал бы непременно: «Да, учат добру"» (там же, с. 653).

⁵ - Из подобных дневников или наблюдений обращает внимание «Школа в Алуште», см. в «Народном образовании» за 1897 г.

⁶ - Приведем здесь прекрасные слова К. П. Победоносцева о добросовестности учителя в отношении в своему делу из его книги «Ученье и учитель»: «Во всяком звании человек должен смотреть за собою, чтобы «духа не угашать» в себе. Обычное дело рук человеческих, день за днем, может подавить человека и овладеть им, если сам он духовно им не овладеет. Эта опасность угрожает в особенности учительскому званию. Учитель, закоснев на своем предмете и на однообразных классных упражнениях, может замереть духом в учебном обычае. Так, оставаясь исправным по внешности, может мало-помалу утратить способность жить одною жизнью со своим классом и духовно возбуждать его» (с. 34). «Учитель не есть какая-либо «принадлежность» школы, которая при ней предполагается, – это есть самая сущность школы, и без учителя никакая школа немыслима: учитель должен быть «создан» для школы... Учитель-ремесленник, учитель-чиновник не годится для живого дела. Учитель должен быть подвижником своего дела, полагающим душу свою в дело обучения и воспитания» (с. 16–17).

⁷ - Например, чтобы объяснить, что такое лезть, хитрость, учитель может воспользоваться баснею Крылова «Ворона и лисица». Рассказывая басню, ученики сами поймут, как назвать лисицу за те или другие ее поступки.

⁸ - Они ссылались на св. Иоанна Златоуста, но совсем неосновательно. Златоуст говорит не о строгости к детям, состоящей в побоях и сокрушении ребер, а о строгости внушений и об удерживании от дурных действий. Строгость эта состоит в том, что родители не должны потворствовать прихотям детей, развивать в них любви к богатству, светским развлечениям, а внушать вместо всего этого любовь к чтению Писания, научать их добрым нравам, скромности, целомудрию.

⁹ - «Учитель ошибается, – говорит К. П. Победоносцев в своей книге

«Ученье и учитель» (с. 7), – если думает, что все дело его содержится в урочных часах преподавания в классе. Много важнее междуурочные и послеурочные часы занятий с детьми: здесь собирается богатый материал для оживления интереса, для возбуждения мысли и воображения, для сообщения понятий и сведений, здесь прямое средство духовного и душевного общения учителя с детьми и залог сердечной и умственной привязанности детей к школе и учителю».

¹⁰ - Диафильмы. – Ред.

¹¹ - Например, они испытывали хотя бы чувства особенной благодарности и любви к Спасителю в дни Страстной седмицы, – можно напомнить об этих чувствах детям, когда придется говорить о крестных страданиях Спасителя. Говоря о таинствах, можно напомнить о чувствах, какие дети испытывали после исповеди и причащения Святых Тайн.

¹² - О прочих двух перстах учитель не спрашивает, потому что это не имеет прямого отношения к уроку; поэтому прерывает ответ ученика дальнейшим вопросом.

¹³ - Если ученики не дадут полного ответа, то их ответ может дополнить сам учитель.

¹⁴ - Существует также традиция пения возгласа «Господи, благослови» хором. – Ред.

¹⁵ - Вот что постановил в 1890 г. 25 февраля один (Кувькский, Самарской губ.) сельский сход, на котором крестьяне имели суждение о своей сельской школе: «Нам нужно, говорится в приговоре, чтобы дети наши с первого же слова учили слово Божие, как учат его те, которые учатся читать по церковным азбукам. Там дети с первого же слова учат об ангелах и архангелах. А в этих азбуках, что в теперешних школах учат, о Боге нет ни слова. Добродетельной жизни нужно бы учить по Евангелию, по слову Божию, а у нас учат по побасенкам, по какому-то «Родному слову». Это ихнее «Родное слово», может быть, и родное комунибудь, но только не нам, мужикам. Нам нужно Христово слово, Спасителево. Если слово Божие вложится в душу с малолетства, так парень с гармоникой к кабаку уже не пойдет. Это нам и нужно... Теперь же из уездного училищного совета не высылаются никаких книг божественных, кроме Евангелия» и т.д. (Журн. Ц.Пр. Школа. 1894 г., апр., ст. «Церковнославянская грамота и православная народная школа».)

¹⁶ - Можно начинать первое учение по «Азбуке для обучения отроков», можно по азбуке Ильминского; только последняя неудобна тем, что в ней приходится для упражнения в чтении читать непонятные склады,

иногда совсем не встречающиеся в речи. Это можно еще допустить, если обучение начинается со славянской азбуки и, таким образом, при изучении ее дети еще впервые знакомятся с механизмом чтения, когда действительно необходимо только упражнение; но такое механическое чтение едва ли удобно для детей, уже умеющих читать порусски и потому начавших читать связную, осмысленную речь. Более удобным в этом случае представляется букварь Тихомирова. Посредством упражнения в чтении по «Азбуке» нельзя познакомить с некоторыми буквами, например кси, пси и другими.

¹⁷ - Можно и по букварю Тихомирова, хотя там изречения подобраны менее удобно; у Ильминского более простые и известные, потому что выбраны из песнопений всенощной, литургии и других служб.

¹⁸ - О том, как неосновательно избегать чтения по Псалтири ради ее непонятности для детей (преувеличенной), и о значении этого чтения сказано было выше, когда шла речь о задаче начальной школы.

¹⁹ - Приложение к ОЕВ. № 15. 1908. С. 14.

²⁰ - Приложение к ОЕВ. № 15. 1908. С. 58.

²¹ - Приложение к ОЕВ. № 16. 1908. С. 14.

²² - Попутно дети на основании рассказа о чудесном насыщении и хождении по водам выводят понятие о чуде как действии, которое могло быть совершено только Божественною силою.

²³ - Приложение к ОЕВ. № 16. 1908. С. 46.

²⁴ - Приложение к ОЕВ. № 17. 1908. С. 46.

²⁵ - Житомир. Волынская губернская типография. 1911.

²⁶ - Житомир. Волынская губернская типография. 1911.

²⁷ - Житомир. Волынская губернская типография. 1911.

²⁸ - Житомир. Волынская губернская типография. 1911.

²⁹ - Житомир. Волынская губернская типография. 1911.

³⁰ - Дальнейшая работа за недостатком времени исполняется на следующем уроке 17 августа.

³¹ - Житомир. Волынская губернская типография. 1911.

³² - Эту часть урока за недостатком времени учитель не успел разработать.

³³ - Чтобы напомнить об этом и следующих возгласах нагляднее, учитель спрашивает, что говорит архиерей с амвона, обратившись лицом к народу и осеняя на три стороны (середину, вправо, влево) народ дикирием и

трикирием.

³⁴ - Житомир. Волынская губернская типография. 1912г.

³⁵ - Житомир. Волынская губернская типография. 1912.

³⁶ - Житомир. Волынская губернская типография. 1912.

³⁷ - Самые слова: «кафизмы», «псалом» объясняются на уроках славянского языка.

³⁸ - УЕВ. 1902.

³⁹ - УЕВ. 1902.

⁴⁰ - УЕВ. 1902. № 1824. С. 1229–1232.

⁴¹ - Речь произнесена 2 июня 1904 г. ОЕВ. 1904. № 12. С. 354–359.

⁴² - ОЕВ. 1904. № 14. С. 421–427.

⁴³ - ОЕВ. 1906. № 20. С. 456.

⁴⁴ - Произнесена 8 июня 1908 г. в церкви Олонецкой Духовной семинарии в Неделю Всех святых. Приложение к ОЕВ. № 13. 1908.

⁴⁵ - Произнесена в церкви Олонецкого Епархиального женского училища 15 июня 1908 г. в Неделю 2ю по Пятидесятнице. Приложение к ОЕВ. № 14. 1908. С. 12.

⁴⁶ - Произнесена 9 июля 1908 г. в помещении Олонецкой Духовной семинарии. ОЕВ. 1908. № 16. С. 367–368

⁴⁷ - Произнесена 3 сентября 1908 г. в церкви Олонецкой Духовной семинарии. ОЕВ. 1908. № 18. С. 397–399

⁴⁸ - Произнесена 11 мая 1909 г. ВЕВ. 1909. № 22. С. 443–445.

⁴⁹ - ВЕВ. 1910. № 24. С. 439.

⁵⁰ - ВЕВ. 1910. № 25. С. 457–458.

⁵¹ - ВЕВ. 1910. № 39. С. 700.

⁵² - Произнесена 14 июля 1911 г. ВЕВ. 1911. № 31. С. 609.

⁵³ - ВЕВ. 1914. № 30. С. 504.

Содержание

Записки по дидактике священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской	1
Общая дидактика	2
О задаче начальной школы	3
Об обязанности учителя не только учить, но и воспитывать детей	3
Понятие о воспитании, виды воспитания	5
О счастье и пользе воспитанника как основной цели воспитания	7
О природосообразности воспитания	8
О гуманности воспитания	10
Следствия отрешения воспитания от религии	11
О воспитании христианском как единственно правильном и сообразном с природою человека	13
Мысли преосвященного Феофана о христианском воспитании	14
Соответствие «учения» в древнерусской школе идеалу христианского воспитания	20
Возвращение к этому направлению в школе церковно-приходской	22
Сочувствие этому направлению некоторых русских педагогов и писателей	23
Обязанность учителя школы воспитывать детей в духе христианского благочестия	24
Соответствие вышеуказанной задаче воспитания программы церковно-приходской школы	26
Сравнительное значение в достижении этой задачи трудов учителя и учительницы	27
О качествах учителя начальной школы	29
О необходимости подготовки к учительству путем практическим и теоретическим	29
Что читать учителю	30
О необходимости для учителя наблюдательности и умения применяться к личным особенностям воспитанников	32

воспитателю	
О темпераментах	32
О значении личности учителя и его нравственных качеств в учебновоспитательном деле	35
О призвании учителя	35
О добросовестности учителя	36
О любви к детям	37
О недостаточности одной природной симпатии	38
О христианской любви и ее отличительных качествах: постоянстве, терпении, самоотвержении	39
О справедливости	40
О приветливости в обращении	41
О религиозной вере учителя	42
О значении внешности учителя	43
Об отношении учителя к родителям учащихся и к заведующему школою священнику	44
Об общих качествах обучения	47
Общее замечание о природосообразности обучения	47
О наглядности обучения	47
Как понимать наглядность	47
О возбуждении самостоятельности учащихся	49
Замечание о вопросах, делаемых учителем, и ответах учеников	49
О равномерном воздействии обучения на все познавательные силы учащихся	50
Замечание об употреблении двух главных форм обучения – излагательной и вопросноответной	51
О воздействии обучения, кроме ума, и на прочие силы души	52
О порядке и последовательности обучения	52
О методичности обучения, о значении метода в обучении	53
Общее замечание о благотворном влиянии на ученика самого обучения и личности учителя	55
О слове и надзоре	55
О дисциплине и других учебновоспитательных средствах	57
О дисциплине, понятие о ней	57
Значение дисциплины	57
Средства ее поддержания	58

Различные взгляды на дисциплину и их крайности	59
О других второстепенных учебновоспитательных средствах	59
О пересадке учеников	60
О наградах и наказаниях	60
Замечание о теории так называемых естественных наказаний	61
О телесных наказаниях	62
О самостоятельных работах и о наблюдении за учениками вне школы	64
О способе их задавания	64
О проверке их	65
Замечание об одновременном занятии учителя с двумя или тремя отделениями	65
О наблюдении за самостоятельным чтением учеников вне школы и за их поведением вне школы	66
О связи школы со своими бывшими учениками	66
О преподавании Закона Божия	68
О пользе и значении знакомства с приемами преподавания Закона Божия для учителя школы	69
О характере преподавания Закона Божия в школе	69
Как начинать обучение Закону Божию	70
Предметы школьного обучения Закону Божию	71
О вступительных беседах по Закону Божию – их содержании, значении и характере	71
Об изучении молитв	73
Характер изучения молитв	73
Средства практического научения молитве	73
Приемы изучения молитв; о разных взглядах на это изучение	74
Сравнительная оценка этих взглядов	75
О порядке заучивания молитв наизусть	77
О порядке, в каком должны быть изучаемы молитвы	78
О преподавании Священной Истории	79
О главнейшем средстве преподавания Священной Истории – рассказе и о качествах, требуемых от рассказа	79
О порядке преподавания Закона Божия, о системах: совместной, параллельной и концентрической	81

совместной, последовательной и концентрической	
Об изучении Священной Истории Ветхого Завета, о значении его и сторонах, требующих особенного внимания	81
Изучение Священной Истории Нового Завета и Церковной Истории	83
Об употреблении картин и других наглядных пособий	84
О преподавании катехизиса	86
Состав катехизиса в школе	86
Приучение к связности изложения	86
О точности изучения катехизиса	87
О жизненности изучения катехизиса	87
Замечания об изучении катехизиса по «Начаткам»	88
Об изъяснении богослужения	90
О характере изъяснения богослужения	90
Предметы, требующие особенного изъяснения	90
Тело и Кровь Христовы силою Духа Святаго	91
О системах преподавания Закона Божия – совместной, последовательной, концентрической	92
О соединении отделений на уроках Закона Божия	94
О самостоятельных работах по Закону Божию	95
Конспект вступительной беседы с детьми младшего отделения по Закону Божию	95
Первый урок по Священной Истории в младшем отделении совместно со средним	98
Конспект урока по изучению молитв в младшем отделении	101
Ход урока	101
Конспект урока по Священной Истории в среднем и младшем отделениях	106
Предмет урока – рассказ о грехопадении первых людей.	106
Конспект урока по катехизису в старшем отделении	109
Ход урока	109
Конспект примерного урока по катехизису в старшем отделении	112
Конспект урока по богослужению в среднем и старшем отделениях	116
Конспект примерного урока по изъяснению богослужения в старшем отделении	120
О преподавании славянского языка	124

О значении церковнославянского языка в школе для религиознонравственного воспитания и умственного развития	125
О месте, занимаемом славянским языком среди других предметов церковноприходской школы	128
С какой грамоты начинать обучение – с русской или славянской	129
Можно ли учить славянской грамоте по старинному буквосочетательному методу	131
О приемах обучения славянской грамоте	133
Об изучении азбуки	133
О материале для первоначального чтения	134
Об ознакомлении с надстрочными знаками и цифрами	135
О качествах, требуемых от славянского языка	136
О приемах обучения чтению правильному и выразительному, об исправлении ошибок, о примерном чтении самого учителя	137
О приемах перевода со славянского языка на русский, о практическом ознакомлении со славянскими формами и оборотами	139
О приучении к связности перевода	140
Замечание об объяснении непонятных слов и мыслей читаемого, в частности – Псалтири	140
Замечание о совместных работах с двумя отделениями	142
О самостоятельных работах	142
Конспект примерного урока по славянской грамоте в младшем отделении	143
Конспект примерного урока по славянской грамоте в среднем отделении	146
Конспект урока по славянскому языку в старшем отделении	150
Конспекты уроков по Закону Божию и славянскому языку	154
Конспект урока по славянскому языку в среднем отделении совместно со старшим на педагогических курсах 10 июля 1908 года ¹⁹	155
Конспект урока по Закону Божию в младшем и среднем отделениях совместно со старшим, данного на педагогических курсах в г. Петрозаводске 9 июля 1908 года ²⁰	160

Конспект урока по катехизису в старшем отделении совместно со средним, данного на педагогических курсах в г. Петрозаводске 12 июля 1908 года ²¹	164
Конспект урока по катехизису в старшем отделении совместно со средним и младшим на педагогических курсах в г. Петрозаводске 15 июля 1908 года ²³	169
Конспект урока по славянскому языку в старшем отделении, данного на педагогических курсах в г. Петрозаводске 21 июля 1908 года ²⁴	173
Конспект урока по Закону Божию, данного на педагогических курсах для учителей церковных и министерских школ в г. Житомире 6 июля 1911 года ²⁵	177
Конспект урока по Закону Божию во всех отделениях, данного на педагогических курсах в г. Житомире 8 июля 1911 года ²⁶	181
Конспект урока по изъяснению Богослужения в старшем отделении совместно со средним, данного на педагогических курсах в г. Житомире 11 июля 1911 года ²⁷	185
Конспект урока по Закону Божию во всех трех отделениях, данного на педагогических курсах в г. Житомире 13 августа 1911 года ²⁸	192
Конспект урока по Закону Божию во всех отделениях, данного на педагогических курсах в г. Житомире 16 августа 1911 года ²⁹	197
Некоторые, более трудные объяснения повторяются попутно детьми разных отделений ³⁰	203
Конспект урока по Богослужению в старшем и среднем отделениях, данного на педагогических курсах в г. Житомире 17 августа 1911 года ³¹	205
Конспект урока по Закону Божию во всех отделениях, данного на педагогических курсах в г. Житомире 6 июля 1912 года ³⁴	211
Конспект урока по Закону Божию, данного на педагогических курсах в г. Житомире 7 июля 1912 года ³⁵	215
Конспект урока по Закону Божию, данного на педагогических курсах в г. Житомире 9 июля 1912 года ³⁶	221
Приложение	224
Речи, произнесенные архиепископом Фаддеем в семинариях, гимназиях и церковных школах, на открытии и закрытии	225

педагогических курсов	
Слово при открытии педагогических курсов для учителей и учительниц земских школ38	226
Слово при закрытии педагогических курсов для учителей и учительниц земских школ39	229
Слово на молебне при закрытии курсов для учителей церковноприходских школ40	232
Речь, сказанная окончившим курс воспитанникам и воспитанницам Олонецкой гимназии на молебне41	235
Несколько слов о необходимости для проповедника тщательного изучения Священного Писания Ветхого и Нового Завета и пользования им в проповедях42	240
Речь от Братства святого благоверного князя Александра Невского при гимназии43	246
Речь на молебне по окончании учебных занятий в Олонецкой Духовной семинарии44	248
Речь, сказанная воспитанницам Олонецкого Епархиального женского училища 15 июня 1908 года на молебне по окончании курса45	251
Речь на закрытии педагогических курсов для учащихся церковных школ Олонецкой епархии46	254
Речь на молебне пред началом учебных занятий в 1908–1909 учебном году в Олонецкой Духовной семинарии47	257
Речь на молебне по окончании занятий в церковных школах г. Житомира48	261
Действия Духа Святаго в душе человека. Духовному юношеству49	264
Духовному юношеству, оканчивающему курс семинарии50	266
Речь при закрытии педагогических курсов для учительниц церковных и министерских школ в г. Владимирволынске51	269
Речь при закрытии педагогических курсов в Житомире52	271
Речь при закрытии певческо-педагогических курсов53	273
Примечания	275